

В. Р. ЯЩЕНКО

РОССИЙСКИЕ КОЛУМБЫ

Annotation

В популярной форме рассказано о трудных походах топографов и геодезистов в полярных и таежных экспедициях при выполнении топографических и геодезических работ. Эти описания основаны на записях в дневниках, которые автор вел в экспедициях. Книга продолжает и развивает тему, начатую автором в издании «Карты — ценою жизни».

Для широкого круга читателей, интересующихся работой топографов и геодезистов.

- [Ященко В.Р.](#)
  -
  - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
  - [РОССИЙСКИЕ КОЛУМБЫ](#)
  - [ЯМАЛ](#)
  - [МЕДВЕЖЬИ ПРОКАЗЫ](#)
  - [КУБИНЕЦ](#)
  - [КРАСНЫЕ КРЕСТЫ](#)
  - [ЕГОРЫЧ](#)
  - [ПРИКОЛИСТЫ](#)
  - [О ГЕОДЕЗИСТАХ, УШЕДШИХ В ВЕЧНОСТЬ](#)
  - [МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ](#)
  - [ЗЛАТОКИПЯЩАЯ МАНГАЗЕЯ](#)
  - [СМЕРТНАЯ ТРОПА](#)
  - [ИССЕЛЕЙ](#)
  - [НЕСПИСАННЫЕ ПРОДУКТЫ](#)
  - [НАХОДЧИВОСТЬ](#)
  - [ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВА](#)
  - [ПРАЗДНИК ШАРОВ](#)
  - [РАДИЙ И РОДИОН](#)
  - [БЕЛАЯ УПРЯЖКА](#)
  - [НЕПРИЯТНЫЙ ОПЕКУН](#)
  - [ОДИНОКИЙ](#)
  - [БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ](#)
  - [МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА](#)
  - [ВЫСТРЕЛ У ОБРЫВА](#)
  - [ХИЖИНА БОБИРЫ](#)
  - [ПРИМЕТЫ ЖИЗНИ](#)

- [СЫН ХАНТАЙКИ](#)
- [СКРАДОК](#)
- [БЕРЕЗКА](#)
- [СПАСИТЕЛИ](#)
- [КОРЕНЬ](#)
- [ДВУЖИЛЬНАЯ](#)
- [ЛЕКАРИХА](#)
- [ПОРТСИГАР](#)
- [РЕДКИЙ ПОЕДИНОК](#)
- [ЛЮМБИРА](#)
- [ЦЕННОСТИ](#)
- [СТОРОЖЕВОЙ](#)
- [ПОХИТИТЕЛИ](#)
- [РЫБНЫЙ КОРОЛЬ](#)
- [СОЛОВКО](#)
- [САРАНЧА](#)
- [ГОРНЫЙ ДУХ](#)
- [ПОМОЩНИК](#)
- [ПЕСНЯ ЧАЙНИКА](#)
- [ПОЗНАЮТСЯ В РАБОТЕ](#)
- [ЗА ПОДКОРМКУ](#)
- [НА АГУЛЕ](#)
- [СХВАТКА С КАЗЫРОМ](#)
- [ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК](#)
- [ПО ТАЙГЕ НА ОЩУПЬ](#)
- [ТОПОГРАФЫ О ЛЫКОВЫХ](#)
- [ВСТРЕЧА](#)
- [ТАЕЖНЫЙ КОТТЕДЖ](#)
- [ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО](#)
- [ФОМКА](#)
- [НОВОСЕЛЫ](#)
- [ГИПОТЕЗА](#)
- [СЛЕДЫ НА СНЕГУ](#)
- [Contents](#)
  -
  -
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)

- [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
-

Ященко В.Р.

Российские Колумбы

Виктор Романович Ященко более сорока лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено трудных геодезических маршрутов — пешком с тяжелым рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках. Во всех экспедициях Виктор Романович не расставался с дневником и фотоаппаратом. Записи в дневниках автора о людях героической профессии нашли отражение в настоящей книге.

В.Р. Ященко

РОССИЙСКИЕ КОЛУМБЫ

Москва
Картгеоцентр – Геодезиздат
2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2000 году издательство «Картгеоцентр-Геодезиздат» выпустило книгу В.Р. Ященко «Карты — ценою жизни».

Сразу же после выхода книги в редакцию стали приходить отзывы геодезистов и картографов. Многих специалистов задела за живое эта книга, поскольку позабытыми таежными тропами прошли многие геодезисты. На одном из собраний руководитель Федеральной службы геодезии и картографии России А.А. Дрожнюк сказал: «За два выходных дня я прочитал книгу В.Р. Ященко “Карты — ценою жизни” от корки до корки. Мне книга понравилась, и я всем советую ее прочитать». Александру Александровичу Дрожнюку все написанное хорошо знакомо. Работая в Сибири, он возглавлял экспедицию, а затем предприятие. Во второй половине 80-х годов он был назначен первым заместителем начальника Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР, а в 1991 г. был утвержден первым заместителем председателя Комитета геодезии и картографии СССР и по долгу своей работы выезжал на расследование всех несчастных случаев в Советском Союзе, а они в те времена были не редкость. Поэтому о многих бедах он знал не понаслышке.

Бывалый геолог Виктор Георгиевич Урвачев, проработавший много лет в экспедициях, в настоящее время консультант в Правительстве Российской Федерации, прочитав книгу «Карты — ценою жизни», сказал: «Многие подобные эпизоды происходили и со мной, написанное задевало за живое, по коже бегали мурашки, а главное — книга вдохновила меня написать обоснованную справку об установлении профессионального праздника Дня работников геодезии и картографии. Вот несколько фраз из этой справки, которые убедили председателя Правительства Российской Федерации М.М. Касьянова «благословить» проект указа об установлении профессионального праздника геодезистов и картографов: «...современная геодезия и картография невозможны без использования космических, авиационных и электронных технологий и техники. Но они также невозможны без тяжелого и самоотверженного труда геодезистов и картографов в поле, зачастую в незаселенной местности, в трудных природных условиях. В результате труда российских геодезистов и картографов мало стран в мире, которые по уровню картографо-геодезического обеспечения своей территории могут сравниться с Россией, а с учетом размеров территории, ее достижения в данной области уникальны. Установление профессионального праздника Дня работников

геодезии и картографии будет являться признанием заслуг работников отрасли и способствовать поднятию престижа профессии». И как известно 11 ноября 2000 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ «О Дне работников геодезии и картографии».

Из далекого сибирского города Минусинска пришло письмо от рабочей топографо-геодезической экспедиции М.И. Простакишиной, проработавшей в этом коллективе более 30 лет. Вот выдержки из письма: «...Петрович умер с Вашей книжкой в руках. В последнее время он сильно болел и просил: “Маша, прочитай еще раз, где Виктор Романович пишет про меня, и про нашу экспедицию, и про Сахарова, и про всех наших”. Я вновь читала, перечитывала один эпизод за другим, он успокаивался, появлялись слезы на глазах, и он засыпал, перебарывая таежными воспоминаниями невероятную боль. Так и умер Петрович, крепко зажав книжку окостенелыми руками». 40 лет Валерьян Петрович Простакишин проработал в экспедиции рабочим, много повидал и часто приходилось ему смотреть в глаза смерти, и он всегда говорил: «Я умру на таежной тропе», а умер от болезни.

Бывший главный инженер Минусинской экспедиции Семен Демидович Любивый, прочитав книгу, написал: «Виктор, ты почему не пропишешь про те золотые часы, которые мы с тобой обнаружили в желудке медведя и сдали их директору Минусинского краеведческого музея В.А. Ковалеву под расписку. Я своим так и не рассказывал про этот жуткий случай, но рука иногда побаливает от схватки с тем бурым гигантом, а как твоя нога? У меня же почти вся семья геодезисты и не следует им знать про таежные жестокости и о том, что мы с тобой испытали».

В марте 2001 года из Новосибирска пришло письмо от геодезиста, профессора Ольги Семеновны Любивой, дочери С.Д. Любивого. Она пишет: «...бесконечно листала, перелистывала страницы о былом, памятном, наслаждаясь близкими, а теперь особенно дорогими именами родных, друзей, коллег. Знакомые эпизоды, когда-то рассказанные отцом, названия рек, пунктов, поселков, оставшиеся в памяти на всю жизнь. В семье старались не говорить об экспедиционных делах, не впуская меня в полевую жизнь, или упоминали эпизоды, улыбаясь, рассказывали в ироническом ключе. Спасибо за память об усопших».

Начальник партии Василий Федорович Колесняк, ныне пенсионер, с нетерпением ждет продолжения, интересуется: «Когда же ты, Виктор, напишешь про записку, которую мы нашли с тобой на Таймыре в гильзе охотничьего патрона шестнадцатого калибра».

Уже ушел из жизни Рафаил Маркович Плоткин, долгие годы работавший заместителем начальника Новосибирского предприятия, — герой книг Г.А. Федосеева. Он просил опубликовать предсмертную записку

(одной экспедиции), которую они вместе нашли в закупоренной бутылке на берегу Северного Ледовитого океана у мыса Челюскина.

Генеральный директор ПО «Инжгеодезия» Анатолий Фомич Чепкасов, прочитав книгу, сказал: «Работники нашего объединения ждут продолжения этой книги».

Генеральный директор Якутского предприятия Геннадий Васильевич Бочаров устроил читательскую конференцию по книге, и большинство работников, особенно пенсионеров, «нашли себя» в ней, вспоминая свои экспедиционные работы.

Руководитель Тюменской инспекции государственного геодезического надзора Варвара Кирилловна Шляхова сообщает: «Книга “Карты — ценою жизни” стала настольной книгой моих детей и памятью о преждевременно ушедшем из жизни муже Анатолии Алексеевиче Шляхове — человеке сильной воли и мужества. Приятно, что в книге нашлось достойное место для него и все написанное о нем является гордостью для наших детей».

В письме из Екатеринбурга от бывшей работницы предприятия Антонины Яковлевны Скрынниковой написано: «Мы, пенсионеры, читали книгу все по очереди, а потом собрались за самоваром и устроили праздник с воспоминаниями о прожитых таежных годах. Спасибо за память об ушедших землепроходцах».

Начальник отдела кадров Новосибирского предприятия Елизавета Николаевна Мурзина пишет: «Так увлеклась чтением книги, что не заметила, как наступило утро».

Недавно пришло письмо из Новосибирска, которое написали заслуженный работник геодезии и картографии Российской Федерации директор Новосибирского государственного унитарного предприятия «Инженерная геодезия» Борис Борисович Сахаров и почетный геодезист, ведущий редактор карт Николай Григорьевич Калабин. Они пишут: «С большим интересом прочитали книгу “Карты — ценою жизни”. С волнением переживали жизнь вместе с героями книги, многих из которых мы знали лично. Спасибо за память о людях сложной, очень нужной и романтической профессии. Рассказы прибавляют уверенность, что трудовые традиции наших геодезистов, топографов и картографов найдут отклик у молодежи, что преданность делу, высокий профессионализм, душевная щедрость всегда будут главными качествами людей нашей профессии».

Писатель Лев Степанович Черепанов, прочитав книгу, сказал: «Я увидел большой труд специалистов трудной профессии. В книге показана жизнь не просто романтиков, а профессиональных работников грандиозных дел».

Учитывая живой интерес читателей к вышедшей книге, редакция продолжает публикацию воспоминаний из дневников В.Р. Яценко.

РОССИЙСКИЕ КОЛУМБЫ

М.В. Ломоносов называл геодезистов Российскими Колумбами: ведь именно геодезисты, продвигаясь на восток, создавали карты, открывая все новые и новые земли. В его записях сохранились такие строки: «...я вижу умными очами, Колумб Российский между льдами спешит и презирает рок, открывая новый путь на восток». Отважные русские первооткрыватели сумели в те времена в нечеловечески трудных условиях создать карты на северную и восточную окраину России.

В 1763 г. М.В. Ломоносов закончил свой труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию». В нем М.В. Ломоносов добрыми словами упоминает неутомимых первооткрывателей Ермака, Семена Дежнева, Атласова, Афанасия Шестакова, Михаила Гвоздева и других землепроходцев, описавших морской путь: Архангельск — Новая Земля — Чукотский мыс — Камчатка. М.В. Ломоносов считал, что это самый лучший путь в Индию и Америку. Этому же труду принадлежат знаменитые слова М.В. Ломоносова: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений Европейских в Азии и в Америке». С 1739 г. всеми геодезическими и картографическими работами ведал Географический департамент, который с 1757 г. и до своей кончины возглавлял М.В. Ломоносов.

2 января 1719 г. лучшие российские геодезисты того времени Ф.Ф. Лужин и И.М. Евреинов были направлены по личному указанию Петра I для создания карты «сошлась ли Америка с Азией». Требовалось показать на карте все «исправно». Экспедиция оказалась очень сложной: необходимо было все карты сделать по инструкции, написанной самим царем. Геодезисты сделали съемку пролива, засняв Камчатку и Курильские острова. Первооткрыватели три года занимались съемкой, возвратились в 1721 г. и, разыскав Петра I в Казани, лично вручили ему вычерченные карты. Интерес царя к восточным владениям возрастал.

Одна задругой готовились экспедиции к Северному Ледовитому океану и на восток.

В этот период из экспедиций возвращаются геодезисты с законченными картами: Михаил Гвоздев зарисовал Берингов пролив, Василий Казанцев составил карту Курильских островов, Василий Шилов создал подробную карту Аляски. Впоследствии за открытие новых земель Екатерина II

наградила Василия Шилова золотой медалью за «Новообретенные земли России».

Иван Кириллов обобщил все эти карты и напечатал сводную карту России.

А началось исследование Сибири еще в 1582 г., когда Ермак одержал победу над войском хана Кучума и пошло движение русских первопроходцев «встречь солнцу».

Один из первых российских землепроходцев Иван Юрьевич Москвитин летом 1639 г. впервые достиг берегов Тихого океана. От низовьев Алдана, через хребет Джугджур, добрался он к «большому морю-окияну», а далее на лодках морем до реки Охоты; построив зимой морские лодки, на следующий год отправился на них на юг, где открыл Шантарские острова и Сахалин. В 1641 г. И.Ю. Москвитин привез в Москву составленную им карту.

Это была первая карта, составленная на восточную окраину России. Спустя семь лет С.И. Дежнев впервые обогнул Чукотку и основал Анадырский острог, в котором прожил 10 лет. Из Северного Ледовитого океана он приплыл в Тихий океан и зарисовал побережье, позднее названное мыс Дежнева.

Несколькими годами позднее российский землепроходец Михаил Васильевич Стадухин вниз по реке Индигирке и морем достиг реки Колымы, построил там зимовье, которое стоит и по сей день и называется Зимовье Стадухина, зарисовал побережье Охотского моря и Камчатки, а вычерченные карты доставил в столицу.

Отважный сибирский землепроходец Владимир Васильевич Атласов осуществил несколько экспедиционных походов на восточные окраины России, составив маршрутные карты и сделав площадную съемку Камчатки. В 1700 г. В.В. Атласов вернулся в Якутск, вычертил карты и отправил их в Москву.

Из этого экспедиционного похода В.В. Атласов привел всего 16 человек, а ушел с 55-ю — 39 членов экспедиции навечно остались на Камчадальской земле. В память о них был установлен огромный крест, который восстановили в 1959 г.

В 1711 г. землепроходцы В. Атласов и П. Чириков и сами трагически погибли — их имена увековечены на картах.

Тобольский картограф, искусный мастер чертежных дел Семен Ульянович Ремезов составил в 1667 г. карту Сибири размером 2х3 м в 1698 г. С. Ремезов закончил «Чертеж всея Сибири», а в 1701 г. создал атлас Сибири, состоящий из 22 карт. Ему помогали сыновья Леонтий, Семен и Иван. Атлас был выполнен по Указу Петра I, который гласил: «...всем Сибирским

городам и уездам написать чертеж, а Тобольску велеть сделать доброму и искусному мастеру чертеж и написать внизу, от которого и до которого города сколько верст или дней ходу и уезды всякому городу определить и описать, в котором месте какие народы кочуют и живут, а также с которой стороны к порубежным местам какие народы подошли...».

С.У. Ремезов умер в 1716 г. на своей родине в Тобольске. На его памятнике написано: «Славному сыну земли русской».

Петр I придавал огромное значение картографированию Сибири и Дальнего Востока. Он даже решил сам освоить этот процесс и собственноручно выполнил топографическую съемку реки Дон от Воронежа до Керчи.

Петр I изобрел ватерпас особой конструкции для геодезических измерений, которым пользовались геодезисты при съемках, осваивая новые восточные земли и Сибирь.

Петр I заложил основы русской научной картографии. При нем было издано много картографических произведений, в том числе самое крупное, самое наглядное произведение того времени — «Чертежная книга Сибири», опубликованная в 1701 г. Семеном Ремезовым. На картах Петр I делал множество дополнений и замечаний.

Семен Ремезов по праву считается первым русским ученым составителем карт. Он впервые показал на картах Корею и Сахалин. На чертежах Ремезова нанесены земли якутского города Анадырь, Чукотка, Аляска, Камчатка.

С.У. Ремезовым составлено кроме отдельных карт три сборника обобщенных карт, «Чертежная книга Сибири», «Топографическая чертежная карта» и «Служебная чертежная книга». Последний труд заканчивали сыновья С.У. Ремезова.

Карты С.У. Ремезова стали началом новой эпохи картографирования России.

С.У. Ремезов практически впервые в истории Русского государства создал карты на всю Сибирь, Дальний Восток и Урал. В его «Чертежную книгу Сибири» вошли 22 чертежа. Это — чертежи земли Тобольского города, Тарского, Тюменского, Туринского острогов, Верхотурского, Березовского, Сургутского, Нарымского, Томского, Кузнецкого, Туркменского, Енисейского, Красноярского, Илимского, Якутского, Иркутского, Нерчинского городов. Были созданы карты сибирских городов и рек. На картах С. Ремезова нашли отражение Аральское и Каспийское моря, Уральский хребет с надписью «Камень Урала», города Москва, Казань, Саратов, Ледовитый океан и его побережье.

Указ Петра I от 9 декабря 1720 г. гласил: «Учеников, которые в Санкт-Петербургской академии геодезию и географию изучили, тех послать в губернии для сочинения ландкарт, а жалованья оным давать тех губерний из доходов, против других их братьев по 6 рублей человеку на месяц».

Этот указ ознаменовал собой начало систематического и планомерного проведения топографо-геодезических работ по всей территории России.

Петр I ставил задачу создать Генеральную карту и Атлас Российской империи.

Сто одиннадцать геодезистов, командированных из Санкт-Петербурга по Указу Петра I, работали во всех губерниях России. Многие трагически погибли, но их имена увековечены в названиях географических объектов: Дежнев, Стадухин, Крашенинников, Атласов, Шестаков, Чичагов и другие — это гордость и слава России.

В 1628 г. землепроходец Васька Бугор, пройдя от златокипящей Мангазеи до Енисея, встретил братьев Ерофея и Никифора Хабаровых, которым поведал о имеющихся чертежах на восточную окраину страны. Братья заинтересовались этим, изучили карты и отправились в далекий край. В дальнейшем землепроходец Ерофей Павлович Хабаров совершил ряд экспедиционных походов в Приамурье, сделал съемки территории края и заложил острог, впоследствии разросшийся в город, получивший название Хабаровск.

Экспедиции снаряжались одна за другой. В 1725 г. была организована первая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга. Экспедиция возвратилась в 1730 г., собрав огромный картографический материал. Вторая Камчатская экспедиция под руководством В. Беринга и геодезиста П. Чирикова отправилась в путь в 1733 г.

В составе экспедиции, вышедшей на обследование, было 75 человек, а вернулись в 1741 г. только 51 человек. Сам В. Беринг замерз на зимовке 8 декабря 1741 г. Так трагически закончилась вторая Камчатская экспедиция.

В 1723 г. Петр I направил в Сибирь группу геодезистов, в которой были Петр Скобельцын, Иван Свистунов, Дмитрий Баскаков, Василий Шетиллов, поставив им задачу «наскорее описать и ландкарты учинить от Китайской стороны».

В 1726 г. землепроходец Афанасий Шестаков изготовил карту, на которую нанес Аляску, Японию, острова и побережье Тихого океана. Немного позднее в 1732 г. геодезист Михаил Гвоздев сделал карту «Землица Кыгмальская» — так он назвал Аляску.

Очень опытный съемщик В.И. Казанцев зарисовал несколько листов карт в 1714—1720 гг., точно изобразив Камчатку, Курильские острова,

китайскую границу, реку Амур; карты делались на основании геодезических измерений.

В эти годы картограф С. Андреев обследовал и нанес на карту пять островов в устье реки Колымы, назвав их Медвежьи острова. Первый остров, самый восточный, был быстро зарисован, но пришлось срочно эвакуироваться из-за показавшегося на горизонте огромного медведя.

Следующий островок, расположенный в 20 км на запад, оказался очень маленьким — трудностей для съемки он не представлял, но пришвартоваться не удалось: появились два медвежонка.

Отплыв на север, через 3 км члены экспедиции увидели большой остров с извилистыми берегами. Времени на его зарисовку ушло много. Отплывая на север к следующему острову, они вдруг увидели на берегу медведя-пестуна. Четвертый остров, самый северный, при съемке оказался похожим на сапог. Последний, самый большой, остров, с обрывистыми берегами, расположенный западнее всех остальных, окончательно убедил первопроходца С. Андреева в том, что цепь островов надо назвать Медвежьими островами. На южном склоне острова была обнаружена медвежья берлога, а на северном берегу медведица с медвежатами пыталась наброситься на пришельцев — их спасли лишь обрывистые откосы, преградившие путь разъяренной медведице.

Так и увековечилось на картах название, дошедшее до наших дней, Медвежьи острова.

В 1719 г. Василий Татищев, находясь на Урале, где он руководил государственными заводами, отправил Петру I донесение о найденном им способе (топографической съемке) для перечисления междоусобной вражды: «...прошу Ваше Царского Вилечества выслушать прежде на словах в тайности а потом письменно».

22 июля 1737 г. был издан Указ о назначении Василия Никитича Татищева руководителем всех геодезических, картографических работ и государственных съемок для обобщения этих видов работ и составления Генеральной карты на всю территорию Российской империи. Через год В.Н. Татищев издал инструкцию «Какову я моему разумению сочинять могу для геодезистов, направляющих в Сибирскую и Казанскую губернии для съемочно-картографических работ».

Экспедиции землепроходцев отправлялись в Сибирь и на Дальний Восток одна задругой, чтобы обследовать новые «Землицы», составлять карты и доставлять их в Москву и Петербург, но многие навсегда остались в местах походов погибнув, замерзнув. Их имена увековечены в названиях гор, рек, островов, городов и проливов на картах нашего государства.

Мне пришлось однажды соприкоснуться в тайге с работами наших первооткрывателей XVIII века.

Нина Беляева знакомится с оленем

В 1958 г. я проходил первую производственную практику на побережье Охотского моря. В поселке Чумикан, а затем на реке Уда мы обнаружили астрономические пункты, которые были заложены в 1896 г. астрономом Н.Н. Лелякиным, — это мы установили по сохранившейся табличке на одном из астропунктов. На практику мы приехали втроем: кроме меня еще изъявили желание поехать в этот далекий край Нина Беляева и Вера Соболева. Увидев впервые оленя, Нина Беляева решила с ним познакомиться.

Нам все здесь было в новинку, поэтому фотографировались очень много.

Нина Беляева и Вера Соболева

Экспедиция № 48, в которую мы приехали, была расположена в городе Свободный. На вокзале нас встретил заместитель начальника экспедиции Г.В. Огороков. Из-за его увлекательных рассказов мы не заметили, как нас довели до экспедиции. Там он сразу же выдал нам новую прекрасную спецодежду. Долго с нами беседовал главный инженер экспедиции В.Н. Белых и главный инженер соседней экспедиции Б.П. Стыслович — бывалые геодезисты, исходившие дальневосточную тайгу. Они рассказали нам много случаев из таежной жизни.

Это был удивительнейший год — шло какое-то нашествие медведей.

Мы летели в партию вместе с начальником экспедиции И.А. Потейко на самолете Ан-2. В этой партии была топограф Надежда Тимофеева, у которой мне предложили работать. За одну неделю там произошли два чрезвычайных происшествия. Первый случай был у поселка Лукачок. Обычный июньский солнечный день, прокладывали высотный ход. Надежда с теодолитом, рабочие с рейками находились от нее за 70 м: один в сторону поселка, а другой в противоположной — прорубая просеку, они заканчивали визирование. Надежда прильнула к инструменту, вглядываясь в рейку. Запомнив отсчет, она стала вносить запись в журнал.

Записатора в этот день отпустили заниматься хозяйственными делами, закупать продукты, сушить сухари: через несколько дней отправлялись в далекий маршрут на все лето.

Вдруг Тимофеева закричала нечеловеческим, пронзительным голосом, рабочие побросали рейки и с топорами помчались на крик. Огромнейший коричневый медведь стоял в 5 м перед Надеждой на задних лапах с открытой пастью, издавая грозные звуки.

Бурая разъяренная глыба и малюсенькая девочка, обнявшая теодолит, стояли как вкопанные. Хозяин тайги даже не обратил внимания на подбежавших речников, да они и не подходили близко: всю тайгу охватил страх, а их тем более.

В 30 м, пересекая просеку, шла медведица, за ней брели два медведя. Ревущий медведь развернулся и устремился за медведицей. В тайге наступила тишина. Надежда долго стояла словно окаменевшая. В деревне объяснили, что у медведей была свадьба, охотники называют ее гон.

С топографом Н. Самолюком произошел такой случай. Ночью рабочий, проснувшись, услышал за палаткой подозрительный шорох, схватил двустволку, зарядил ее пулями и выскочил из палатки. Увидев надвигающуюся из кустов темную громадину, стрелок нажал на курки — и громадина с ревом рухнула. Все повыскакивали из палаток, зажгли костры. Оказывается, убит был не медведь, а рабочий Ю. Ковалев. Так бывает в тайге часто: ночью холодно, поэтому по надобностям выходят прямо в спальном мешке или в вкладыше, передвигаясь мелкими шажками.

На расследование этого случая в партию прилетел И.А. Потейко. Очень опытный руководитель, он многие годы провел в дальневосточной тайге, создавая первые топографические карты с грифом «секретно».

В поселок Лукачок мы добрались удачно. Было раннее субботнее утро. На другой день, в воскресенье, предстояло выполнить некоторые геодезические работы — проложить небольшие рекогносцировочные направления для предстоящих глобальных измерений.

Вечером работники базы партии предложили мне пойти с ними в поселковую баню. Поселок золотодобытчиков, затерявшийся в глухой тайге, жил своей жизнью. Баня работала один раз в неделю по субботам с 11 ч дня и до 11 ч вечера. Женщины мылись до 6 ч вечера, а позже наступало время мужчин, которые любили с ревом нырять в холодный ручей, выскакивая из парной.

Баня была рассчитана на 40—50 человек. Мы пришли к 6 ч вечера. Меня предупредили — надо поступать так же, как все: у золотодобытчиков законы суровые.

Разделись в раздевалке, собралось нас человек 15. Интересно: почему здесь сидим? Оказывается, в бане еще моются женщины, якобы не успели.

В 18 ч 15 мин огромный рыжий мужик, заводила по имени Адам, скомандовал — и вся адамовская команда, гремя цинковыми тазами ринулась в баню. Тетка Устинья, браня Адама, особо не торопилась, около нее суетились молоденькие женщины — человек 12. Некоторые из них, прикрываясь тазиками, с визгом удалялись в раздевалку, тоже общую, а некоторые, нахальничая, демонстративно пожирали глазами приезжих экспедиционных мужчин. Минут через 10 все закончилось. Женская команда удалилась. Потом мне рассказали, что все это происходит каждую субботу. Я, стесняясь, даже не рассмотрел тетку Устинью. Оказывается, это была повариха нашей партии; днем я ее фотографировал, когда она подкармливала солью экспедиционных оленей. В поселке тетка Устинья слыла как главная закоперщица всех проказных дел. Позднее про ее проделки я узнал очень много.

Тетя Устинья подкармливает солью экспедиционных оленей

На утро мы с бригадой отправились выполнять однодневные измерения. Выйдя из поселка, я пошел вперед: мне доверено было совершить свой первый маршрут — правильно сориентироваться, отыскать в тайге несколько поворотных точек для предстоящего высотного хода, наколоть их на аэроснимок. Вечером мою работу должен был по аэроснимкам проверить И.А. Потейко и дать заключение: могу ли я работать самостоятельно, иначе говоря, могу ли я возглавлять бригаду.

Накануне я долго рассматривал аэроснимки, готовясь к первому экзамену.

Ранняя обильная роса неприятно обдавала колени, поэтому я приподнял голенища болотных сапог и ускоренным шагом направился вперед, периодически поглядывая на компас, чтобы сверить заданный маршрут.

Вдруг послышался оглушительный скрежет, лязганье металла, меня сбросило с тропы, невыносимая боль в ногах и вонючий запах притупили мое сознание. Я попытался отползти, но сдерживала цепь, ноги оказались в кандалах. Подбежали немного отставшие члены бригады, один из них Николай Лунев, опытный местный охотник, объяснил, что я попался в медвежий капкан.

Капкан с трудом разжали, мне удалось освободиться. Огромнейшие ссадины на ногах не давали покоя, спасла случайность: карабин, висевший на плече, низко опустился, ложе винтовки приняло весь удар на себя, так как к коромыслам капкана была приклепана лента поперечной пилы, которой пилят дрова. Капкан на медведя — это целое сооружение. Он был установлен на медвежьей тропе, над тропой на высоте 2 м между деревьями в качестве приманки для медведя подвесили заколотого, сильно протухшего поросенка. Превозмогая боль, я сфотографировал нашу бригаду на фоне подвешенного поросенка-приманки для медведя.

Наша бригада на фоне медвежьей приманки

Мне предстояло подлечиться несколько дней и отправиться в далекий геодезический маршрут, по которому 100—200 лет наши собратья-геодезисты прокладывали рекогносцировочные походы по указанию Петра I, в эти суровые дремучие края с длинной зимой и коротким прохладным летом.

В 1721 г. Петр I издал Указ об отправке в восточные районы России 304 геодезистов для издания общей карты государства. Затем Петр I создал секретную Нерчинскую экспедицию с центром глобального базирования в Тобольске. Экспедиции предписывалось выполнить маршрутные съемки Охотского побережья, Камчатки, Сахалина, берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов, а также китайской границы.

Часть съемочных материалов уже находилась в Тобольске.

Указание Петра I в отношении первооткрывателей по принципу «Ничто не забыто, никто не забыт» долгие годы оставалось обязательным.

Имена участников великих северных сибирских и дальневосточных экспедиций по закреплению на картах новых земель Дмитрия и Харитона Лаптевых, Василия Малыгина, Дмитрия Овцына, Василия Ртищева, Петра Чаплыгина, Алексея Чирикова увековечены на картах.

В 1735—1736 гг. под руководством геодезиста В. Ртищева была составлена подробная карта устья реки Лены, а 36 членов его экспедиции навечно остались в вечной мерзлоте Заполярья. В ту же зиму прославленный исследователь В. Прончищев погиб вместе с женой, похоронены они на реке Оленёк.

Легендарный первопроходец Я. Санников в 1732 г. открыл острова в Северном Ледовитом океане, а много позже А.В. Колчак плывал к берегам таинственной Земли Санникова и был награжден царем золотой медалью «За необыкновенный и важный географический подвиг» за выполненные съемки и определения астрономических координат.

Подвиги Российских Колумбов незабываемы, и все их имена перечислить невозможно. Многие трагически погибли, не завершив геодезических маршрутов.

Я хотел бы остановиться на некоторых событиях, которые произошли в последние 50 лет.

Начиная с 1948 г. отрасль приступила к сплошному картографированию страны в масштабе 1:25 000. Для ускорения полевых и камеральных работ ставилась задача совершенствования техники и технологии всех процессов с учетом аэрофотосъемочных работ.

Создавались новые экспедиции, предприятия, ежегодно увеличивались объемы геодезических и картографических работ.

Картографирование самых трудных отдаленных объектов отодвигалось на последнюю очередь. Период 60-х и 70-х годов — период картографирования регионов с самыми сложными физико-географическими условиями. Это труднопроходимая сибирская тайга; это Тюменщина — край сплошных озер и болот; это Саяны, Алтай, Памир и Тянь-Шань; это побережье Северного Ледовитого и Тихого океанов с островами и полуостровами. В экспедиционных работах участвовало не менее 30 тысяч инженерно-технических работников и рабочих.

Даже при самой совершенной технологии создания карт топографами пройдены все таежные тропы, нанесены все таежные охотничьи избы, в каждой из которых побывал наш топограф, измерены и изображены ручьи и реки, маршрутами через 10—15 км исхожены все таежные массивы, на всех горных вершинах геодезисты зацементировали номерные триангуляционные центры, определив их точные координаты.

На плечи геодезистов, топографов, картографов тех лет легла тяжелая ноша, проверкой на человеческую прочность шел суровый отбор достойных представителей своей профессии. И большинство с энтузиазмом и патриотизмом прошли этот путь до конца, закончили сплошное картографирование огромнейшей территории нашего государства.

Некоторые не пришли к финишу, погибнув при разных обстоятельствах в экспедициях: картографирование Сибири и Дальнего Востока происходило очень сложно.

Особенно трагичен был для экспедиций Сибирского региона 1965 г. Читаю сохранившуюся телеграмму: «В геодезической бригаде результате нападения медведя погибла техник Баранова Любовь Николаевна. Мерщик Павел Ширяев применил карабин, но спасти ее не удалось».

Случилось это в иркутской тайге. Бригада состояла из четырех человек. Экспедиционный сезон подходил к концу. 21 сентября, рано утром, руководитель бригады А.С. Царанков смерщиком 2-го разряда А.И. Прониным отправились в маршрут прорубить небольшую просеку на вершине горы, чтобы было видно соседний пункт триангуляции, находившийся в 15 км.

В палатках у ручья остались техник Л.Н. Баранова и мерщик П.С. Ширяев. Л.Н. Баранова, у которой скопилось много камеральных вычислений, сидела за походным столом и обрабатывала выполненные в последние дни измерения. День выдался прекрасным. Лагерь был разбит на небольшой поляне в густой тайге. Легкий ветерок шевелил деревья, летели пожелтевшие и побагровевшие листья, иногда с шумом падали созревшие кедровые шишки. Увлеченная вычислениями, техник спокойно занималась своей работой: ведь завтра предстоит вновь идти в маршрут на очередной знак, появятся новые измерения, поэтому нужно непременно закончить всю камеральную обработку.

Павел был оставлен в лагере подлечить ногу. Два дня назад при переходе через ручей он промочил ноги и стер пятку, нужно было вылечиться за три-четыре дня и снова в маршрут, в горы, а горы здесь сложны для подъема. Тайга в этих местах очень густая; ее называют «черная», потому что она в основном хвойная: ель, пихта, кедр, иногда попадаются березы и сосны. Много поваленных деревьев, их приходится обходить, иногда через них перелезть, а порой даже подлезать под скопища упавших деревьев.

Павел обработал стертость, обмотал ногу бинтом и стал ловить в ручье хариусов.

Ручей шириной 5—8 м находился в 20 м от палаток. Нравилось мерщику заниматься ловлей рыбы, но редко это получалось в течение лета. Почти каждый день в походе, ночевки в новых местах вдали от рыбных мест. Консервы надоели, поэтому все с радостью решили освободить Павла от других работ, чтобы он мог заняться рыбалкой «черных лаптей». Так называл местных хариусов Павел. Он очень ловко умел подсекать удочку в нужный момент. Вместо наживки на крючок был крепко привязан кусочек

перышка красного деревенского петуха, хранившийся в рюкзаке, а к другому крючку — волосок от медвежьей шкурки и все. На этом далеком ручье люди не бывают, поэтому рыба здесь не пуганая и очень крупная. Наполнив тазик рыбой, Павел пошел к палатке, чтобы поточить нож для разделки хариусов. Приближалось время обеда. Пора было готовить уху. Вдруг он увидел мчавшуюся к нему с криком Любу, зашей бежал огромный медведь. Зверь настиг Баранову и сбил ее с ног. Ширяев схватил в палатке ружье, прицелился в медведя, под которым находилась Люба, нажал курок — осечка. Тогда он стал стрелять из карабина, прогремели два выстрела. Зверь, бросившись на Ширяева, выбил у него карабин.

Больше выстрелить не удалось. Медведь подмял Павла, но выстрелы попали в цель, и он стал ослабевать. Кровь заливала Ширяева. Зверь и человек сошлись врукопашную. Обезоруженный, Павел мог надеяться только на силу своих рук. Борьба продолжалась более двух часов. Выручила собака. Выбрав момент, когда истекающий кровью медведь обернулся к собаке, вцепившейся в самое больное у него место, Ширяев отполз в сторону.

Зверь, преследуемый громко лающей и кусающей его собакой, стал удаляться в тайгу.

Обессиленный, израненный медвежьими когтями и зубами, Павел подполз к технике Барановой, но она уже была мертва. Голова ее оказалась разможенной, и все тело было растерзано.

Долго полз эти 15 м Ширяев до палатки.

Поздно вечером вернулись А.С. Царанков и А.И. Пронин. Их удивило отсутствие костра и «абсолютная» тишина в лагере. «Все живы?» — прокричал бригадир. «Нет, не все», — прохрипел Павел. Царанков и Пронин, бросившись на хрип в палатку, обнаружили истекающего кровью Ширяева и растерзанный труп Барановой.

Всю ночь боролись за жизнь Павла. Из прокушенной правой руки и изуродованных ног текла кровь. Кровоточивые ссадины от когтей и зубов были по всему телу.

На лошадях по таежным тропам вывезли в село Усть-Кут потерявшего сознание Ширяева. Два месяца боролись врачи за жизнь Павла и спасли его. Техника-геодезиста Л.Н. Баранову похоронили в селе Усть-Кут, установив ей надгробный памятник.

На расследование из Иркутска прилетел начальник предприятия Б.П. Стыслович. В 300 м от места происшествия встретили разъяренного медведя, застрелили его, но велико было удивление, когда рядом с убитым зверем обнаружили зарытого в мох медведя, подошедшего от огнестрельных ран.

Многие годы проработал Б.П. Стыслович в этих таежных местах, но свидетелем столь жуткой истории оказался впервые.

Трагедии накатывались одна за другой. Месяц назад похоронили топографа А.Ф. Аксиненко, опытного специалиста, более 15 лет проработавшего в глухих местах иркутской тайги. На этот раз он возглавлял бригаду в Бодайбинском районе. Места здесь своеобразные. Горы покрыты кедровым стлаником, иногда каменные обрывистые утесы окружают воронкообразные таинственные озера. На краю обрыва высотой в 50 м А.Ф. Аксиненко, установив на штативе теодолит, стал проводить измерения. Вдруг скалистый карниз рухнул. Находившиеся внизу мерщик В.И. Бурлаков и каюр с оленями Е.В. Веретнов услышали оглушительный грохот и увидели облако пыли от падения камней. Пыль осела, но топографа на скале не оказалось, только одиноко стоял на самом краю скалы теодолит. Они бросились вниз к озеру и увидели на камнях, у кромки озера, своего бригадира мертвым.

А в это же время начальник экспедиции Л.Д. Шибико и главный инженер предприятия В.Н. Белых на вертолете вылетели в бодайбинскую тайгу в верховья реки Левый Мамакан на поиски потерявшейся бригады инженера Ю.М. Малаховского. Малаховский занимался дешифрированием аэроснимков и маркировкой опознаков, в его бригаде были два рабочих — Г.Н. Ибрагимов и А.Я. Скитов.

В июне бригада на вертолете Ми-4 облетела весь свой объект и построила 17 лабазов с продуктами — с расчетом через три-четыре дня по маршруту лабаз. Бригада была обеспечена походной радиостанцией, оружием. Местность здесь малозаселенная, гористая, горы высокие с отметками до 2400 м.

15 июля Малаховский не вышел на радиосвязь.

18 июля начальник экспедиции Л.Д. Шибико на вертолете облетел весь объект и по наличию стоянок определил последнее место работы инженера.

На последней стоянке стояла палатка, в ней рюкзак с аэрофотоснимками, консервы и оборудование. Не было теодолита, карабина и планшета с картами. Следы костра указывали, что люди были здесь недавно. Нашли и остатки медицинского бинта, возможно, кто-то натер ноги, это часто бывает. На этом следы бригады терялись. В течение месяца специально организованные отряды прошли по всем маршрутам, вертолет целыми днями виражировал по ручьям и долинам — и все безрезультатно.

17 августа на склоне горы был найден труп А.Я. Скитова. Барьер из камней от ветра, карабин через плечо, компас, пустой портсигар. У него была стерта нога. Остальных так и не нашли.

Мне врезалась в память одинокая могила и крест в тайге на тропе Перевоз — Ходокан в Иркутской области.

Это произошло в топографической бригаде техника В.С. Сницарь, предприятие возглавлял В.Н. Биткин.

Место происшествия — верховье ручья Тилаган, в 16 км от поселка Перевоз Бодайбинского района.

Бригада состояла из техника, трех рабочих, включая студента А.Е. Белолобского и одного оленевода. Лагерь бригады находился у вершины ручья Тилаган, на тропе, ведущей из поселка Перевоз в поселок Ходокан.

21 мая 1959 г. бригада в полном составе с утра ушла к месту работы за 3—4 км от лагеря. Работа была к вечеру окончена. Возвращаясь к палатке, А.Е. Белолобский стал отставать из-за того, что он промочил и натер ногу. Сначала бригада поддерживала с Белолобским связь, переключаясь. Позже Белолобский крикнул бригаде, что дорогу он знает и отвечать больше не будет — сильно устал. Бригада двигалась вперед, рассчитывая, что Белолобский идет за ними следом. Пришли к палатке: в 21 ч техник Сницарь и рабочий Яханов; в 21 ч 30 мин пришел рабочий Курочкин. Белолобского ждали два часа, стреляли и кричали у палатки. В 23 ч пошли навстречу, крича и стреляя из ружья. В ту ночь Белолобского не встретили. С 22 мая были организованы поиски с привлечением местных охотников. 7 июля 1959 г. охотники нашли труп Белолобского в русле ручья Тилаган, на месте, где ранее была сплошная наледь. Здесь прямо на тропе и был захоронен студент.

В мае 1967 г. в Забайкалье опытный начальник партии В.В. Рыбалко с рабочим И.А. Саенко на оленях отправились для контроля в бригаду. Было тепло — и оба были легко одеты. Внезапно началась пурга. Они продолжали идти, направляясь к пункту, где стояла бригада. Не дойдя около километра до пункта, рабочий выбился из сил, и они остановились в зарослях стланика. Развели небольшой костер, но пурга не прекращалась до утра — оба умерли от переохлаждения.

Бригада топографа В.З. Никифорова с рабочими Н.И. Бычковым и Ю.Н. Суворовым 7 сентября 1978 г. была доставлена на северо-восточное побережье Новой Земли для проведения круглосуточных наблюдений на водомерном посту в течение 15 суток.

Люди жили в палатке, установленной в 40 м от водомерного поста. Бригада была обеспечена снаряжением, карабином, охотничьим ружьем, ракетницей, боеприпасами, рацией. 20 сентября 1978 г. около 21 ч Никифоров вышел из палатки. Тотчас же рабочие, находившиеся в палатке, услышали крик и выбежали с заряженной ракетницей. Они увидели, что на

Никифорова напал белый медведь. Попытки отогнать медведя выстрелами из ракетницы и карабина не удались. Зверь утащил тело Никифорова на льдину. 21 сентября, когда рассвело, вызвали вертолет. Бычков произвел еще несколько выстрелов и ранил медведя. Тот уплыл, Никифоров был мертв.

В годы моей работы начальником экспедиции большое внимание уделялось вопросам техники безопасности при производстве полевых топографо-геодезических работ. Каждый год в экспедиционный период происходили несчастные случаи. Одни из них были связаны с производством, другие нет, но всегда страдали люди, некоторые становились инвалидами, некоторые погибали. Поэтому ежегодно экспедиционные работы начинались с обучения правилам техники безопасности в течение пяти-десяти дней. Я бывал в бригадах в этот период. Если с первых дней бригада, или партия, или отряд начнут правильно работать, то успех экспедиции полностью обеспечен.

В летний период у меня работало по 8—10 партий, а в каждой партии — по 8—10 бригад.

Много бригад было студенческих.

Половина партий работала на южных объектах, используя лошадей, автомашины, так было в Хакасии, Туве, Минусинской котловине, Саянах и Тофаларии.

Остальные партии работали на севере, на Таймыре. Перевалочная база находилась в Игарке. Бригады здесь для передвижения использовали оленей, вездеходы ГАЗ-47, ГАЗ-72, АТЛ, вертолеты и гидросамолеты. Но чаще всего приходилось передвигаться пешком. Самые маленькие бригады занимались дешифрированием и рекогносцировкой пунктов триангуляции, обычно они насчитывали три-четыре человека. Самые большие бригады — нивелирные, состояли из шести-восьми человек. В строительных бригадах, которые строили высокие знаки, было по 8—12 человек.

Любой вид работ мог привести к несчастным случаям, и они происходили каждый год.

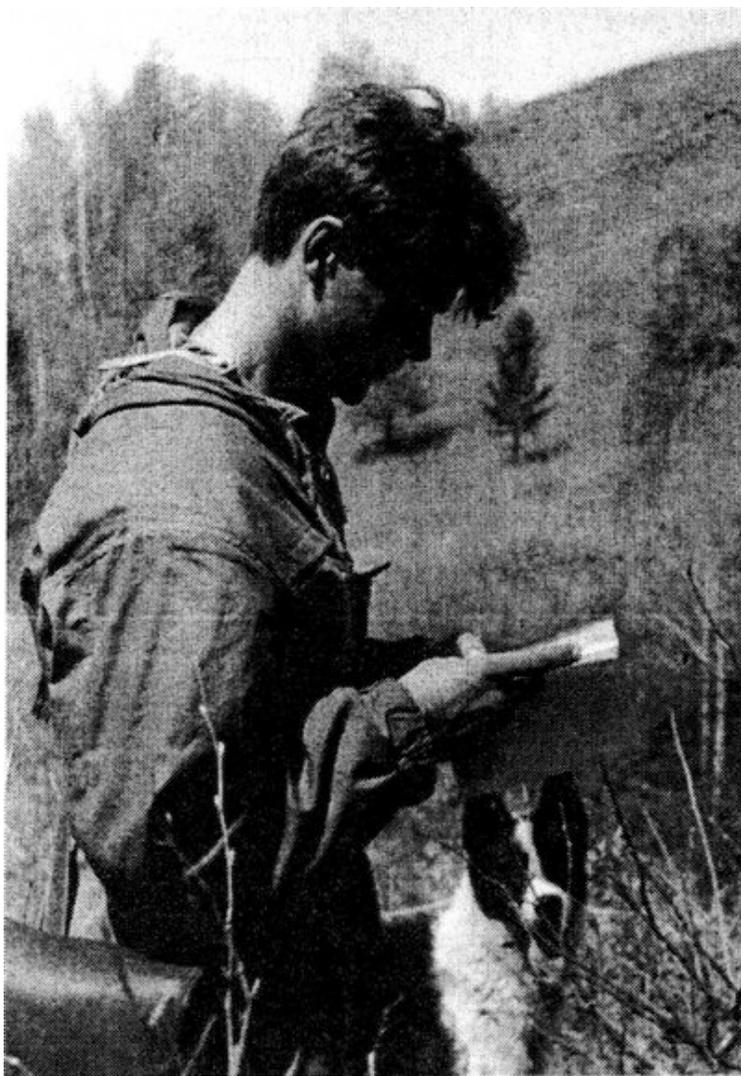
При обучении бригад правилам безопасности предусматривались все моменты, все сложнейшие ситуации, которые могли встретиться в процессе работ. Мне удалось сфотографировать много моментов во время обучения бригад на рабочем месте: это и бригада, отрабатывавшая переходы в скалистой местности; и топограф Володя Иванов, занятый дешифрированием на пересеченной местности; и студенты, осваивающие методы работы в горной местности; и геодезист Анатолий Яровой, обучающий напарника правильно ориентироваться на местности с помощью компаса и карты; и «короли» экспедиционных дорог и передвижений —

вездеход и вертолет; и прокладывание высотного хода в лесостепной местности; и работа партии в высокогорных районах; и палаточный лагерь.

Изучение правил техники безопасности на практике способствовало уменьшению случаев их нарушения, а соответственно сокращало число несчастных случаев при экспедиционных работах.

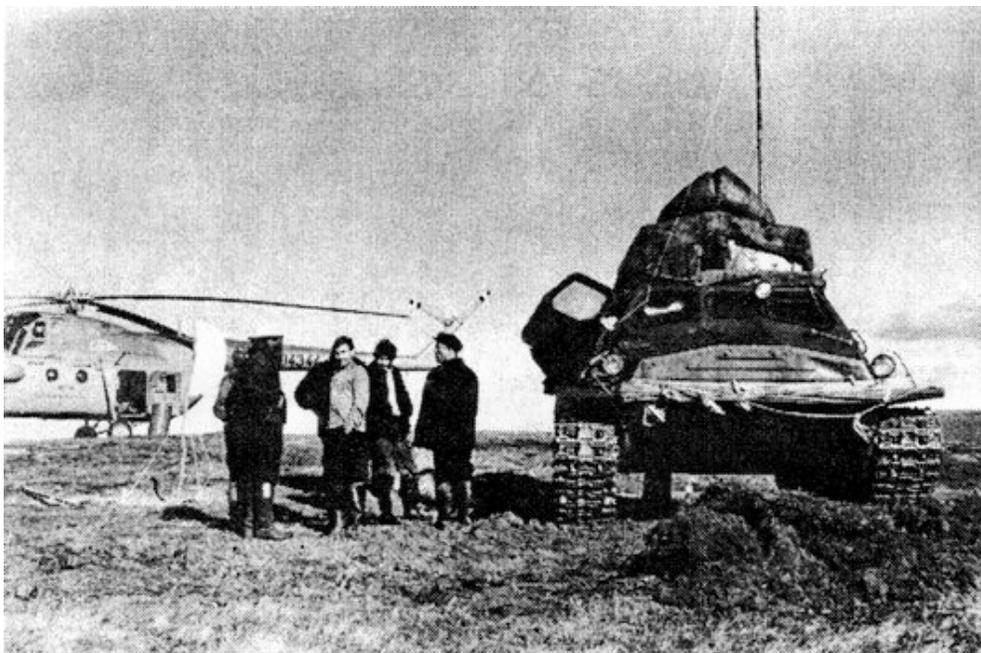

Бригада отрабатывает переходы в скалистой местности

Иванов занят дешифрированием

Топограф   Володя

*«Короли
дорог» — вездеход и вертолет*

«Короли

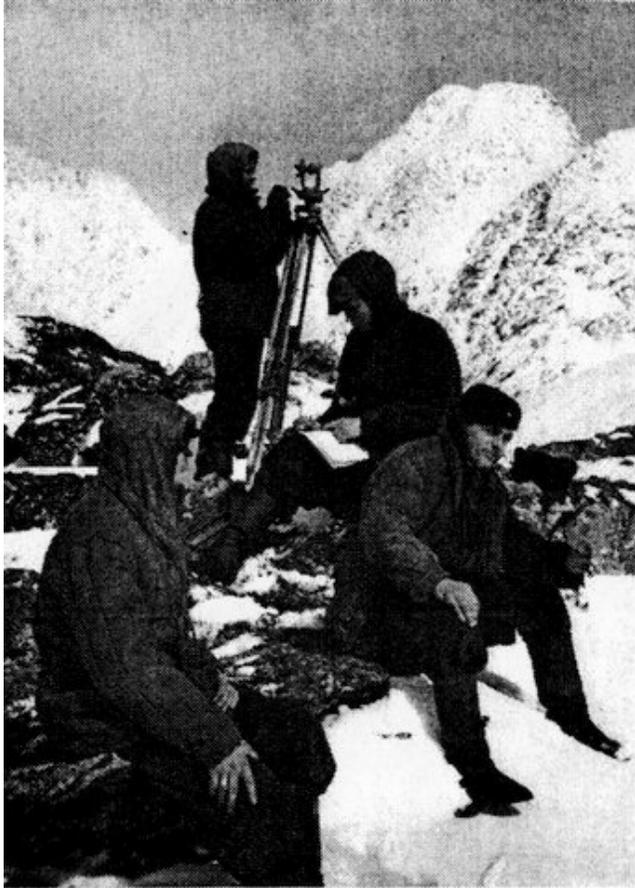

хода в лесостепной местности

Прокладывание высотного

Геодезист Анатолий Яровой учит напарника правильно ориентироваться на местности с помощью компаса и карты

районах

Работа в высокогорных

Студенты отрабатывают методы работы в горной местности

Палаточный лагерь

Заканчивая летний экспедиционный сезон, инженеру А.Н. Фетинскому предстояло проделать измерения на трех пунктах триангуляции. Из предприятия поступила радиограмма за подписью начальника предприятия Д.Ф. Кирьяна из Якутска и главного инженера экспедиции из Алдана

В.М. Серенко с просьбой отнаблюдать дополнительно два знака на соседнем объекте. Так бывает: кто-то не справился с летним заданием по разным причинам. У Фетинского тоже случился двухнедельный простой. Прошли дожди, и в долине в изобилии появились грибы. Олени, почуяв грибной запах, сбежали в грибное царство — это ведь их лучшее лакомство.

Благодаря оленеводу В.Т. Наумову, который был очень опытным, мы сумели по следам отыскать сбежавших за 30 км оленей. Отставание было наверстано благодаря четкой организации работы.

26 августа, дав необходимые задания помощнику С.А. Каныгину и оленеводу В.Т. Наумову, Фетинский пошел пешком на пункт триангуляции, работы там было на полчаса, но расстояние составляло 17 км. При этом половину пути он шел по тропе, которая дальше исчезла. Придя на вершину горы, инженер почувствовал, что погода портится: направление ветра сменилось, пошел дождь, затем снег. Он решил заночевать на вершине.

На следующий день Каныгин с Наумовым отправились на поиски своего бригадира и нашли его на горе замерзшим.

Много случаев в геодезической практике, когда смерть проходила рядом.

Так, старший редактор П.И. Третьяков при переходе горной речки в Якутии повредил ногу. Бригаде предстояло идти пешком к лабазу 110 км, а он не мог и поплыл по реке Саганджа, используя надувной матрац. Когда он проплывал мимо залесенного берега, из-за кустов выскочила медведица с медвежатами и набросилась на пловца. Третьякову удалось отбиться от нее и уплыть, но у него была сильно изъедена грудь.

Через некоторое время он встретился с бригадой. Пострадавшего доставили в больницу вызванным вертолетом. Жизнь Третьякова была спасена.

В 1970 г., работая на севере Магаданской области, начальник экспедиции Ю.И. Тюрин, загрузив самолет Ан-2 пустыми бочками, полетел за горючим для вертолета. В партиях и бригадах заканчивалось горючее для переброски бригад вертолетом и для вездеходов ГАЗ-47. Многие бригады работали на вездеходах — это очень удобный вид транспорта для северных районов. Самолет набрал высоту и взял курс на север. Начальник экспедиции вглядывался в таежные просторы: красива тайга в этот период, когда лиственницы покрываются легкой желтизной, день был солнечный, под самолетом извивалась река Колыма.

Много партий и бригад работало у Юрия Ивановича в этих местах, да и помощники были надежные: закончили они один и тот же московский геодезический институт, главным инженером работал А.Д. Горбачев, а отдел технического контроля возглавлял С.А. Лазарев.

Вдруг стало тихо. Заглох мотор самолета. Тюрин бросился в кабину. Оба побелевших летчика хватались за рычаги и кнопки приборного щитка. Самолет стремительно падал вниз. Уши заложило. За считанные секунды пролетела вся жизнь. Юрию Ивановичу вспомнились три года службы в армии в Германии; мелькнула мысль о том, что он не узнает, кто родится в их семье: жена вот-вот должна родить; охватила тревога, что бригады долго не дождутся горячего.

Искоруженный самолет рухнул в реку Колыму. Теряя сознание, пилоты и начальник экспедиции сумели выбраться из фюзеляжа, крылья у самолета отвалились. Добравшись до берега, Тюрин долго не мог прийти в себя. Трясло всего. Работавшая недалеко бригада увидела катастрофу и на вездеходе примчалась к месту падения. Вовремя успели. Всех трех удалось спасти. Слух у Юрия Ивановича восстановился, а зрение только наполовину. С тех пор геодезист Ю.И. Тюрин день рождения отмечает 18 августа.

Река Колыма и ее притоки заключили в свои объятия многих первопроходцев, начиная от И.Д. Черского, который составил первоначальные карты этих мест еще в 1891—1892 гг.

Так, на берегу притока Колымы — речке Буюнды установлен памятник с надписью: «Молчанову Владимиру Сергеевичу, погибшему при исполнении служебных обязанностей 28.06.1966 г.».

Топограф утонул, переплывая реку на вездеходе ГАЗ-47. Поиски утонувшего продолжались 103 дня под руководством начальника экспедиции В.М. Копыла и главного инженера предприятия А.С. Земцева. 9 октября река покрылась льдом и снегом, поэтому поиски были прекращены.

Воды рек Сибири и Дальнего Востока поглотили очень многих первопроходцев.

22 октября 1965 г. два техника-геодезиста Ю.В. Фисенко, И.Ф. Лобанов и моторист В.И. Попчук на моторной лодке переправлялись через реку Амур. Ширина Амура в этом месте 4 км. На середине реки лодку захлестнуло волной и она перевернулась. Держась за перевернутую лодку, люди пытались спастись. Вода была очень холодной, судорогой стало сводить ноги, руки немели. Первым прокричал Ю.В. Фисенко: «Больше не могу держаться» — и утонул, затем волна накрыла И.Ф. Лобанова. Проплывавшая самоходная баржа подобрала моториста Попчука — он остался жив. Долгое время их поиски вел главный инженер экспедиции Ю.П. Никитенко, но все оказалось безрезультатным.

Руководители сибирских аэрогеодезических предприятий знают много трагических случаев: трудно давалось картографирование этого сложнейшего региона.

С.И. Чудинов 25 лет возглавлял Сибирское предприятие. Участник Великой Отечественной войны, он дошел до Берлина, а возвратившись с фронта, возглавил предприятие. Несколько лет проработал у Чудинова главным инженером К.Л. Проворов: он не имел высшего образования, но обладал уникальными способностями. Затем ему все же пришлось экстерном окончить институт, а после этого он защитил в Москве кандидатскую диссертацию. Редко бывает такое, но ему присудили докторскую степень и назначили директором Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии. Главным инженером предприятия назначили инженера В.В. Полевцева, который к тому времени отнаблюдал и «сомкнул» ряды самых труднодоступных пунктов триангуляции I класса в Саянах, по Енисею и Лене. Полевцев первым из геодезистов побывал на реке Абакан в семье Лыковых, о которых много писал журналист В. Песков. По геодезическим материалам Полевцева составлена топографическая карта.

Предприятие в дальнейшем возглавил опытный геодезист, прошедший и изучивший весь Красноярский край, А.Ф. Чепкасов.

Забайкальское предприятие возглавляет многие годы П.И. Пахольчук, проработавший в этих сложнейших районах более 40 лет. В этом предприятии многие годы работали геодезисты, ставшие впоследствии крупными руководителями — Н.А. Корешков, Е.Е. Черни, А.П. Манченко, П.Ю. Бурбан и другие.

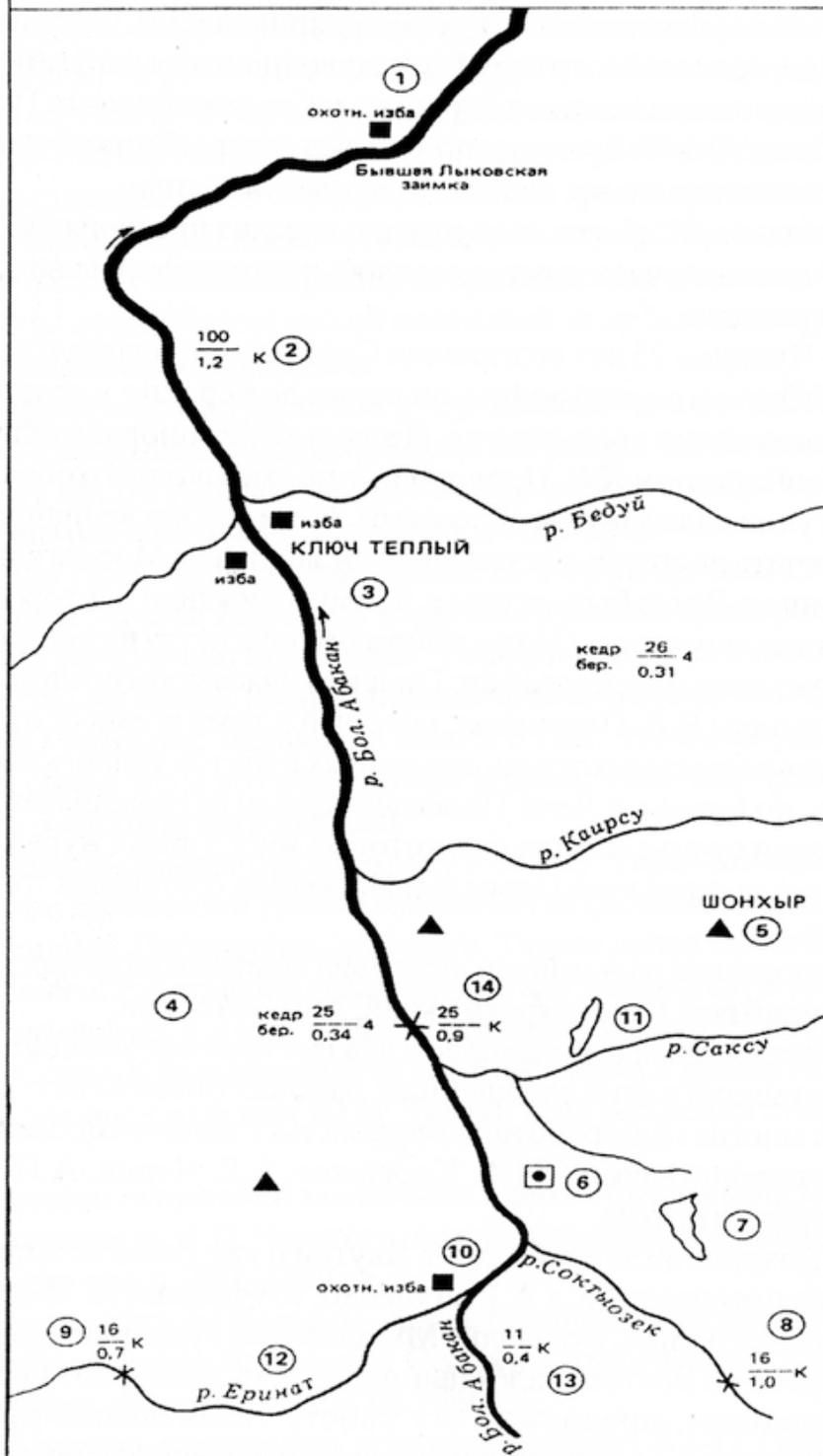
Г.В. Бочаров 40 лет работает в Якутии и уже более 20 лет возглавляет Якутское предприятие, а А.Г. Луценко, изучивший за 35 лет Якутию и Магаданский регион, руководит Магаданским предприятием.

На Дальнем Востоке надежный фундамент предприятия был заложен П.Г. Дудковым, продолжил эту работу талантливый руководитель Ю.П. Никитенко, а в настоящее время возглавляет предприятие В.Н. Гнатишин.

Из предприятия выделилось вновь созданное во Владивостоке предприятие, возглавляемое одаренным руководителем Ю.В. Поповым.

Старинным предприятием в Иркутске управляет опытный геодезист В.Н. Шаламов, из этого предприятия вышло много будущих руководителей: В.Н. Белых, Б.П. Стыслович, Л.Г. Комаров, А.К. Литвинцев, Ш.Х. Искандяров, В.В. Зинченко, Ю.А. Русаков, А.О. Беренгаров и другие.

СХЕМА
топографической карты реки
Большой Абакан

1 — заимка Лыковых, здесь жили Лыковы в 30-е годы;

2 — брод через реку Бол. Абакан, нанесенный на карту (100 м — ширина реки; 1,2 м — глубина; к — каменное дно);

3 — избы, расположенные у горячих родников, где жили Лыковы перед уходом в верховья реки;

4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 14 — места стоянок топографов при исследовании местности для создания карты;

6 — изба Лыковых сегодня;

7 — охотничья избушка — так именуется на всех топографических картах изба Лыковых, на карте 1963 г.

Следует отметить, что все западные предприятия внесли огромный вклад в картографирование Сибири и Дальнего Востока.

О них следует написать отдельную книгу.

Трудно написать обо всех. Я описал лишь отдельные эпизоды, небольшую часть героической жизни наших первопроходцев, которых М.В. Ломоносов назвал Российскими Колумбами, а также моменты жизни их верных последователей — геодезистов наших дней.

ЯМАЛ

Много раз мне доводилось бывать на далеком полуострове Ямал с целью картографирования этого сурового заполярного края.

Первую карту на полуостров составил российский первооткрыватель С.Г. Малыгин в 1736—1737 гг., в том числе он вычертил на карте остров Белый и указал пролив между островом и Ямалом, который с тех пор и носит название пролив Малыгина. На всех картах эта фамилия увековечена по достоинству.

На полуострове Ямал каждый год происходят чудеса. Одни объяснимы, а некоторые остаются неразгаданными. Здесь огромное количество озер больших и маленьких, самое большое — озеро Яррото. Я находился в Сургуте. Начальник экспедиции И.Д. Вицан вручил мне радиogramму: «Срочно нужна помощь! На озере Яррото появились гигантские чудовища вроде ихтиозавров. Опрокинули рыбацкий баркас...». Вот такая тревожная радиogramма пришла с Ямала на Большую землю.

Яррото значит занесенное песком. В озеро впадает извилистая речка Юрибей, что означает забытая. Говорят, здесь сети у рыбаков иногда так порвет-запутает, что их приходится выбрасывать. А однажды будто видели рыбаки, как поднялись волны и какое-то чудовище... утащило олененка. С тех пор перестали здесь появляться стойбища ненцев.

На Яррото вылетел вертолет.

Летим над бескрайними просторами полуострова Ямал. Сверху эта суровая земля кажется пестрой: белые плешины ягеля перемеживаются с разноцветными болотами, то тут то там виднеются озера — большие и совсем маленькие, одни — темно-синие, некоторые — серо-стальные, и всюду — речки, ручьи, ручейки...

Наконец подлетаем.

...Рыбаки серьезно напуганы. Старший посмотрел на озеро:

— Вон там.

Озеро подернулось мелкой рябью, вода тихо плескалась о песчаные берега. Но вдруг покатались волны — разом проснулось озеро.

— Вот, точно так же было... — сказал один рыбак.

А волны все больше, больше — настоящий шторм начинался.

Взяты на изготовку винтовки. Несколько длинных белых полос приближались к берегу. Уже можно было разглядеть, что это спины огромных чудовищ, метров пяти-шести длиной. Волны выплеснули на берег мелких рыбешек. Раздались выстрелы. Белый гигант показался из воды, в

предсмертной агонии приподнялся над озером, словно веслами, дернул плавниками и, неловко повернувшись, рухнул в воду. Когда брызги улеглись, мы увидели, что остальные белые полосы удаляются...

Мы убили какую-то огромную морскую рыбу. Какую? Забрав рыбаков, мы улетели с озера Яррото, чтобы через некоторое время вернуться сюда снова со специалистами. С превеликим трудом удалось нам вытащить добычу на берег. Ихтиолог сразу определил: это белуха — млекопитающее из семейства дельфиновых, подотряд зубатых китов.

Длина белух бывает до 6 м, масса — до 1,5 т. Обитают они в арктических и прилежащих к ним морях, живут стадами, в погоне за пищей нередко входят в большие реки. Наша белуха оказалась взрослой: у молодых рыб окраска черная, а эта была белой, да и размер ее — гигантский. На голове у нее была толстая жировая подушка. Говорят, что белуха головой может пробивать даже толстый арктический лед.

Откуда же взялась белуха в озере Яррото? Не могла же она заплывать сюда по небольшой речушке Юрибей? Специалисты нашли убедительный ответ и на этот вопрос. Стадо белух заплыло сюда во время огромного прошлогоднего половодья, когда Юрибей разливался на многие километры. В озере белухам стало тесно, им и питаться здесь нечем — вот они и «бесятся», мутят воду, пугают рыбаков...

Конечно, и в былые времена таким же путем попадали в Яррото белые «ихтиозавры».

Рыбаки сказали нам, что местные оленеводы очень часто бывают свидетелями различных происшествий на загадочном озере Яррото. Мы облетели на вертолете вокруг озера.

Местные оленеводы многое поведали нам о чудесах Яррото.

Три местных оленевода

Оленеводы нам поведали о неслыханных курьезах, происходящих в зимний период

Эта женщина обвинила нас в происходящих чудесах Яррого

Гидросамолет Ан-2 на берегу океана

В другой оленеводческой бригаде нам сообщили о поразительных курьезах, происходящих в зимний период. Полярная ночь окутывает полуостров белой пеленой, а озеро Яррото излучает огненные лучи. А женщина из рыболовецкой бригады считала нас виновниками чудес Яррото.

Произошел такой случай. Очень опытный старший техник-геодезист Л.В. Гехнер, долгие годы проработавший на Севере, возглавлявший бригады по строительству сигналов, закладке нивелирных реперов и пунктов полигонометрии, остался навечно в этом озере.

Бригада, состоявшая из старшего техника Л.В. Гехнера, техника-строителя геодезических знаков С.Е. Пинчука, младшего техника И.Ю. Белицкого, водителей вездеходов И.М. Дубинина и П.И. Голикова, рабочих В.Е. Петраша и В.П. Иванова, производила рекогносцировку и постройку полигонометрии I класса на полуострове Ямал. В бригаде имелись: вездеход ГАЗ-47, буровая установка УБР-1В на базе вездехода ГАЗ-47, необходимое оборудование, снаряжение, две радиостанции типа РБМ, запасы продовольствия, топлива и горючего. Кроме того, на участке работ бригады были заранее организованы базы с горючим для вездеходов. Выполнив месячное задание, бригада направилась к озеру Яррото, чтобы здесь разделиться на две самостоятельные бригады: старший техник Л.В. Гехнер, его помощник И.Ю. Белицкий на вездеходе ГАЗ-47 с водителем И.М. Дубининым направлялись на наблюдение сети триангуляции II класса, а техник-строитель С.Е. Пинчук с бригадой должны были производить самостоятельно рекогносцировку и постройку пунктов полигонометрии II класса. В пути следования впереди шел вездеход ГАЗ-47, в котором находились: Л.В. Гехнер, И.Ю. Белицкий, В.Е. Петраш, В.П. Иванов, водитель И.М. Дубинин. Следом на расстоянии 1 км двигалась буровая установка. На ней ехали С.Е. Пинчук и водитель П.И. Голиков. Путь следования указывал Л.В. Гехнер, сидевший вместе с водителем в передней машине. Заранее разработанного маршрута движения в бригаде не было.

3 июня 1967 г. в 22 ч 00 мин московского времени, переезжая по заснеженному льду озеро Яррото, вездеход Гехнера попал в продушину неизвестного происхождения, с ходу накренился и затонул на глубине 19 м, в 2 км от берега. Второй вездеход с установкой УБР-1В в это время двигался по льду озера, на расстоянии около 1 км от машины Гехнера, и ехавшие на нем Пинчук и Голиков видели, как исчез вездеход.

В момент погружения вездехода в воду водитель И.М. Дубинин и рабочий В.П. Иванов, сидевший в кабине между Дубининым и Гехнером, выскочили в левую открытую дверцу кабины. Гехнер, сидевший у второй закрытой дверцы кабины, И.Ю. Белицкий, В.Е. Петраш, находившиеся в кузове вездехода, утонули.

С тех пор вокруг этого озера появилось очень много различных легенд.

Нам предстояло лететь на северную окраину полуострова. Здесь, на берегу Северного Ледовитого океана, мы с начальником экспедиции И.Д. Вицаном и начальником предприятия А.А. Шляховым произвели измерения теодолитом и полетели в следующую партию. Вскоре пришлось приземлиться, чтобы проверить место складирования продуктов для следующего экспедиционного сезона на берегу океана. Мы использовали гидросамолет Ан-2.

Распрощавшись с нашими руководителями в Тюменском регионе, мы отправились на Большую Землю.

Прощание у красного чума

МЕДВЕЖЬИ ПРОКАЗЫ

Я прилетел вертолетом из Игарки на базу партии, которая находилась на берегу озера Агата. Начальник партии Б.Б. Сахаров вызвал меня по рации на помощь, объяснив, что нужно организовать охрану на геодезическом знаке Виви, высадив прилетевших на вертолете людей с собакой. Каждый день, точнее, каждую ночь кто-то ломал визирный цилиндр на пункте триангуляции. Дважды геодезист В.И. Гетманов отправлял бригаду восстанавливать знак, до которого приходилось идти через горные ручьи и по каменистой тундре 10 км, а утром он снова был разрушен.

Этот знак еще зимой, когда камеральщики мучаются от безделья в ожидании начала экспедиционных работ, называли «Пуп земли», а прозвище этому пункту триангуляции I класса, который 20 лет назад заложил опытейший геодезист В.В. Полевцев, дали фотограмметристы, с помощью пантографа измерившие и установившие, что центр России находится здесь, на берегу озера Виви, а точнее, на геодезическом знаке Виви.

Я зашел в радиорубку с Б.Б. Сахаровым, чтобы связаться с бригадами перед вылетом к ним, и застал хохочущего радиста А. Худякова. Хохотал он, как оказалось, слушая про медвежьи проказы.

Он нам и сообщил только что полученную им информацию от А. Исакова. Рано утром Исаков стал наблюдать знак Виви. Вдруг в тридцатикратном увеличении теодолита он увидел карабкавшегося на визирный цилиндр медвежонка. Медведица, встав на задние лапы, ухватила за цилиндр, сломала его, и медвежонку пришлось спрыгнуть. Исаков был очень опытный геодезист, но такое чудо увидел впервые.

Две геодезические бригады, находясь в 8—15 км от знака Виви, простаивали из-за медвежьих проказ.

А. Худяков хохочет, слушая про медвежьи проказы

Радист

Сбор у вертолета

Один геодезист на два инструмента

Мы с Б.Б. Сахаровым полетели на вертолете по бригадам собирать людей. В некоторых бригадах осталось по одному геодезисту. Всех, умеющих хорошо стрелять, брали с собой на охрану знака.

Вертолет с людьми и собаками взял курс на многострадальный знак. Пролетев залесенный ручей, он вдруг начал разворачиваться. Я пошел в кабину, и командир показал мне медведицу с медвежонком, направлявшихся

в сторону геодезического знака. Вертолет снизился на предельную высоту и стал летать над медведицей. Скорость была немалая — медвежонок стал отставать, разрыв увеличивался все больше и больше. Когда медведица убежала очень далеко, решили взять медвежонка в заложники.

Вертолет завис у земли, двое геодезистов выпрыгнули с собаками и, быстро настигнув проказника, забрали его с собой.

Затем мы залетели на разрушенный знак, отремонтировали его, развезли людей по бригадам и на вертолете вернулись на базу партии на озеро Агата. Мерщика Колю Савинкина с медвежонком тоже привезли на базу партии. Николаю два раза пришлось пешком ходить за 10 км восстанавливать знак, поэтому он твердо решил отпустить проказника только дня через четыре, как только все бригады закончат измерения. Мы с экипажем заночевали у Б.Б. Сахарова. Мне нравилось бывать у него. На базе порядок, чистота, каждый занят делом.

Вечером моторист П.А. Широков включил движок, в помещениях стало светло, и мы пошли в приготовленную баню париться.

Находясь в бане, мы услышали рев и выскочили. Совсем рядом, в лесу, угрожающе ревели медведица, заглушая тарахтение нашего электродвижка.

П.А. Широков с Николаем быстренько спрятали разбушевавшегося медвежонка, услышавшего громкие призывы матери, в надежное помещение склада. Затем выстрелили из ракетниц, спустили собак, и медведица удалилась. Ее уход снял напряженность, воцарившуюся на базе партии.

медвежонком

Мерцик Коля Савинкин с

Знак вновь был сломан

Рано утром мне пришлось лететь в другую партию: заканчивался месяц — нужно было забрать отчеты во всех партиях и доставить их в Игарку, где главный бухгалтер С.А. Смертин обрабатывал все месячные начисления, подтверждал их правильность по рации и отправлял документацию на центральную базу экспедиции в Минусинск.

Через две недели мне пришлось срочно вылететь на базу партии, расположенную на берегу озера Тембенчи. Пролетая над озером Агата, летчики, заметив сигнальные ракеты, решили приземлиться на базе партии. Сахаров сообщил нам, что, по-видимому, геодезический знак Виви вновь разрушен, хотя медвежонка держали в заложниках целую неделю.

Ему очень понравилось сгущенное молоко, и было похоже, что он стал привыкать к условиям жизни геодезистов. Собак попрятали, чтобы они не раздражали всеобщего любимца, и мишка свободно разгуливал на длинном капроновом шнуре. По натуре он, очевидно, действительно был проказником. Однажды все всполошились, увидев отплывшую от берега лодку, а в ней стоявшего посреди медвежонка; потом, взобравшись на высокую лиственницу, он пытался сдернуть антенную мачту, закрепленную на дереве.

С большим трудом удалось снять его с дерева. Сделал он и подкоп под склад с продуктами, пытаясь стащить внеочередную порцию сгущенного

молока. За неделю много проделок совершил безобидный на вид буренький проказник.

Однажды, при наступлении темноты, взревела медведица. Медвежонок вначале притих, лег, прижавшись к стене бани, а как только рев призывно раздался во второй раз, проказник вскочил, насторожился. Петр Широков разрезал ошейник — медвежонок умчался в лес, на рев матери.

Мы полетели с Сахаровым вновь на геодезический знак Виви. Увы! Знак опять был сломан.

Сахаров стоял и раздумывал, что же еще можно предпринять, чтобы избавиться от этих медвежьих проказ. Я успокоил начальника партии, сказав, что в этом году измерения закончены и знак нам не понадобится, пусть проказничают, тем более что скоро медведи лягут в берлогу, зима здесь длинная, а на будущий год медвежонок станет взрослым и едва ли ему захочется заниматься этими проказами.

На следующий год нам предстояло работать на других объектах: на эту территорию карту закончили, поэтому о дальнейших медвежьих проказах ничего не известно.

КУБИНЕЦ

Обычно в летний период на базе экспедиции пустынно: все на полевых работах. Так было и в этот раз. На базу экспедиции, в Игарку, прилетел с Хантайского озера начальник партии В.Ф. Колесняк, опытнейший руководитель. Его не только уважали, но и любили за деловые и человеческие качества. Если Василий Федорович сердился и пытался кого-то отчитать, то все улыбались: у него ничего не получалось — это был главный его недостаток. Как правило, инженеры и техники понимали его с полуслова. Партия была лучшей не только в экспедиции, но и лучшей в предприятии из 80 партий, работающих в поле. Мы сидели с В.Ф. Колесняком вдвоем, рассматривая новое задание и подводя итоги прошедшего месяца.

В дверь заглянула наша радистка Маша Головина, вымолвив: «Срочно». Маша сказала, что связь очень неустойчивая (на севере это часто бывает с радиосвязью), но смысл она уловила: в бригаде нашего лучшего нивелировщика Николая Калабина потерялся мерщик 3-го разряда Юрий Лемешко.

Мы с В.Ф. Колесняком вылетели на вертолете на реку Курейку, где работала бригада Калабина. Надо сказать, что в нивелирных бригадах такие случаи редки.

Бригада из шести человек медленно передвигается по тайге, прорубая просеки-визирки для измерения нивелиром до передней и задней рейки, определяя наклон рельефа и расстояние. Н.Г. Калабин был очень опытным специалистом, качество его работ ставилось в пример остальным нивелировщикам.

Перво- и второклассные нивелирные трассы, проложенные Н.Г. Калабиным, легли в основу фундаментальных геодезических работ, осуществленных по берегам рек и магистральным дорогам центральной части Сибири и Крайнего Севера.

Сделав несколько кругов над палаточным лагерем, командир вертолета В.И. Новиков объяснил мне, что густая залесенность не позволяет ему приземлиться у палаток, единственное возможное место посадки — длинная песчаная коса на противоположном берегу реки. Калабин приплыл к вертолету на резиновой лодке. По его словам, вчера после обеда они, работая, продвигались по берегу реки к лагерю, оставалось 2 км, поэтому решили Юру, как самого бывалого и старшего по возрасту, отправить в лагерь — готовить ужин.

Вечером уставшие члены бригады пришли к палаткам, и к их удивлению, не было ни костра, ни ужина. Оказалось, что Юрий в лагерь не приходил, хотя заблудиться он тоже не мог: палатки были установлены на высоком берегу реки — пройти мимо нельзя.

Долго стреляли, кричали, прочесали кругом местность, строили разные предположения. Оставалась одна-единственная загадка — исчезла резиновая лодка, которая была накачана и находилась на песчаном берегу против палаток.

Несколько дней велись поиски пропавшего мерщика с помощью вертолетов, гидросамолета, наземного прочесывания залесенных берегов Курейки, но никаких признаков его обнаружить не удалось.

Через два месяца после этого события позвонил мне друг детства Гавриил Чеботаев. В то время он занимал большую должность в КГБ, еще в школе мы звали Гаврюшу «Дом Советов» за феноменальную память и богатырскую силу. Гавр (так звали его в КГБ) интересовался, когда я приеду на перевалочную базу в Игарку, и просил встретиться с куратором КГБ. Оказалось, они не могут встретиться со мной уже месяц. Летом у меня работало 35 бригад, разбросанных по обширной территории (северная часть Монголии, Тува, Хакасия, Тофалария, Саяны, Таймыр вплоть до берегов Северного Ледовитого океана), поэтому найти меня было, действительно, трудно, да и всегда после подобных встреч происходили неприятности.

Не прошло и месяца, как я получил выговор, а потом еще из-за одного случая меня лишили премии, чему активно содействовали работники КГБ.

Первый случай был такой.

9 мая в Игарке на площади происходило открытие памятника «Воинам, погибшим в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Когда белое полотнище стало сползать с воздвигнутого памятника, заиграл гимн и огромнейшая толпа умолкла, сняв головные уборы, хотя валил сильный снег. Работники КГБ заметили, что один, стоявший поодаль, седовласый здоровяк шапку не снял. Проследили за ним — оказалось, что это работник из нашей экспедиции.

Месяц они наводили о нем справки, а потом приехали в экспедицию показать мне фотографии этого человека. Я достал учетную карточку, трудовую книжку, медицинское освидетельствование. Иван Иванович Ремарчук работал у нас всего один год. Оказалось, он находился в розыске (его настоящая фамилия была иная). Будучи во время Великой Отечественной войны старостой у немцев в Белоруссии, он зверски расправлялся с мирными жителями. Нам предстояло очень аккуратно провести операцию его ареста. Еще когда я принимал его на работу, мой главный бухгалтер

А.С. Смертин, человек с огромным жизненным опытом, участник и инвалид войны, уговаривал меня не делать этого. Очевидно, он имел какое-то предчувствие. Однако оснований отказать ему у меня не было, хотя и были сомнения, почему человек в столь солидном возрасте идет работать в экспедицию.

Арест планировали провести на базе партии у А.А. Широкова, по радиации все объяснил начальнику партии. Но когда мы с работниками КГБ и милиции прилетели на вертолете, то увидели странную картину: окровавленный измученный А.А. Широков сидел за столом, а на полу, связанный, лежал Ремарчук. В бане обнаружили моториста Н.П. Киргинцева, связанного, с кляпом во рту.

Очевидно, изменник почувствовал, что его настигает расплата, поэтому он связал моториста, затем, войдя в помещение, хотел убить начальника партии, завладеть оружием и скрыться, но Широков отличался богатырской силой, и хотя долго длилась их схватка, закончилось все удачно. Мне вынесли выговор за недостаточную бдительность при приеме на работу: паспорт и трудовая книжка мнимого Ремарчука оказались поддельными, хотя установить это смогли специалисты только с помощью специального оборудования.

Второе наказание я получил за утерю карабина В.Ф. Рожковым.

В разгар полевых работ к нам приехал на летний полевой сезон из института аспирант В.Ф. Рожков. Крепкий физически, он произвел на меня приятное впечатление. Я предложил ему отнаблюдать четыре первоклассных пункта триангуляции самых высоких вершин в Саянах. Уже несколько бригад два года пытались произвести измерения, чтобы закончить этот проклятый угол в Саянах, причем две самые высокие вершины находились в состоянии вечного оледенения.

Я очень обрадовался, когда мне сообщили, что Рожков отнаблюдал все пункты и пешком выводит бригаду по правому берегу Казыра на базу экспедиции.

И вот однажды, обросший огромнейшей бородой, опечаленный, заходит в кабинет Владимир и докладывает, что трехмесячное задание выполнено успешно, но он потерял карабин, забыв его в тайге на одной из стоянок. Спohватившись, вернулись обратно, но без тропы, среди густозаросшей буреломной тайги, оставленный, прислоненный к дереву карабин найти было практически невозможно.

Много, много раз ходил в КГБ В.Ф. Рожков, объясняя потерю карабина, а я получил наказание за ослабление дисциплины при хранении и содержании оружия.

На этот раз работники КГБ привезли в экспедицию материалы под шифром «Кубинец» на пропавшего в тайге мерщика Юрия Лемешко.

Оказывается, Ю. Лемешко, придя в палаточный лагерь, взял необходимые вещи, продукты, сел в резиновую лодку и уплыл вниз по течению, по Курейке, а затем по Енисею до Игарки.

В Игарке он проник на погрузочную стоянку. Здесь каждое лето более 100 кораблей загружали стандартным пиломатериалом и увозили про давать его в разные страны мира. Спрятавшись между штабелями досок, Лемешко уплыл на корабле на Кубу. В Гаване он закурил во время стоянки — сработала сигнализация на задымление. В конце концов с помощью собаки нарушителя нашли и передали в соответствующие органы.

Выяснилось, что Ю.И. Лемешко работал по особому заданию зарубежного государства, у него были изъяты микропленки наших секретных топографических карт и других экспедиционных материалов ограниченного пользования, а также с грифом «секретно». Каждый полевой сезон поражал нас все новыми и новыми происшествиями, часто непохожими одно на другое. А мы день за днем шли по тайге, по тундре, по болотам, создавая топографические карты, необходимые нашей стране, а иногда выяснялось, что нашими картами очень интересовались и многие зарубежные государства.

КРАСНЫЕ КРЕСТЫ

Мне пришлось 10 лет работать в Сибири, создавать топографические карты, начиная от южных окраин — это Монголия, Тува, Хакасия, Тофалария, Саяны и кончая берегами Северного Ледовитого океана.

Каждый экспедиционный сезон мои дневники пополнялись новыми историями. У меня экспедиционный сезон начинался в феврале-месяце: я улетал на вертолете в самые дальние уголки создавать новые базы партии. Именно от своевременной и качественной подготовки зависит успех летних экспедиционных работ.

На новых объектах, удаленных от населенных пунктов, строили базы партии в марте, апреле и мае, сооружали лабазы с продуктами, завозили самолетами горючее для вертолетов, продукты, цемент, металл и многое другое.

Очередной экспедиционный сезон я начал в Игарке, отправившись на вертолете за 350 км на восток — никаких сел и факторий там нет, пустынная, дикая тундра. Склоны гор, долины рек и озер покрыты лесом, в основном лиственницей; вершины гор здесь плоские, каменистые, тянутся на десятки километров. Зимой все это покрыто метровым, а иногда и двухметровым слоем снега.

Каждый год, каждый экспедиционный сезон мы продвигались на 50—100 км на север, оставляя выстроенные базы партии, осваивали и картографировали все новые и новые участки, как совсем неизведанные, так и частично или поверхностно изученные.

Первую посадку мы наметили на северном берегу озера Кулюмбинское. В прошлом году начальником партии на озере был Н.А. Поакаев, руководитель с большим опытом, строгий, давно работавший в геодезии, участник войны. О таких раньше говорили — руководитель старшего поколения, что означало безукоризненный порядок и приоритет работы.

Картографирование территории вокруг озера было закончено, и нам предстояло перебазироваться на северо-восток.

Подлетая к озеру, вертолет сделал пару кругов. К моему удивлению около базы остался только один дом — все было сожжено. Рядом с домом я увидел пятерых детей и упряжку из двух исхудавших оленей.

Около дома упряжка из двух исхудавших оленей и пятеро детей

Оказывается, эти дети перенесли ужасную трагедию.

В ноябре-месяце они всей семьей возвращались с летнего Дюпкунского стойбища домой на Ханайку на четырех нартах. Впереди на двух упряжках ехали родители, которые везли на своих нартах все запасы продуктов, а на двух последних — пятеро детей.

Старший, четырнадцатилетний Митяй, ехал с двумя маленькими девочками, а Костик с сестрой были на последней упряжке. Ехали очень быстро: олени после осенних выпасов были крепкими и легко мчались по уплотненному тундровому снегу.

Две передние упряжки, переезжая через заснеженное озеро, вдруг провалились и мгновенно исчезли. Две последние упряжки вздыбились, предчувствуя опасность, и резко развернулись в обратную сторону. Митяй соскочил с нарт, подбежал к обрыву и увидел огромное водное пространство, а далее опять лед. Над водой дымился пар и виднелись большие пузыри у кромки льда на противоположной стороне. Очевидно, обе упряжки ушли под лед на большой скорости.

Долго сидели все пятеро и плакали, рыдая на всю бескрайнюю тундру. Уже вечерело, слезы на щеках замерзали.

Теперь Митяй остался старшим в семье. Он усадил всех на нарты, и дети поехали на берег озера, где виднелись дома. Это была наша прошлогодняя база партии. Из продуктов оставалась только мука. Конечно, в доме дети нашли спички, оставшиеся старые списанные спальные мешки, всякую посуду, топоры, пилы. Это и спасло детей. Вначале жгли в печке все, что было под рукой, а потом разобрали баню и склад. Обязанности распределили: мальчики заготавливали дрова, девочки (старшей, Фросе, было 9 лет) пекли лепешки, варили мясо. Митяй заколол вначале одного оленя, мясо он выделял каждый день по порциям, затем закололи еще одного. Чтобы кормить оленей, приходилось уезжать далеко в лес. Там олени из-под снега добывали себе ягель — это лучшее питание для них, но вокруг базы ягеля мало, и они очень исхудали.

Дом для базы партии строили три года назад для летнего и осеннего проживания, поэтому жить зимой в нем было очень сложно, особенно если вспомнить, что морозы бывали до -50°C и держались неделями.

Красные кресты с белыми птицами

Мы забрали детей в вертолет и увезли в Игарку, но они не могли расстаться со своими двумя оставшимися оленями, поэтому пришлось их погрузить со всем скарбом.

В Игарке мы передали детей местным властям, а они отправили их в интернат в Дудинку.

Двумя годами позже я пролетал на вертолете над озером, где произошла эта страшная трагедия. На берегу я увидел красные кресты. Командир вертолета был тот же самый Володя Смирнов. Мы приземлились, я сфотографировал изящно сделанные из дерева кресты с вырезанными на них белыми птицами.

Мы постояли у красных крестов, вспоминая тот февраль, когда мы здесь были, и полетели дальше. Вскоре мы увидели стадо пасущихся оленей

и двух подростков на оленях. Мы подлетели на вертолете к стаду.

Подростки многое нам рассказали о Митяе и красных крестах.

Оказалось, они были с Митяем в одной группе в интернате, поэтому знают все в подробностях, даже про то, как мы спасли детей два года назад. Митяю в интернате дали прозвище Старый. В тот год он сильно постарел: на лице появились глубокие морщины, в волосах — седина. Всю прошлую зиму он строгал кресты и на них вырезал птичек. Потом летом он установил кресты и покрасил их красной краской. А этой весной Митяй умер, его похоронили в Дудинке. Всю зиму он болел: очевидно, в ту трагическую зиму на базе его здоровье подорвалось. Почти четыре месяца Митяй оберегал от стужи и голода своих младших сестер и брата — не каждый взрослый сможет это выдержать. С декабря по февраль здесь совсем не появляется солнце, сплошная ночь, в полдень проступает чуть заметный полумрак, а в конце января начинаются метели, по несколько дней завывает вьюга при температуре $-20...-30^{\circ}$ C. Когда начинается пурга, морозы отступают. Коварство севера, его суровый климат не каждый может выдержать.

Мы угостили подростков сгущенным молоком, консервами и полетели дальше.

Лечу, закрою глаза, а передо мной кресты — много их было в моей жизни. Кресты по всей нашей земле — скромные, безымянные памятники нашим землепроходцам-создателям карт, жизнь которых оборвалась в тайге, тундре, пустыне, на звериной тропе или при переходе через реку. Мы продолжаем картографировать — ведь наш долг закончить начатую ими работу.

Эти два подростка многое рассказали нам о Митяе

ЕГОРЫЧ

Я уже несколько раз упоминал о своем первом проводнике Егорыче, уникальной личности, в роду которого были первооткрыватели Крайнего Севера.

Собираясь в первую экспедицию, я долго подбирал проводника. Нам предстояло выполнить огромный объем комплексных геодезических работ в иркутской таежной глухомани, передвигаться надо было на лошадях, а значит, каждый день завьючивать их экспедиционным снаряжением и сквозь густую тайгу удаляться в неведомую даль, выполняя геодезические измерения. Отец постоянно предлагал свои услуги, но из-за его здоровья и возраста это было невозможно.

Однажды отец привел небольшого мужичка лет пятидесяти, щупленького, с негустой бороденкой, с трубкой во рту, которая выглядела гораздо старше гостя. Побеседовав немного с Егорычем, я понял — это для меня находка. Егорыч 30 лет странствовал в экспедициях, вместе с моим отцом работал у Федосеева — они были давние друзья.

Вечером отец рассказал мне о родословной Егоровых. Прапрадед нашего Егорыча Егор Егорович жил в Тобольске и участвовал в экспедиции первооткрывателя Якова Санникова, было это в годы войны с Наполеоном. Много лет проработал он в северных экспедициях, научился так хорошо измерять расстояния для составления чертежей, что его прозвали Ясновидящим: он очень точно мог измерять расстояния на глаз и долго помнить их. Особенно это требовалось при определении ширины реки, высоты обрывов и т.д. У Егора подрастал сын, тоже Егор. Он оказался очень смышленным и научился вычерчивать черновые карты.

Егорка не раз отправлялся в экспедицию на Таймыр. В конце концов он переехал жить на Енисей, поселился в безымянном остроге, на правом высоком берегу Енисея, ниже устья р. Курейки.

Однажды летом в острог приплыли с юга баржи купца Строганова, заполненные товарами. И развернули здесь они огромную торговлю. Весть разнеслась по всему Северу. У приказчика в обмен на пушнину приобретали: порох, дробь, ружья, соль, сахар, муку, мануфактуру и многое другое. Приказчик нанял Егорку, как шустрого местного парня, в помощники. Заканчивалась длинная зимняя полярная ночь. Приказчик заболел цингой и умер — так пришлось Егорке все взять на себя.

Много лет он проработал приказчиком, даже острог был назван его именем — именем Егорки, уже позже название несколько изменилось,

превратившись в Игарку. В 30-е годы большое семейство Егоровых сослали в Шушенское. Последний и самый младший Егоров, Евдоким Егорович, и был моим проводником. Евдоким пошел по стопам своих дедов и постоянно работал в экспедициях, кстати, отец его стал приказчиком совсем случайно.

Первые дни моих экспедиционных маршрутов проходили очень напряженно, обстановка была натянутой. Все рабочие были молодыми — проводника они сразу стали называть дедом, относясь к нему как к нахлебнику. Первая наша недельная стоянка находилась на горе Бадан, позади остались река Бирюса и поселок Калтоши.

Место для лагеря выбрали удачно: вершина хребта-перевала постоянно продувалась ветром, поэтому не было комаров, рядом прекрасный родник, много корма для лошадей, а ниже по склонам густой лес с остатками снежных зимних сугробов.

Оставив Егорыча с больной лошадежкой в лагере, мы вчетвером налегке, на лошадях отправились выполнять целый комплекс геодезических работ в тайге на площади радиусом 15—25 км. Рассчитывали провести в тайге 10 дней. Перед нами стояла задача точно находить в тайге опознаки — геодезические точки, оформлять их на местности по инструкции, выставлять на дереве флаг, чтобы можно было с ближайших сигналов измерить координаты. Однако в сплошной тайге отыскать такую точку очень сложно, иногда приходится взбираться на самые высокие деревья — обычно сорокаметровые лиственницы, — выискивать и высматривать необходимую возвышенность в темно-зеленом океане тайги.

Все рабочие (их было трое) оказались смышленными: они быстро распределили обязанности, и работа пошла. Была проблема не растерять без Егорыча лошадей. Но мы помнили его строгий наказ. Ласточку, на которой я ездил, привязывали ночью на длинную веревку — она была заводилой, а остальных спутывали и подвешивали им на шею колокольчики, чтобы определять, куда они направились.

Мелких происшествий было множество, но в целом в график мы укладывались. В последние дни нам попадалось много звериных троп, поэтому работу закончили за неделю, хотя по нормам могли трудиться целый месяц. Работали мы от темноты до темноты — с 5 ч утра и до 11 ч вечера. В последний день я провел много времени, занимаясь измерениями с пункта триангуляции, наблюдал с самого дальнего сигнала все установленные за неделю развевающиеся красно-белые флаги над густыми кронами леса, а рабочие уже заседлали лошадей, завьючили остатки продуктов, снаряжение и, довольные, на лошадях отправились в лагерь.

Двадцатикилометровый путь по тайге оказался очень трудным. Вдобавок, съеденные накануне последние банки китайской тушенки были,

по-видимому, недоброкачественными. Я переносил недомогание легче всех, наверное потому, что пользовался серебряной ложкой, с которой никогда не расставался, храня ее в голенище сапога. Досталась мне эта ложка еще от В.И. Ленина, когда он находился в ссылке в Шушенском. Ленин, уезжая, подарил эту ложку моей тете (тетя Паша Мезина-Яценко), два года проработавшей в семье Ульяновых прислугой. Тогда большинство пользовалось деревянными ложками. Тетя Паша отдала ложку моему отцу, а тот всегда брал ее в экспедиции. Отец, вручая ее мне, долго рассказывал о благотворном действии этой ложки на здоровье.

В лагерь мы пришли пешком, ведя лошадей (уже не было сил залезть на лошадь). Утром решили отправиться в деревню, в больницу, и приказали Егорычу готовить лошадей. Наш проводник заварил чай, а потом куда-то исчез. Мы выпили чай, но улучшения не было. Вдруг из-за кустов появился Егорыч с огромным рюкзаком и начал вытаскивать из него какие-то прутья. Сломал их, он наполнил ими ведро, вскипятил его и стал отпаивать нас горьким кипятком. К утру все были здоровы. Оказывается, еще во время первого маршрута он где-то у болота приметил черную полынь и вспомнил о ней сейчас, зная, что только эта целебная трава может излечить страдальцев. Вот так Егорыч в первые же дни стал завоевывать нашу симпатию.

Вскоре появилась новая проблема: после болезни все испытывали отвращение к тушенке, поэтому остальные продукты стали быстрее расходоваться. Маршруты усложнились, все дальше и дальше мы уходили в тайгу. Прошло уже два месяца, иногда Егорычу удавалось застрелить глухаря или рябчика, но этого было слишком мало. Из-за ежедневных огромных физических нагрузок нам требовалась калорийная пища.

Однажды Егорыч, сидя у костра, предложил мне задержаться на этой стоянке. Чутье ему говорило, что где-то недалеко солончаки. На тропе Егорыч обнаружил следы лосей с остатками белой глины солончаков. На утро мы собрались и уехали на неделю верхом на лошадях, оставив Егорыча одного с основным лагерным снаряжением.

Неделя показалась нам очень длинной.

Надежда оправдалась. Егорыч отыскал солончаки, просидел три ночи в засаде, все-таки выследил огромного лося и из своей старенькой двустволки уложил его наповал. Стрелок он был очень меткий. Подъезжая к лагерю, мы увидели забор, увешанный мясом, нарезанным длинными тонкими полосками. Все это Егорыч делал очень умело. Подсоленное мясо, отделенное от костей, он вешал на тонкие жерди, чтобы оно быстро подвяливалось на ветру, а через три дня мясо становилось сушеным и могло храниться месяц и более. Егорыч сделал пельмени, на следующий день

пирожки, причем готовил он без мясорубки, иссекая мясо топором в корыте из лиственницы. Часть свежего мяса Егорыч зарыл под мох и так сохранял его более двух недель, готовя различные мясные блюда.

Однажды, пока мы поили лошадей, Егорыч уже поймал огромного хариуса. Все сразу решили расседлать лошадей и заночевать. Егорыч всегда, даже летом, ходил в шапке, в которой прятал иглы, нитки, разные рыболовные крючки. Мигом наловив ведро рыбы, Егорыч исчез, а мы начали варить уху.

Вечером дед принес охажку тонких прутьев, сделал «морду», установил ее в ручье, а утром у нас было два ведра хариусов. Три дня, пока Егорыч делал месячный запас вяленой, сушеной, копченой, малосольной и соленой рыбы, мы работали наездами.

Через неделю, передвигаясь с завьюченными лошадьми по скалистым берегам реки, мы сильно пострадали. Я шел впереди с компасом и теодолитом, ориентируясь в нужном направлении до следующей стоянки, что обычно занимало весь световой летний день. За мной Коля вел завьюченную лошадь.

Коля вел завьюченную лошадь

Николай любил свою белую лошадь и никому ее не доверял, тайком подкармливал свою любимицу сахаром и сухариками. Он всегда старался меньше загружать ее тяжелыми вьюками. В этот раз он завьючил флягу с рыбой, канистру с растительным маслом, всю посуду, свой спальный мешок и палатку, а весь остальной груз пришелся на других лошадей.

Егорыч был, как обычно, замыкающим. Мы вышли к берегу реки Бирюсы, и звериная тропа повела нас по краю обрывистого берега на север в верховье реки.

Идти становилось страшно — уж очень узка была тропа по краю сыпучего каменистого обрыва над пропастью бурлящей реки. Остановились, посоветовались. Егорыч предлагал вернуться обратно, переправиться на противоположный берег и продвигаться там, потом опять через 15 км перейти на этот берег, так как здесь проводились измерения. Река была шириной 200—300 м и глубиной 1,5—2 м.

Решили попробовать пробраться по звериной тропе.

Продвигались медленно. Слева скала, справа обрыв. Вдруг завьюченная фляга задела камень, лошадь не устояла, пошатнулась и провалилась в глубокую бурлящую бездну, издавая оглушающее тревожное ржание.

Коля стоял, держа оторванные поводья, и со слезами на глазах ругал и проклинал всех нас.

Мы сразу же спустились вниз, пытаясь отыскать упавшую лошадь, но грозный гигантский круговорот воды молниеносно сделал свое коварное дело. Прodelывали разные эксперименты, но ничего не удалось найти. Два дня потратили на поиски — и все безрезультатно.

После этого мы изменили маршрут. Несколько дней прошло в гнетущем молчании.

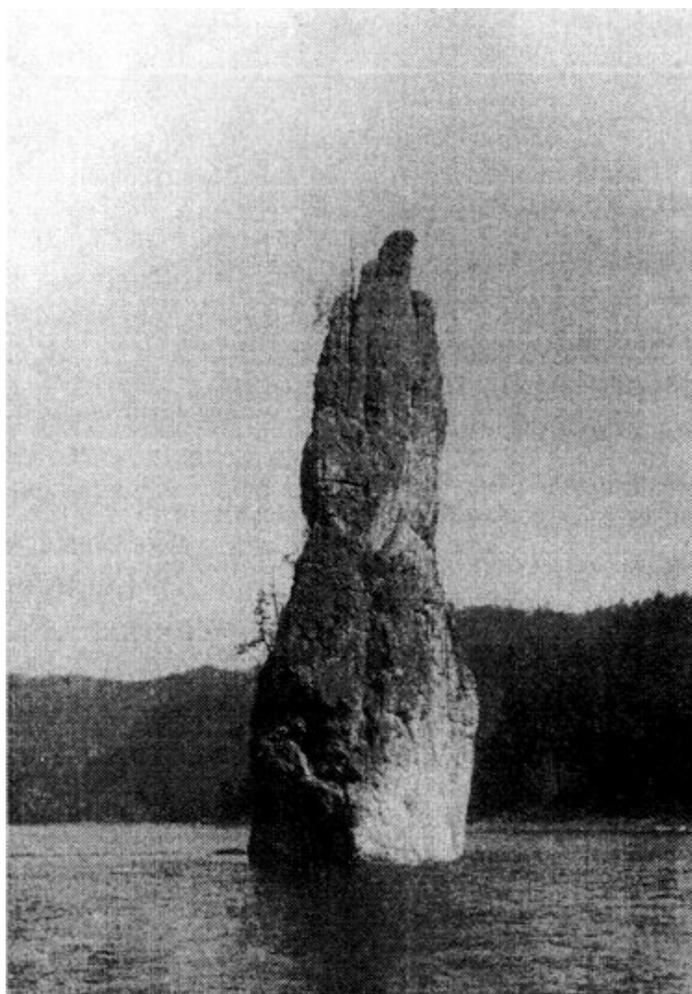
Нам предстояло две недели работать на горе Шаманской и на территории вокруг этой огромной горы, считавшейся ранее священной. Склоны ее покрыты густым лесом, но встречаются выходы каменистых пород в виде останцов разной конфигурации.

Мы много слышали о таинственных пещерах на Шаманской горе. А теперь нам предстояло обследовать каждую пещеру, измерить и нанести ее на новую карту.

Наш караван продвигался к горе Шаманской по берегу реки Бирюсы.

Вдруг из-за поворота показался огромный останец под названием Маяк. От Маяка наш маршрут менялся на 90°, мы повернули в сторону Шаманской горы. Много загадочного скрывают эти отдаленные таежные дебри. Когда-то здесь добывали золото, но запасы иссякли и люди ушли отсюда. Несколько десятков лет не ступала нога человека в этих далеких таежных уголках. Тропа заросла, а ведь когда-то была хорошо наезженной:

по ней приезжали из далекой Тофаларии. Везли сюда большие вьюки с пушниной.

Останец Маяк

Одно из племен тофов съезжалось один раз в год зимой на гору, названную впоследствии Шаманская. На «священной» горе шаман несколько дней исполнял положенный ритуал. За сотни километров от своего улуса тофы съезжались сюда проводить суглане: после суглане начиналась ярмарка, где охотники продавали годовые запасы пушнины местным купцам.

За 40 лет признаков человеческого присутствия в этих местах почти не сохранилось.

Наконец, мы пришли к Шаманской горе, разбили свой лагерь и приступили к работе.

Чтобы ускорить дело, мы разделились на группы: я взял с собой помощника для геодезических измерений, двоим рабочим дал задание

прорубить просеку по берегу реки для нивелирного хода, а Егорыча оставили в лагере заниматься хозяйственными делами, главное, откормить лошадей после утомительного недельного перехода.

Несколько часов мне пришлось потратить для восхождения на гору Шаманскую. Господствующая гора давала возможность проделать большой объем работ, точнее, отнаблюдать опознаки, которые мы устанавливали в тайге в течение трех недель.

Полдня я измерял теодолитом опознаки со скалистого уступа горы Шаманской.

Шаманскую

Восхождение на гору

На скалистом уступе горы

Шаманской

Летний день длится долго — многое можно успеть. Закончив измерения на вершине горы, мы спустились к ручью. Было еще светло. Рабочие уже прорубили просеку, поэтому проложить завтра нивелирный ход — последнее, что нам оставалось сделать, — можно будет очень быстро.

Смеркалось, мы приближались к лагерю. Увидев нас, Егорыч устроил барабанный гром посудой. Мы остановились, оторопев от удивления, откуда у Егорыча взялось столько посуды. Блестящие медные тазы и тазики, ведра и кружки, тарелки и ножи и даже ложки, только деревянные. Стали пытаться деда, но он молча отбивал ложками по огромному медному тазу мелодию какого-то марша. Пряча лукавые глазенки под лохматыми бровями, Егорыч все-таки рассказал нам о таинственном кладе посуды в пещере священной Шаманской горы.

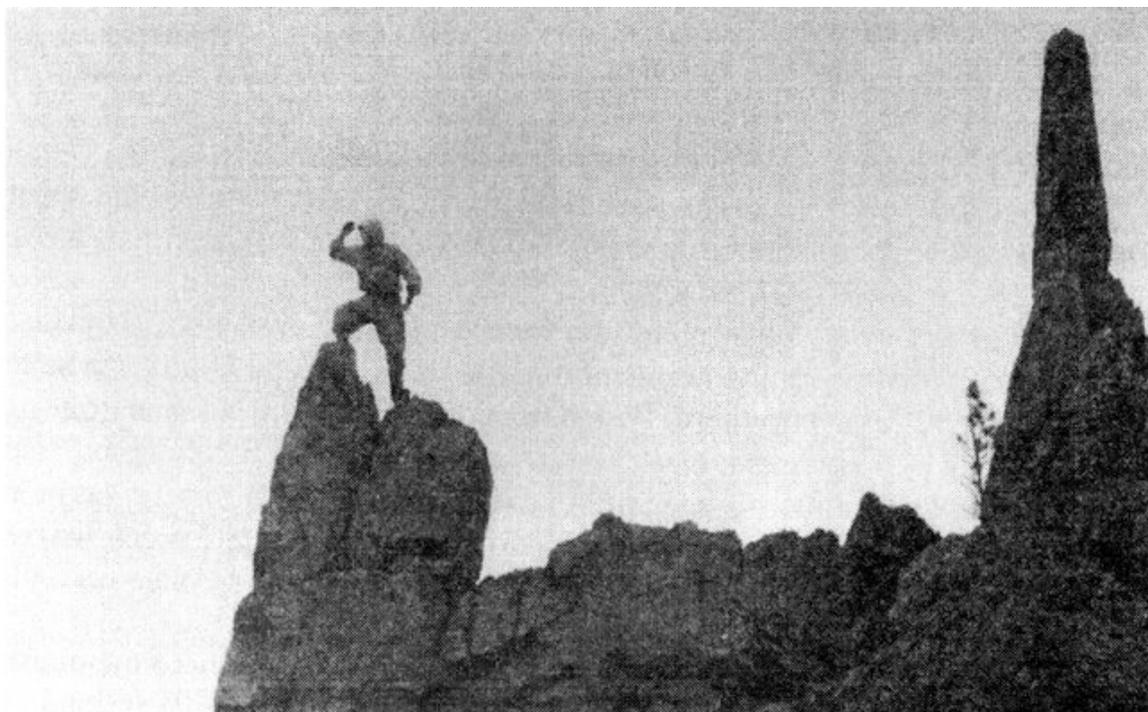
Оставшись один в лагере, Егорыч с собаками отправился осматривать пещеры. В одной из пещер собаки начали заливисто лаять, но Егорыч при ее осмотре ничего не заметил, однако собаки продолжали настойчиво лаять, пытаясь отковырнуть огромные глыбы камней. Тогда Егорыч стал разбирать камни и наткнулся на березовую кору, под корой находился деревянный ящик, в котором хранилась посуда, тщательно упакованная холщовыми

отрезами и какими-то листьями. Все прекрасно сохранилось и выглядело как новенькое.

останцы

Мы обследовали все пещеры и

Некоторые останцы были очень привлекательны

Егорыч рассказал, что ему приходилось принимать участие в суглане, где купцы устраивали большой пир, поэтому посуда и хранилась для такого пиршества на священной Шаманской горе. Мы обследовали все пещеры и останцы. Ничего более существенного, чем посуда, не нашли. Некоторые останцы были очень красивы.

Обследуя пещеру, расположенную у самого ручья, наши собаки с лаем бросились внутрь, но с визгом и лаем выскочили оттуда взъерошенные, испуганно озираясь. Мы вооружились и отскочили от каменистого проема, понимая, что в пещере находится кто-то, очень опасный.

Неожиданно из пещеры выскочили два медвежонка и молниеносно, подгоняемые озверевшими собаками, вскарабкались на высокую лиственницу. Озираясь, они стали оттуда наблюдать за происходящим. Одна собака тревожно взывала, зализывая рану, а другая убежала к лагерю. Николай долго держал под прицелом медвежат на дереве.

Недалеко, в зарослях, взревела медведица, и взволнованные медвежата, мигом спрыгнув с дерева, умчались в заросли на ее зов.

Николай долго держал под прицелом медвежат на дереве

Закончив работы вокруг горы Шаманской, мы с караваном двинулись на юг. Через два дня предстояло разбить лагерь у следующей горы и проработать там дней десять.

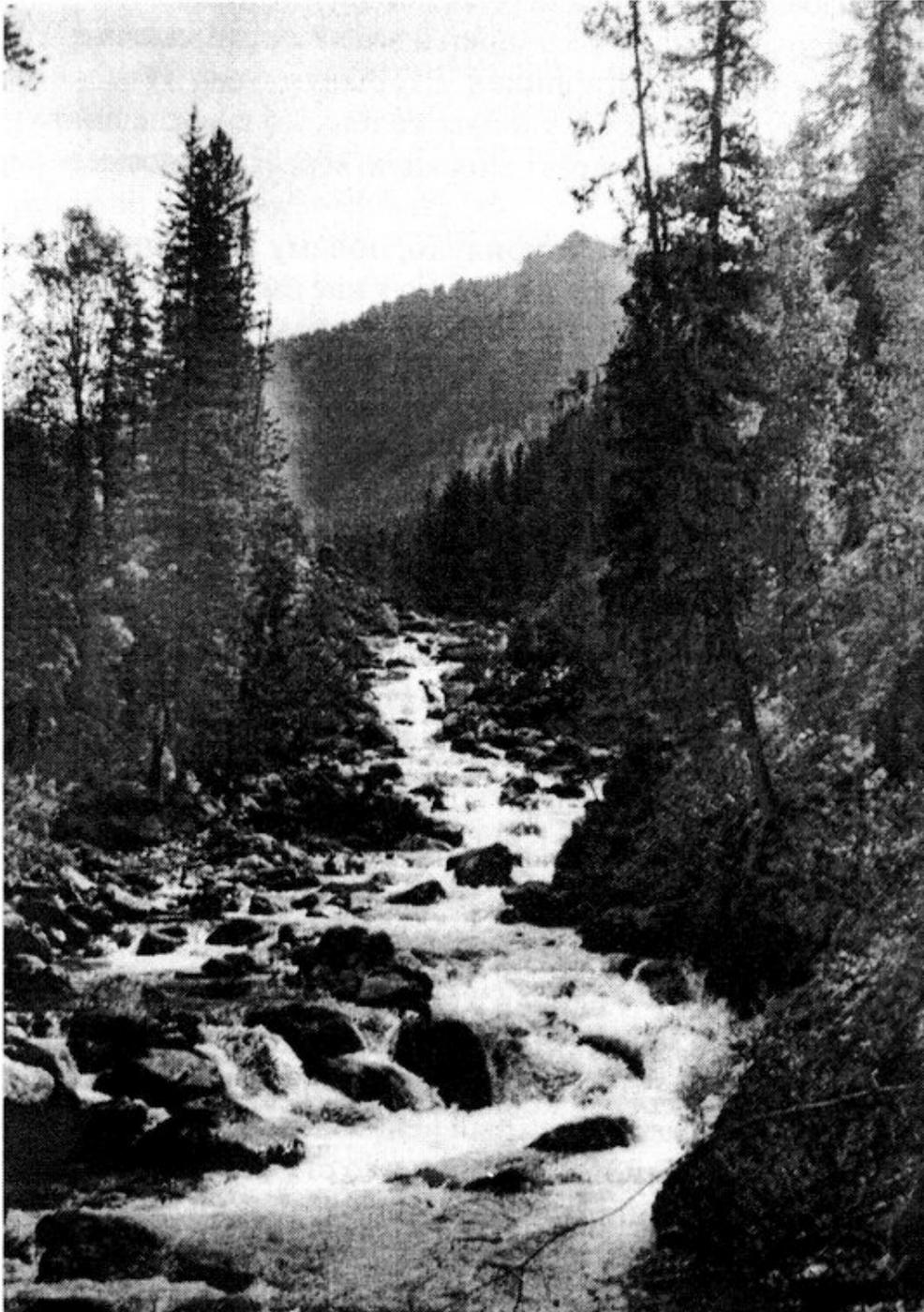
День был пасмурный, я шел впереди по компасу, ориентируясь по заданному азимуту. У ручья сделали короткий привал. Наступал вечер, пора было думать о ночлеге. Ручей был очень красив. Ко мне подошел Егорыч, сел рядом и сказал, что здесь мы сегодня уже были, целый день ходим вокруг одной горы. Вынув компас, я показал его ему: стрелка указывала 60° , а значит, мы шли строго по маршруту. Я был неопытен, Егорыч же всю жизнь работал в экспедициях, и он привел мне несколько примеров, когда теряли дорогу и с компасом.

Тогда решили заночевать у ручья. Утро оказалось очень солнечным, и по солнцу я убедился, что компас мой ошибается. Когда я установил на штативе теодолит и сориентировал инструмент по буссоли, оказалось, что и буссоль показывает неверные, но идентичные показания с компасом.

Пришлось идти по солнцу — это самый надежный метод в ориентировании, особенно в непролазной тайге.

Вечером, когда мы добрались до нужной нам горы, я вновь стал выверять инструмент по буссоли и по солнцу, а ночью проверил по звездам. Стрелки буссоли и компаса показывали правильное направление.

Три года спустя мне удалось разгадать магнитную загадку. Когда мы, закончив карту, вычертили ее и передали геологам, те пошли по нашей карте и обнаружили большие запасы железной руды в Шаманской горе. Известно несколько случаев в наших экспедициях, когда огромные скопища запасов железной руды сбивали с пути наших геодезистов. Некоторые заканчивались смертельным исходом.

Ручей

был очень красив

Утром, рано встав, я направился к костру. Егорыч уже занимался делом — чистил у костра хариусов, готовил завтрак. Остальные спали после трудного перехода. Мне нужно было оформить дешифровочные записи, которые я делал в процессе маршрута, и подготовить материалы для предстоящих измерений.

Вдруг Коля с душераздирающим криком выскочил в одних плавках из палатки, а за ним и Александр. «Змея, змея в спальном мешке!» — кричал Николай, подбегая к Егорычу. Егорыч схватил палку и ринулся в палатку. Через несколько минут дед стал медленно выходить из палатки, двигаясь задом. На палке он нес двух убитых змей.

Мы перетрясли спальные мешки и все наше снаряжение. Расчистили лагерь от травы и кустарников. Егорыч отвязал от седла своей лошади волосяную веревку и уложил ее плотно к земле вокруг наших палаток. По его словам, через волосяную веревку не посмеет перелезть никакая змея.

Только теперь мне стало понятно, почему Егорыч все лето возил эту веревку, хотя я доказывал ему, что у нас имеются прекрасные капроновые фалы. За десять дней работы мы повстречали у ручья, а особенно на горе множество змей, почти в каждой муравьиной куче можно было увидеть остатки змеиных туловищ.

Горе на новой карте мы дали название Змеиная.

ПРИКОЛИСТЫ

В каждой экспедиции есть свои приколисты. В нашей Минусинской экспедиции приколистом была тетя Ориша. Не знаю, почему ее так звали, на самом деле она была Ирина Яковлевна Киргинцева; рассердившись, ее называли Киргинчихой. Сердиться на нее приходилось многим и часто, но это быстро проходило.

Первый раз я испытал это на себе, как только выехал в свой первый полевой экспедиционный сезон.

Мы приехали на базу партии в г. Тайшет. Здесь нам предстояло переночевать, а затем отправиться в летний маршрут на все лето. Вечером, когда стали расстилать спальные мешки, я вдруг с удивлением обнаружил в своем мешке: старый веник, алюминиевую кружку и все из моего экспедиционного письменного стола вплоть до линеек, карандашей, ручек, кронциркулей. Хорошо хоть тушь не разлилась! Вначале я промолчал, подумав, что, возможно, это чужой спальный мешок, перепутал, но когда вытянул чехол, то увидел свою фамилию. Два дня назад, получив на складе рюкзак и новый мешок, я подписал его. Вдруг в комнату вошел начальник партии Василий Ильич Петренко. Это был опытнейший руководитель. Попасть к нему было трудно: коллектив постоянный, от него никто не уходил, партия занимала всегда призовые места по всем показателям. Увидев рядом со мной кучу всякого хлама вплоть до подков и старых сапог, Василий Ильич подсел ко мне и стал рассказывать про Киргинчиху: он-то сразу догадался, что это ее рук дело. «Ты еще новичок, многое узнаешь и испытаешь», — так закончил начальник партии свой рассказ о тете Орише.

Оказывается, тетя Ориша всю жизнь провела в этой экспедиции. Воспитывалась она в детдоме, родителей не помнит. Экспедиция стала ее родным домом. У нее не было никакой экспедиционной специальности, но нужна она была постоянно. Зимой дежурила на вахте через два дня, но и эти два дня отдыха проводила в экспедиции, помогая уборщицам или кладовщику, а летом уезжала на экспедиционные работы.

С тех пор как у нее родился сын, тетя Ориша стала работать летом в партии поваром. Толик родился в тайге на базе партии, роды принимали муж Николай Павлович Киргинцев, радист, а по совместительству моторист моторной лодки, и начальник партии В.И. Петренко. На второй день после родов у тети Ориши поднялась температура, пришлось везти ее 60 км по Енисею на моторной лодке с ребенком в соседнюю партию. Приближаясь к базе партии, где находился вертолет, лодка перевернулась, налетев на

затонувшее бревно. Василий Ильич, уже бывавший не раз в самых разнообразных ситуациях, проявил находчивость и мужество: выхватив ребенка у матери и держа одной рукой ревущего малыша, он вынес его на берег Енисея. Киргинцевы тоже выплыли, хотя Николай Павлович плавал плохо. Закончилось все благополучно, тетю Оришу с Толиком сразу увезли на вертолете в больницу и вылечили.

Осенью мне пришлось вновь стать жертвой проделок тети Ориши. Несколько дней я составлял месячный авансовый отчет. Не нравилось мне подобное занятие, поэтому делал я это урывками. Особенно неприятно было составлять акт на списание, например, сочинять фразу, объясняющую необходимость списания лома. Все знали, что его нужно списать: очень дорого вывозить его вертолетом из тайги. Пишу: «Лом поломался». Хотя это абсурд. Обосновав все-таки списание, я передал утром авансовый отчет начальнику партии, приложив различные квитанции об уплате: за переправу на пароме бригады, за подковку лошадей в кузнице и т.д.

На второй день В.И. Петренко пригласил меня для анализа авансового отчета и деликатно начал читать мне нравоучения. Он объяснил, что нельзя включать в авансовый отчет личные расходы. Начальник партии аккуратно отрывал приклеенные квитанции от моего отчета и складывал их в отдельную стопку, вчитываясь в затертые квитки. Мне не видно было, какие именно счета бракуются, поэтому я спокойно выжидал. Он начал возвращать мне квитанции со словами: «Виктор, ты еще молод, не делай больше таких глупостей, забери эти билеты и квитанции и не позорь звание инженера. Вот твой билет в кино, этот в цирк, этот в баню, этот на покупку банных березовых веников, а эта квитанция из аптеки, не могу понять, что ты там покупал, — наконец начальник через лупу прочитал, покраснел и, всегда спокойный, он вдруг взревел: — 50 штук презервативов?»

Подметавшая комнату тетя Ориша, услышав эти слова, молниеносно выскочила, не успев закрыть дверь. Начальник партии понял проделки тети Ориши, бросился вдогонку, но ее уже и след простыл.

Из других комнат вышли геодезисты, начали рассматривать билеты, квитанции, приклеенные тетей Оришей, гадать, когда она только это успела, и соответственно стали подтрунивать надо мной.

Петренко, смеясь, проговорил: «Я-то, старый дурень, знаю ее с детства и опять попался».

После этого начальник партии подписал мне авансовый отчет, убрав Оришины добавки, а на следующий день я передал его начальнику экспедиции на утверждение.

Вечером начальник экспедиции Олег Арсеньевич Дроздов вызвал меня и начал расспрашивать, объясняя, что нельзя в общий акт по мелочевке

включать списание лошадей, для примера он зачитал: «Линейка — 1, ложка — 2, лупа — 1, лошадь — 4». Сидящий здесь же начальник партии вскочил со словами: «Не было там лошадей, я же проверял. Опять эта Киргинчиха!» Оказывается, тетя Ориша успела-таки приложить опять свою руку. Удивительно, как это ей удавалось.

Но больше всего начальник экспедиции хохотал, когда ему рассказали о вчерашних билетах и квитанциях из аптеки.

В экспедиции тетю Оришу любили, она целыми днями могла рассказывать женщинам какие-то байки, смешные истории, хотя ее лицо всегда было слегка озабоченным и только иногда на нем появлялась улыбка.

Такие люди имеются в каждой экспедиции. В этом я убедился, работая на Кавказе, в Баку.

Наш шофер Виктор Федорович Заславский был неистощим на выдумки, у него каждый день рождались какие-нибудь приколы.

Однажды стоит он на проходной и подбрасывает в руках большую пачку чая со слонем на этикетке. Такой чай в Азербайджане был всегда дефицитом. Все спрашивают: «Где купил?»

А он шепотом объясняет, что в бухгалтерии сейчас распределяют закупленный чай, но делит его по большому секрету заместитель начальника предприятия по хозяйству и снабжению А. А. Широков. К Широкову выстроилась огромная очередь, но зайти никто не осмеливался: у него сидел ревизор из Москвы. Наконец ревизор вышел и был очень удивлен: он думал, что очередь к нему на прием, но оказалось, что все к Широкову, узнать, — по сколько пачек каждому. Заместитель не мог понять, о чем речь, — ведь он первый раз слышал о чае. Широков спросил, кто же сказал им такую глупость, да еще и в период ревизионной проверки, в ответ все хором закричали: «Заславский». Когда поняли, что это очередная афера, бросились к проходной, но шутника уже след простыл.

Однажды, когда начальник предприятия А.С. Султанов возвращался с шофером В.Ф. Заславским домой из командировки в Ленкорань, они купили по коробке только появившихся мандаринов. На другой день Заславский повез жену начальника Валентину Николаевну Султанову в проектный институт. Она возглавляла в предприятии проектное бюро. Вдруг Султанова увидела на переднем сиденье два крупных мандарина и стала расспрашивать, откуда такие большие плоды. Шофер долго отнекивался, а потом по большому секрету рассказал, что вчера купил коробку вместе с начальником, ее мужем, но он заплатил больше на 1 рубль, Султанов же, якобы пожадничав, купил мелкие, предназначавшиеся в зоопарк обезьянам.

Досталось, конечно, Султанову от жены, а потом и Заславскому от Султанова за выдумку.

Дело в том, что люди быстро забывали про его проделки и вновь попадались впросак.

Однажды Виктор Федорович, положив карандаш за ухо, перекинув полутораметровую клеенчатую мерную с сантиметровыми делениями тесьму через шею и взяв пачку чистой бумаги, пришел в самый большой картографический цех, в котором работали только женщины, вычерчивавшие карты разных масштабов, и сказал, что начальник предприятия А.С. Султанов купил к празднику новый сценический занавес, а старый распорядился раздать сотрудницам на платья. Все обрадовались.

Предстояло обмерить женщин и отрезать каждой причитающийся ей темно-бордовый кусок бархата, а на Кавказе такие платья были очень модны. Много времени пришлось потратить, обмеряя каждую картографиню.

Каждой хотелось длинное платье, а Заславский доказывал, что тогда всем не хватит. Решили, что платья будут на 30 см ниже колен, поэтому он записывал в первую колонку фамилию, во вторую рост — мерил сам, никому не доверяя, от плеча до колен. Затем обмерял грудь, талию, а напоследок бедра. До обеда Виктор Федорович успел снять мерки только в одном цехе — пришлось взять начальника на обед.

На заднее сиденье уселись Султанов и его жена, Валентина сразу же напустилась на мужа: зачем он выставил себя на посмешище, кому нужны короткие платья из бархата, из такого дорогого материала шьют только длинные платья. Султанов не мог понять, о чем шла речь, и объяснил, что никакого нового материала на сцену не покупал, этот приобрели всего два года назад.

Только теперь начальник проектного бюро поняла, что это опять очередные выдумки Заславского.

Валентина, схватив газету, пыталась ударить по черноволосой голове Заславского, но достать его было трудно: он вжался вплотную в баранку «Волги», зная, что ему сейчас попадет. Но как только все кончалось, в голове Заславского зарождались уже новые и новые приколы, которые становились известны коллективу почти каждый день.

О ГЕОДЕЗИСТАХ, УШЕДШИХ В ВЕЧНОСТЬ

В марте 1967 г. в Новосибирске проходило годовое собрание геодезистов Сибири, на которое съехались руководители предприятий, экспедиций и из других регионов страны.

Среди приехавших был и бывалый сибирский геодезист, в прошлом начальник экспедиции, а в последние годы писатель — Григорий Анисимович Федосеев.

Я сфотографировал Г.А. Федосеева с героями его книг у стенда нашей экспедиции. Всего экспонировалось 10 стендов: каждая экспедиция представляла свой стенд, где на уникальных экспедиционных фотографиях была отображена жизнь коллектива за один год.

На второй день я подарил Г.А. Федосееву фотографию с героями его книг, а он написал мне на обороте этой вот фотографии: «Виктору Романовичу Яценко. Счастливого пути в хорошую литературу. 22/III-67. Гр. Федосеев».

Я подготовил Г.А. Федосееву большой пакет с фотографиями, прокомментировал каждую из них.

Бывалый геодезист увел меня в пустой кабинет главного инженера предприятия, долго рассказывал о себе и расспрашивал меня об экспедиционной жизни. Дело в том, что 20 лет назад он, будучи начальником экспедиции, выполнял геодезические работы в Саянах, Тофаларии, а теперь я в этой же должности работал в тех же местах. Тогда выполняли геодезические работы для создания топографической карты масштаба 1:100 000, а теперь для карты масштаба 1:25 000. Связующим звеном между нами был и мой отец Роман Васильевич Яценко, который работал в экспедиции у Григория Анисимовича в Саянах в послевоенные годы. Бывалый геодезист, расспрашивая об отце, вспомнил один интересный случай. В 1947 г. Г.А. Федосеев работал начальником Тувинской экспедиции, которая подчинялась Московскому аэрогеодезическому предприятию. Отец числился мерщиком 3-го разряда, а фактически работал проводником-конюхом. Он долго жил и работал в Туве, изъездил на лошадях все хребты, ручьи, дороги и тропы, а главное, хорошо разбирался в лошадях, знал их привычки, повадки, излечивал болячки, мог в тайге подковать коня, обучить и объездить любую дикую лошадь, арканом выловить в стаде нужного рысака — это все в экспедиционных условиях

способствовало успешному выполнению работ, так как лошади были единственным видом транспорта.

Г.А. Федосеев с героями его книг

А дело случилось на озере Тоджа. Ранним утром навьючили 12 лошадей экспедиционным оборудованием: теодолитами, штативами, спальными мешками, палатками, продуктами и прочим снаряжением, необходимым для четырех месяцев работы в высокогорных районах Саян, начиная от озера Кара-Балык, из которого берет начало река Большой Енисей, и до поселка Гутары в Тофаларии, по другую сторону саянских хребтов. Караван сопровождали 15 человек специалистов — геодезисты, топографы, строители геодезических знаков, радисты, рабочие. Другая подобная группа должна была идти навстречу с работой из г. Минусинска. Каравану предстояло преодолеть путь в 170 км по тайге вдоль реки Азас, а там начинались геодезические работы. На озере остались на одни сутки отец и Г.А. Федосеев. Г.А. Федосеев утром уехал верхом на лошади в село Тоора-Хем, чтобы отправить подготовленную почту в Москву, получить оставшиеся деньги (перевод) на почте для экспедиции, а утром планировалось вдвоем верхом на лошадях налегке отправиться вдогонку за

караваном. Как только настали сумерки, приехал Григорий Анисимович, рассказал, что успешно все выполнил, а главное, получил деньги, которых ждали целую неделю. Кожаный рюкзак с деньгами начальник экспедиции положил в палатку под спальный мешок, а отец в это время расседлал лошадь, спутал ее, подвесив на шею ботало, чтобы слышно было, где она пасется. Послышавшийся шорох насторожил отца — боковым зрением он увидел, как из палатки, установленной в шести метрах от костра, вылезал человек. Рюкзак с деньгами был у него за спиной, а в руках наизготове он держал винтовку Г.А. Федосеева. Григорий Анисимович стоял в нескольких метрах с другой стороны костра, вытаскивая из полевой сумки, которая висела на лиственнице, дневник. Обычно он садился у костра и вел дневниковые записи. В это время он был молчалив, задумчив. Вот и сейчас он сосредоточенно готовился к вечерней работе, а отец варил уху из хариусов. Стояла абсолютная тишина, собаки тоже умчались с караваном, только слышно было, как лошади пощипывали сочную весеннюю травку. «Руки вверх», — взревел пришелец, целясь в Г.А. Федосеева, в то время как отец руками влез в костер. Это оказался рабочий их же экспедиции по кличке Цыган с черно-смолянистой бородой. У отца с Цыганом в течение месяца несколько раз возникали конфликтные ситуации из-за лошадей. Несколько необъезженных лошадей монгольской породы заполучили в колхозе. У отца был свой отработанный метод обучения: он треножил лошадь, т.е. три ноги были повязаны, лежащую лошадь завьючивали тремя мешками овса, а затем лошадь на длинном поводке, поднимаясь, начинала прыгать, вставать на дыбы, переворачиваться, но крепко закрепленный груз был очень тяжелым и за полдня вспотевшая, взмыленная лошадь покорялась и спокойно могла шествовать в поводу за человеком. Обычно в эти моменты появлялся Цыган и бичом намеревался избивать лошадь, доказывая, что прыть нужно изгонять кнутом. Поэтому отношения у отца с Цыганом были очень натянутыми. Отец знал, что Цыган пришел в экспедицию работать, не имея документов, и уговорил начальника экспедиции взять его, объяснив, что ранее работал на приисках Кагжырба, но прииски закрылись и он, возвращаясь в Кызыл, на переправе какой-то реки попал в беду, плот перевернуло и документы все утонули.

Целясь в Г.А. Федосеева, бандюга приблизился к костру, пинком заставил встать отца, скомандовав быстро заседлать ему Пушкаря — лучшую лошадь, на которой ездил начальник экспедиции. Отец резко бросил разъяренному Цыгану в глаза золу, одновременно ударив по винтовке. Винтовка выстрелила. Подскочивший начальник экспедиции выхватил винтовку, в схватке прогремел еще один выстрел, но все окончилось удачно — Цыгана связали. Отец съездил на лошади в Азас за

милиционером. Связанный Цыган признался Григорию Анисимовичу, что, как только он узнал о поездке начальника за деньгами, сразу же решил завладеть ими. Отстал от каравана, пришел к палатке, подготовил засаду за деревьями, пока отец работал, потом Цыган хотел застрелить Г.А. Федосеева и заставить отца утащить труп к озеру и утопить, а в этот момент застрелить и отца, сбросив в озеро Тоджа. Но смекалка отца спасла обоих первопроходцев. Связанного Цыгана милиционеры увезли на телеге в милицию. Оказалось, Цыган давно находился в розыске. До войны он действительно работал на приисках, а в 1941 г. его отправили на войну, но он дезертировал и с 1943 г. занимался бандитизмом, наводя страх по всей Туве. На одном из заброшенных приисков, как рассказывали местные жители, жила семья Цыгана, жена и три сына. Некоторые разбои Цыган совершал вместе со старшим сыном. Так закончился этот день. Ужинать пришлось уже за полночь. У отца сильно болела рука: Цыган в какой-то момент зубами вцепился в нее, прокусив выше локтя. Григорий Анисимович обработал рану, остановил кровь и забинтовал руку.

Начальник экспедиции достал свою фляжку со спиртом, налил его в алюминиевые кружки и поднял их за то, что остались в живых. Потом отец сказал, что сегодня (3 июня) день рождения сына, и тогда Григорий Анисимович поднял кружку за то, чтобы тот стал геодезистом. Впоследствии так и случилось, поэтому Г.А. Федосеев очень внимательно ко мне относился и говорил, что «тебе было 12 лет, а мы с твоим отцом, работая в сложных экспедиционных условиях, поднимали тост, чтобы ты стал первопроходцем».

При последней встрече с Г.А. Федосеевым я показал ему свои рассказы про экспедиционную жизнь, опубликованные в красноярском альманахе «Енисей» и в разных сибирских газетах. Вот тогда Григорий Анисимович дал мне наказ, чтобы я собирал сведения и писал дневник о всех геодезистах, топографах, ушедших в вечность, создавая топографическую карту. Тогда он заверил меня, что придут времена, когда можно будет опубликовать фамилии всех тех, кто трагически погиб, работая в труднейших условиях. В то время в отрасли работало почти 50 тысяч человек; 120 экспедиций численностью 150—300 человек каждая, используя разные виды транспорта, а зачастую пешком небольшими бригадами работали по всей стране. Труднее всего продвигались работы в тайге, болотах, Заполярье — там больше всего и гибло каждый год людей. Но в средствах массовой информации об этом говорить и писать тогда запрещалось. Я дал клятву, что займусь этой работой.

За 30 лет в мои записи внесено более 500 фамилий работников, ушедших в вечность, которые участвовали в наших экспедициях, многие

погибли трагически, именами некоторых названы реки, ручьи, урочища.

Так, в 1987 г. в Забайкалье погибла бригада в составе восьми человек: Валерий Шабанов, Иван Дрягин, Сергей Грига, Анатолий Макаров, Владимир Пешков, Валерий Просгакишин, Виктор Субботин, Борис Толстихин, внезапно застигнутая верховым лесным пожаром. На расследование этого группового несчастного случая выезжал мой первый заместитель начальника Главного управления геодезии и картографии при Совете Министров СССР А.А. Дразнюк.

Гора, на которой произошли эти события, получила название Геодезическая.

Ждановых

Это геодезический знак

Спустя 10 лет после последней встречи с Г.А. Федосеевым судьба забросила меня на многие годы работать в Тюменский регион, там требовались срочные топографические карты для поиска нефти и газа. Я работал здесь уже в должности начальника предприятия, а затем генерального директора аэрогеодезического объединения.

В первый рекогносцировочный облет мы полетели на вертолете с начальником экспедиции Анатолием Алексеевичем Шляховым. Это был молодой высокий стройный преуспевающий руководитель.

Его партии, бригады работали по всей Тюменской области, он вместе с первооткрывателем нефти Фарманом Курбановичем Салмановым выбирал место для бурения первой скважины на озере Самотлор. Вдруг Шляхов вскочил, обращаясь к командиру вертолета, показывая на густо залесенную гору, на вершине которой возвышался пункт триангуляции.

«Это геодезический знак Ждановых, и гора названа именем погибших здесь инженеров Ждановых».

А строили этот пункт триангуляции начальник партии Александр Токмаков и строитель Михаил Гарипович Шакиров — самые опытные и заслуженные специалисты экспедиции.

Я вспомнил о трагедии Ждановых, она упоминалась у меня и в дневниковых записях, но теперь я узнал все подробности. 23 мая бригаду из трех человек вертолетом высадили вблизи этого пункта триангуляции. Бригаду возглавил инженер Геннадий Александрович Жданов.

Начальник партии Александр Токмаков

После окончания Новосибирского геодезического института он три года провел в этих таежных местах; жена его Людмила Жданова, год назад закончившая тот же институт, работала помощником; рабочий Марс Юсупов был в бригаде первый год.

Согласно действующему во всех экспедициях закону, бригады каждый день в определенное время обязательно выходили на радиосвязь, но вечером и утром Жданов в эфир не вышел. Начальник партии Кутепов, полетев в соседнюю бригаду, повез новую радиостанцию для Жданова.

При подлете к лагерю Кутепов увидел посреди лагеря огромного медведя, вскакивавшего на задние лапы с разъяренной открытой пастью, поваленную палатку и разбросанные на поляне вещи и снаряжение. Попытка отогнать медведя вертолетом не удалась. Тогда было принято решение лететь на базу партии в поселок Сосновый Бор за оружием. В поселке взяли несколько охотников с собаками, руководителей бригад с карабинами.

Строитель

Михаил Гарипович Шакиров

На базе партии находился главный инженер экспедиции Иван Михайлович Карпенко, имевший пистолет ТТ, и все быстро на вертолете отправились в лагерь Жданова. В вертолете сняли дверь, укрепились с ружьями и карабинами у дверного проема, приготовясь к атаке на медведя, но бурый гигант переместился за это время в сторону болота. Здесь его и настигли. Вертолет завис, в это время открыли пальбу из всех имевшихся стволов и медведя застрелили.

Все с собаками ринулись в лагерь. Собаки всех опередили и, достигнув лагеря, подняли протяжный вой — среди безмолвной таежной глухомани становилось страшно.

Разорванная шестиместная палатка валялась в стороне. Под геодезическим знаком был установлен теодолит, т.е. не поднят вверх. Затем обнаружили труп Геннадия Жданова, местами обглоданный, засыпанный сучьями деревьев и мхом, а рядом лежало ружье — его двухстволка, с патронами в стволах, переломанная, не успевшая даже выстрелить. Потом нашли изуродованный труп Людмилы, заброшенный кустарником, мхом и ветками, а ближе к болоту полузакопанный труп Юсупова и недалеко от него их загрызенную собаку.

Медведь-людоед — это редкость. Как рассказывали бывалые охотники, обычно они становятся людоедами в двух случаях.

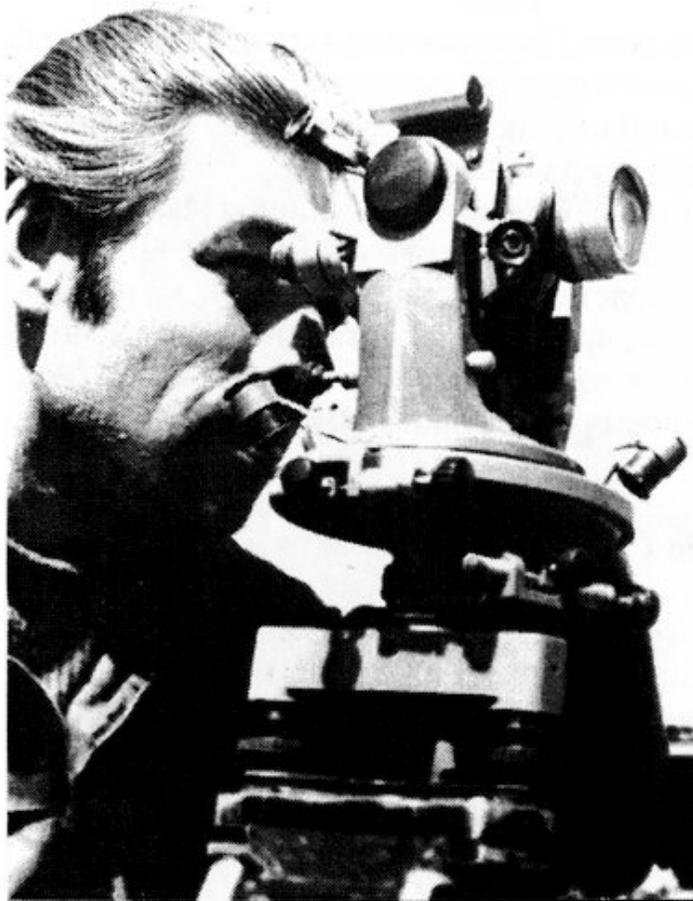
Или убили у нее медвежат — ее детей, а это была медведица, или она была когда-то ранена человеком. Медведица оказалась на редкость ожесточенной, так как напала на лагерь ночью, на спавших людей.

Очевидно, первой была уничтожена собака, все остальные, услышав разъяренный визг, рев, вылезли из спальных мешков — спали все в одной палатке. Палатка оказалась сорванной, выпутавшись из палатки, Жданов успел схватить ружье, но не смог выстрелить — очевидно, темнота, неожиданность и молниеносность медведицы сделали свое коварное дело. Больше всего изъедена была Людмила.

Медведицу облили бензином, обложили дровами и сожгли.

Много у нас бывало случаев нападений медведей на работников наших экспедиций, иногда и со смертельным исходом, но такого жестокого случая никогда ранее не было.

Я действительно решил побывать, на этом месте, сфотографировал геодезический знак с названием «пункт триангуляции Ждановых» и рассказал Шляхову о том, что знал Жданова, так как в 1970 г. Геннадий был у меня на производственной практике в г. Минусинске. И так случилось, что мне пришлось близко с ним познакомиться. Геннадий вырос в большой семье в поселке Усть-Катунь на Алтае, шесть братьев и одна сестра, все уже взрослые. У меня сохранилась фотография, на которой я сфотографировал Геннадия Жданова крупным планом у теодолита.

Геннадий Жданов крупным планом у теодолита

На производственную практику Геннадий приехал в конце мая, все бригады, партии, отряды уже были на объектах, поэтому пришлось его бригаду формировать дополнительно. Геодезист Валерьян Мартыпченко согласился поехать помощником к Геннадию, но при условии, что возьмут и его жену Марию, которая будет в бригаде рабочих. Выбора не было, поэтому отправили их на вертолете на наблюдение пунктов триангуляции в Саяны в составе трех человек, обеспечив радиостанцией и всем необходимым экспедиционным снаряжением. Бригада работала, подчиняясь непосредственно экспедиции, так как объем работ в этом отдаленном регионе оставался небольшим, но условия были очень сложными.

Переходить от одного знака на другой можно было только пешком. Вершины гор были покрыты снегом и вечными ледниками. В октябре Геннадий сообщил, что закончил наблюдения и будет спускаться с вершины на перевал; через неделю он просил направить за ним вертолет в поселок Верхние Гутары.

Через два дня Жданов вдруг срочно запросил вертолет. Я приехал в Абакан и на вертолете вылетел в Тофаларию, но погодные условия позволили нам долететь только до села Каратузское, где пришлось ждать летной погоды. На аэродроме в поселке Верхние Гутары мы ждали Геннадия Жданова два дня. Вместе с ним на аэродром пришел странно подстриженный мальчик. «Это Кеша Саганов, который спас нас и вывел в поселок», — сказал Геннадий. Жданов поведал нам о случившемся. Закончив геодезические измерения на пике Грандиозном, высота которого почти 3000 м над уровнем моря, стали налегке спускаться к лесу, так как продукты закончились. Неожиданно подул сильный ветер и пошел густой снег. За два часа спустились до леса, дальше идти было невозможно. Перевал занесло снежным метровым сугробом, выход был один: обойти перевал по тайге, но на это потребуется три дня. Спустились к истокам реки Казыр, пересекли ручей и направились строго на север. Впереди шел Валерьян, он был самый крепкий и имел большой опыт таежной жизни в экспедиционных условиях. На спине у геодезиста был рюкзак и два спальных мешка, вторым шел Геннадий с инструментом на спине и спальным мешком и след в след по придавленному снегу шла Мария. У нее была своя ноша: она оказалась на седьмом месяце беременности. В мае, когда они начали полевой сезон, Мария об этом не подозревала, хотя оказывается у нее все же появлялись сомнения.

Это

Кеша Саганов, который спас нас и вывел в поселок

Вечером подобрали очень удобное место для ночлега. Когда-то давно буреломным ветром свалило кедр в два обхвата толщиной, вывернув корневище с землей. Образовалась прекрасная зонтообразная хижина, в которой даже не было снега, вместо него днище было уложено толстым слоем веток и мха. Валерьян осмотрел все опытным взглядом, определил, что здесь не раз уже ночевали охотники и мы тоже уместимся. Разожгли костер, вскипятили чаю, сварили из оставшейся полкружки рисовой крупы кашу для Марии. Днем собрали немного шиповника — это была основная пища для мужчин на ужин.

Валерьян был самый старший по возрасту. Ему было 37 лет, из-за жены он больше всех был озабочен и вообще задумывался, смогут ли они выбраться из этой непредвиденной снежной лавины. Радиосвязь прекратилась, на горах радиостанция хорошо работала, была бесперебойная связь, а внизу, в тайге, стало «глухо» — так выражаются радисты. Уложив Марию, награв предварительно ей спальный мешок у костра, мужчины долго сидели, обсуждая разные варианты выхода из создавшейся ситуации. До поселка по новому пути нужно было идти пять дней, а по старому три дня, но тот путь закрыт снежным завалом. Мария громким плачем и криком прервала их беседу — начались роды.

Геннадий кипятил в чайнике воду, растапливая снег, а Валерьян помогал жене, он хоть немного, но соображал, что нужно делать. Огромнейший костер освещал хижину. Геннадий в свои 22 года в этих делах совсем ничего не понимал. Его задача — поддерживать костер и греть воду, но больше всего мучила мысль: разве можно родить в семь месяцев? В полночь закричал ребенок, через некоторое время стало тихо, перестал идти снег, успокоился ветер, но мороз усиливался. Геннадий так и просидел всю ночь у костра, а утром, на рассвете, когда сон стал одолевать студента, вдруг послышался лай собаки. Вначале он подумал, что это сон, но и Валерьян выскочил из хижины, недоумевая, откуда здесь собаки. Неожиданно над костром пролетела огромная птица, а из-за деревьев с разъяренным лаем выскочила взъерошенная белая собака, за ней тофалар с ружьем в руках, готовый выстрелить. Мальчик что-то вымолвил, и мохнатый филин уселся ему на плечо, а собака улеглась у ног.

Преданная собака Учум

Кеше было 13 лет. Он охотник из поселка Верхние Гутары. В семье он старший, у него четверо братьев и сестер, мать, а отца два года назад задрал медведь. Кеша сказал, что геодезисты выбрали самое плохое место для ночлега — это медвежья берлога, именно здесь погиб его отец. У Кешы имеется преданная собака Учум и дрессированная сова по имени Соня, ее он нашел в тайге три года назад маленьким птенцом и научил хорошему ремеслу — отлавливать белок. Вот и сегодня утром уже шесть белок принесла Кеше Соня. Вцепится когтями, долбанет крючковатым клювом — и бросает белку охотнику под ноги. Активно охотится Соня утром и вечером, а днем в основном спит. Юному охотнику рассказали, что случилось в бригаде и как они сюда попали.

Дрессированная сова по имени Соня

На аэродроме Кеша показал, как хореем он управляет оленями

Кеша оказывается знал, что их ждет в Гутарах вертолет, поэтому он, быстро отвязав от пояса белок, молниеносно их ободрал и бросил в

кастрюлю, скомандовав, «срочно варите, завтракаем, а я пошел за оленями» (у него было два верховых оленя), которые паслись недалеко на ягеле. Кеша рассказал, что у него есть короткая собственная тропа в деревню и что завтра он отведет бригаду к вертолету.

На более крупного оленя посадили верхом Марию с укутанным и привязанным ребенком, на второго завьючили весь груз — и караван отправился по тропе в деревню.

Вот таким образом Кеша спас геодезистов, выведя их в деревню по своей охотничьей тропе. На аэродроме Кеша показал, как хореом он управляет оленями.

Здесь, в Гутарах, нас ждали несколько наших бригад; закончив полевой сезон, они готовились к зимним камеральным работам.

Мне удалось сфотографировать их: одни проводили последние беседы, прощаясь на зимний период; другие по карте сверяли пройденные маршруты; третьи заканчивали нивелирные измерения; проводники с оленями уходили на зимовку; рабочий Саша Квашнин угощал свою лошадь конфетами; дешифровщики на скалах прощались с летним сезоном; топограф Иван Кунтиков, как всегда, был с нивелиром; а заядлые наши охотники и рыбаки возвратились с озера с трофеями.

Мы продолжали рекогносцировочный полет.

Облетев базы партий в поселках Ларьяк и Толька, мы решили заночевать у начальника партии Валентина Вильгельмовича Яхмана. На базе партии имелось общежитие, гостиница, баня и другие помещения, хорошо приспособленные для работы и отдыха геодезистов и топографов, которые трудятся в тяжелейших условиях, а на базу партии выходят только для сдачи месячного отчета и для камеральной обработки полевых материалов. После бани, за ужином начальник партии поднял тост: «За человека с того света, за начальника экспедиции Шляхова Анатолия Алексеевича». Шляхов выпил, вышел из-за стола и пошел на улицу.

Последние беседы

По карте сверяли маршруты

Заканчивали нивелирные измерения

Проводники с оленями уходили на зимовку

Саша Квашин угостил свою лошадь конфетами

Дешифровщики на скалах прощались с летним сезоном

Топограф Иван Кунтиков с нивелиром

рыбаки возвратились с трофеями

Охотники и

Оказывается, год назад Шляхов летел на вертолете на эту базу партии. До партии оставалось 10 км, уже показались строения поселка.

На панели вертолета ярко мигала лампочка, сигнализируя, что горючее заканчивается. Лететь оставалось чуть-чуть: были видны крыши домов, вертолет мчался вдоль ручья над самыми вершинами деревьев. Густые ели, сцепившись кронами, скрывали безымянную речушку, в которой в ненастные дни летчики ловили хариус. За три минуты до базы вертолет вдруг резко вздрогнул и рухнул в зеленый океан, разрубая лопастями деревья на кусочки, ломая гигантские стволы.

Вертолет был загружен экспедиционным оборудованием: теодолитами, нивелирами, рейками, спальными мешками, палатками, продуктами. Через

несколько часов к месту аварии добрались люди с базы партии, увидевшие падение вертолета.

Весь экипаж вертолета и летевшая бригада топографов погибли. Среди трупов погибших, обломков вертолета и снаряжения обнаружили Шляхова, еще подававшего признаки жизни.

В дальнейшем в госпитале врачи насчитали у Шляхова 19 переломов. Целый год восстанавливали и лечили начальника экспедиции. Благодаря огромной силе воли, спортивной закалке, оптимизму, Анатолий Алексеевич вновь встал в строй как руководитель экспедиции — и даже уже без костылей. Оказывается, сегодняшний полет на вертолете был первым после катастрофы, случившейся год назад. На аэродроме Шляхов долго прохаживался вокруг вертолета, задерживая наш вылет. Оказывается он заставлял себя зайти в вертолет, а когда вошел в него, был бледен и покрылся капельками пота.

Утром мы полетели на самую северную базу партии, которая находилась в Тазовской губе, в поселке Антипаюта. Тундра в этих местах раскинулась на сотни километров. Лето очень короткое, с Ледовитого океана постоянно дуют холодные пронзительные ветры. Только дикие олени летом чувствуют себя здесь хорошо, спасаясь от комариного гнуса, унесенного полярными ветрами на юг.

Страшнейшая трагедия произошла здесь, в этой партии.

Нивелирную бригаду возглавлял техник Евгений Семенович Баранский, в составе бригады было шесть человек, транспорт — вездеход-автотранспортер ГАЗ-47. Бригада хорошо работала весь полевой сезон. Парни крепкие, здоровые. Все шло по графику. Наступило 25 августа, т.е. дни месячного отчета, поэтому решили выехать на базу партии в поселок Антипаюта, сдать месячный отчет, закупить продукты на месяц и продолжить свою работу — нивелирование III класса по утвержденным маршрутам.

25 августа в 12 ч, закончив измерительные работы бригада решила на вездеходе переплыть речку Садыяха, ширина которой 20 м, и по противоположному берегу отправиться на базу партии. Предстояло проехать 73 км по тундре на вездеходе, рассчитывали успеть на ужин в столовую, тем более, что на той стороне реки была наезженная вездеходная дорога.

Доплыв до противоположного берега, автотранспортер не смог подняться на крутой берег, водитель дал задний ход и начал маневрировать, в один из моментов машина накренилась, зачерпнула воду, мотор заглох — и в 5 м от берега вместе с людьми вездеход пошел ко дну, погрузившись в воду. Глубина в этом месте была 3 м. Всем удалось выбраться из-под воды и перебросить на берег снаряжение и оборудование: инструменты, рейки,

штативы, полушубки, телогрейки, плащи, надувные резиновые матрацы, банки с сухим молоком, консервы, радиостанцию «Недра» и т.д. Посоветовавшись, какие меры предпринять, приняли решение идти пешком до базы партии. Спички сырые, костер разжечь было невозможно, одежда промокшая. Пошли и с собой ничего не взяли, одеты были в хлопчатобумажные легкие экспедиционные костюмы, а предстояло преодолеть 73 км по тундре. Мокрые, озябшие, шли форсированным маршем, до темноты, одолели 35 км и заночевали, прижавшись друг к другу. Было холодно, дул сильный пронзительный северный ветер, температура воздуха 0° С. Продуктов с собой никаких не взяли, так как груз нести в быстром маршрутном темпе было очень трудно. Рано утром двинулись в путь, через 8 км не смог дальше идти рабочий Александр Шакин — стер ноги до крови. И он был оставлен в тундре один. Оставшись наедине с пустынной тундрой, Саша пытался передвигаться на коленях, но силы иссякли. Еще через 11 км водитель Юрий Карпов тоже не смог идти, остался в тундре один, наказывая, чтобы быстрее шли в поселок, до которого оставалось 19 км, и приехали за ним, рассчитывая, что к ужину его вывезут на базу партии. Юрий имел уже солидный стаж опыта работы в тундре, да и по возрасту он был самый старший в бригаде — ему было 32 года. Через 1 км помощник бригадира Петр Зубарев тоже не смог больше передвигаться и остался один. Пройдя еще 6 км, Евгений Баранский — бригадир и Алевтин Коротков — курсант не смогли идти и остались, наказывая Валерию Анисимову, чтобы он поторопился и приехал за ними. Оставалось чуть более 10 км. Валера был самый молодой — ему было 23 года. Спортивный крепкий парень, он занимался многими видами спорта, имел большие достижения в многоборье, но и оц прошел еще только 2 км и дальше идти не смог — это было 26 августа.

Поздно вечером 30 августа топограф Олег Мальцев проезжал на вездеходе ГАЗ-47, торопясь с отчетом на базу партии, и случайно обнаружил совсем ослабшего, лежащего, с трудом подающего сигналы помощника бригадира Петра Зубарева. Руки и ноги у Петра оказались обмороженными. Быстро доставив Зубарева в село, начальник партии вертолетом увез его в госпиталь в Салехард. Начальник партии Е.М. Даненков полетел на вертолете искать остальных членов нивелирной бригады.

31 августа был найден рабочий Александр Шакин с обмороженными руками и ногами, только на следующий день, т.е. 1 сентября, нашли Юрия Карпова и Валерия Анисимова мертвыми и только 3 сентября удалось отыскать среди осенней сыровато-зеленой тундры два замерзших трупа — Баранского и Короткова.

Космонавт В.П. Савиных, ректор Московского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии

Несколькими годами позже мне пришлось работать в Африке, в Республике Ангола, выполнять картографо-геодезические работы. Почти 4 года мы совместно с ангольскими специалистами, которые заканчивали у нас в Москве Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, возглавляемый космонавтом В.П. Савиных, создали топографическую карту на всю эту африканскую страну. В Министерстве обороны Анголы имеется паспортный формуляр, в котором золотыми буквами записано, что в создании топографической карты Анголы принимали участие советские геодезисты и картографы: Н.В. Баталин, А.В. Бородко, Ш.Б. Кутушев, В.А. Пискулин, М.М. Хемий, В.Н. Шаламов и т.д., в списке более 100 фамилий.

И здесь, в далекой африканской стране, тоже есть фамилии геодезистов, которые ушли в вечность, создавая топографическую карту на территорию Анголы.

Трагически погибли в 1981 г. начальник партии Николай Яковлевич Данилов, инженер Владимир Николаевич Коротков. Комиссию по расследованию возглавлял первый заместитель начальника Главного управления геодезии и картографии Л.А. Кашин. Место их гибели местные жители называли Русская гора.

Мои экспедиционные заметки изобилуют трагическими случаями и подсознательно подсказывают, что нужно издать биографический справочник, посвященный тем геодезистам, которые погибли, создавая топографические карты на территорию нашего государства.

МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ

В тундре, на высоком восточном берегу озера Тембенчи, возвышается памятник погибшим геодезистам, на котором выгравировано: «Здесь, на озере Тембенчи, в 1969 году, создавая топографическую карту, трагически погибли: Токарев В.Г., Переверзев Б.М., Самофалов Л.Ф., Черников В.Г.».

А было это так. 2 августа 1969 года я получил тревожную радиogramму, в которой сообщалось, что в ночь с 31 июля на 1 августа на озере Тембенчи утонули четыре человека. Радиogramму подписал оставшийся в живых начальник партии Григорий Петрович Гулевский.

Всего неделю назад я уехал из этой партии. Два дня добирался: сначала гидросамолетом с озера Тембенчи до Игарки, потом на самолете Ли-2 до Красноярска (с тремя посадками — в Туруханске, Подкаменной Тунгуске и Енисейске), затем до Абакана на самолете Ан-24 и наконец на машине до Минусинска, где находилась центральная база экспедиции. И вот снова лечу уже в составе комиссии по расследованию несчастного случая^[1].

Происшедшее не укладывается в голове. Труднее всего поверить в смерть В.Г. Токарева. Еще недавно он долго не мог приступить к работе, потому что по всем складам искали сапоги 48-го размера, в конце концов, их прислали из Барнаула. Из-за роста — 2 м 2 см — великана в шутку называли «дважды два». Сила у него была богатырская. Если у всех остальных членов экспедиции рюкзаки весили по 25 кг, то у Токарева — 35, плюс полевая сумка с документами, бинокль, карабин и радиостанция «Недра». И это все надо было носить изо дня в день по нехоженной тайге, под палящим солнцем и проливными дождями...

Работники аэропорта уже знали о нашей трагедии, они специально вызвали из Норильска командира звена вертолетов Владимира Ивановича Новикова. Володя — не только мой давний друг, но и единственный в Заполярье летчик, имевший разрешение на ночные полеты. Он много раз бывал на Тембенчи и хорошо изучил этот регион. Члены экспедиции, которых он вывозил с озера, рассказывали про страшное чудовище, живущее в воде. Все называли неведомого зверя по-разному: жабровый мамонт, северная акула, морской кит, царь-рыба.

О том что в озере водится большая рыба, знали все. Говорили, что здесь однажды поймали тайменя весом 70 кг. Я сам был свидетелем, как наш радист Михаил Гигиняк вытащил из воды 40-килограммового тайменя, и, конечно, запечатлел на фотопленке удачный улов. Но небылицы ходили явно не про этих рыб.

Володя Новиков рассказал, что однажды пролетал над озером и заметил что-то необычное. Когда подлетел ближе, увидел непонятно откуда взявшиеся пенящиеся столбы воды.

Итак, мы прилетели на зловещее озеро. Место это находится далеко от населенных пунктов — до Игарки 400 км, до Норильска 500 км, а ближе никаких селений нет. Нас встретил начальник партии Григорий Петрович Гулевский. Вот что он нам поведал.

31 июля был обычный рабочий день. Пасмурная погода не могла изменить запланированных маршрутов геодезических бригад, так как все работали пешком (прикрепленный к партии вертолет улетел на неделю в Игарку для проверки технического состояния).

Наш радист Михаил Гигиняк вытащил из воды 40-килограммового тайменя

Ночью, точнее, в 4 часа утра^[2] на базу партии вышла из тундры бригада из четырех человек, возглавлявшаяся топографом Анатолием Ипатовым. На базе партии есть добротная просторная деревянная баня, и все бригады периодически устраивают банные дни — моются, стирают. В тот же день, в шесть часов вечера, начальник партии Г.П. Гулевский увез на моторной лодке бригаду А. Ипатова на противоположный берег озера для дальнейшей работы. Ширина озера Тембенчи 2 км, длина — 50 км.

В 19.00 все шесть бригад вышли на радиосвязь^[3], доложив поочередно свое местонахождение и состояние работ за прошедший день. Виктор Токарев сообщил, что его бригада закончила работы, запланированные на эту декаду, и спустилась с гор к озеру Тембенчи. Он попросил приехать на моторной лодке и вывезти бригаду на базу партии для проведения банного дня. Гулевский стал уговаривать Токарева заночевать на берегу. Но тот сказал, что бригада спешила отстроить последнюю пирамиду под сильным дождем и теперь они так промокли и устали, что нет сил возвращаться к месту прежней ночевки, где остались спальные мешки.

Темно-свинцовые тучи мрачно ползли над озером, цепляясь за вершины гор. Дождевая пыльца орошала лиственницы, сгрудившиеся неширокой мантией вокруг озера, по ущельям рек и ручьев. Выше, в горах, обычно так свирепствовал ветер, что тут приживались лишь карликовые деревья. Каменистые склоны поросли ягелем.

Очень не хотелось начальнику партии ехать за бригадой в такую ненастную погоду, тем более что днем мотор работал с перебоями. Но что поделаешь? Гулевский к тому времени более 10 лет проработал в экспедиционных условиях и хорошо представлял, каково сейчас промокшим коллегам. Токарева он очень уважал не только за богатырский рост и силу, но и за характер — спокойный, сдержанный. Такие люди не повышают голос — одной фразы, сказанной негромко, обычно бывает достаточно.

Вспомнился прошлогодний случай. Токарев принял на работу четырех рабочих, которые, отсидев по 7—10 лет в тюрьме, решили заработать за сезон денег и уехать домой. После первой недели работы устроили банный день на базе партии. Виктор целый день «камеральничал» — техник обычно в эти дни успевает выполнить все чертежные и вычислительные работы, накопившиеся за неделю. Поздно вечером, проходя мимо палатки своих работников, услышал хмельные голоса. В голове мелькнуло: «Откуда у них спиртное? Ведь за 400 км нет ни одного магазина или ларька?» Зашел в палатку и увидел такую картину: пьяные парни сидят вокруг стола, в который воткнуты ножи, и держат массивные алюминиевые экспедиционные кружки, наполненные белой жидкостью, рядом стоит фляга с остатками этой бурды. «Начальник, давай с нами, обмоем нашу первую работу». Виктор рывком опрокинул флягу. Один из уголовников молниеносно бросился на него с ножом, но бригадир успел схватить нападавшего за руку, да так, что хрустнули кости, нож выпал из пальцев. От боли взвыл и второй нападавший, которому одновременно Виктор успел отдавить ногу. Бригадир повернулся и пошел, у выхода из палатки приостановился и спокойно произнес: «Завтра в 6 часов утра выходим в маршрут». После этого бригада все лето работала, выполняя нормы по 300

% каждый месяц. Как потом выяснилось, придя из первого маршрута, рабочие выписали на складе сухих дрожжей и сахара и сделали бражку. После полученного «урока» о выпивке все позабыли, не обмыли даже окончание полевого сезона, за который неплохо заработали. Костя больше месяца ходил с перевязанной рукой. Вместо гипса использовали глину и две логарифмические линейки.

Столкнув лодку с берега, Петрович, так его звали в партии, дернул заводной шнур. «Вихрь» взревел, и лодка направилась вверх по течению. В озеро впадает много ручьев и ручейков, в основном в северной его части, а в южной — из озера вытекает река, поэтому небольшое течение здесь есть. На берегу озера показались всполохи костра, Гулевский резко повернул на огонек и причалил к берегу. Токарев уселся последним, оттолкнув лодку от берега. Начальник партии дважды напомнил о спасательных жилетах. «Да, сейчас отплывем и наденем», — отмахивались рабочие.

От берега отплыли в 22 часа. Над озером сгущались сумерки, дул пронзительный, холодный ветер. Съежившись в набухшей от дождя одежде, первопроходцы мечтали быстрее добраться до теплой сухой постели на базе партии. Проплыли минут 20. Вдруг Гулевский, управлявший лодкой, почувствовал мощный удар в нижнюю часть мотора. Лодка резко развернулась вправо. Петрович, сбросив газ, стал разворачиваться, но еще один сильный удар перевернул лодку вверх дном. Мигом все оказались в ледяной воде, вынырнули и ухватились за лодку, носовая часть ее находилась над водой. Берег был в 200—300 метрах. «Это морской дьявол, — пробурчал Петрович. — По дороге сюда он меня дважды пытался перевернуть».

Попытались перевернуть лодку, но не получилось. Решили плыть к берегу и тащить за собой лодку. Болотные сапоги, теплая одежда намокли и тянули ко дну. Первым отказался плыть Переверзев — судорогой свело ноги в ледяной воде, его общими усилиями положили на выступающий нос перевернутой лодки и продолжали грести к берегу. Выбился из сил и стал замерзать, погружаясь в воду, Самофалов. Потом утонул Черников. Лодка медленно погружалась в воду. Токарев обнаружил полузатопленный бензобак емкостью 20 литров, оторвал шланг, вылил бензин и попытался на нем поплыть к берегу, но, передумав, отдал бак Булевскому с просьбой быстрее добраться до базы партии и пригнать сюда другую лодку. Гулевский привязал ремнем от брюк бензобак к груди и поплыл к берегу. Выплыв на берег, Петрович отправился на базу партии, пройти нужно было по лесу около 10 км. В 5 часов утра он дошел, поднял всех и отправил спасателей к месту происшествия. На берегу стоял бензобак, вдали плавали жилеты... Глубина озера в этом месте 50 м.

Из объяснительной записки Булевского: «Токарев сказал: “Петрович, плыви ты на бачке, хоть ты один, может, выплывешь на берег и пригонишь нам лодку”. На берегу кое-как снял бачок, руки-ноги свело. Ребята просили, чтобы я снова направил им бачок или сделал плот из бревен и направил к ним, но я не мог. Они кричали: “Беги тогда на базу партии скорее” — и я пошел. Сам мокрый, ноги не слушались...».

Вечером наша комиссия сидела у костра. Вдруг собаки бросились с лаем в лес. Мы насторожились, но лай смолк, из-за деревьев показался верхом на олене наш старый знакомый эвенк Никанор Никоноров — это единственный во всей округе абориген, который приезжает за сотни километров на летний период и работает в экспедициях. Два года назад он все лето проработал у нас в партии, а сейчас был проводником в экспедиции у биологов. Он очень опытный таежник и прекрасно знает весь Эвенкийский регион. Никанор любил приезжать к нам в гости, зная, что геодезисты всегда хорошо угостят и дадут с собой и продукты, и одежду.

Узнав о трагедии, наш друг сказал: «Это морской дьявол». Он был убежден, что чудовище приплыло в озеро из океана. Ведь вытекающая из озера река Тембенчи впадает в Нижнюю Тунгуску, та — в Енисей, а Енисей — в Карское море, Ледовитый океан. Никанор рассказал, что даже как-то стрелял в морского дьявола. Прошлым летом он ехал по звериной тропе вдоль озера и заметил, как из воды поднимается серая хребтина. Собака с лаем бросилась в воду и поплыла к морскому дьяволу. Никанор успел рассмотреть, что спина у чудовища величиной с перевернутую вверх дном лодку-долбленку и покрыта шерстью мышинного цвета. Охотник выстрелил в хребтину из своей старенькой двустволки, а стрелок он отменный, и чудовище стало погружаться в воду, образуя пенистые круговороты. Из воды показалось что-то похожее на ласты, которые утащили с собой собаку. Долго Никанор всматривался в воду, но собака исчезла навсегда. Вспомнив про потерю любимого пса, наш друг загрустил.

*Из-за деревьев показался
верхом на олене наш старый знакомый эвенк Никанор Никоноров*

Версия про морское чудовище явно не устраивала прокурора, он предложил нам обследовать место происшествия на вертолете и побывать в соседних партиях и бригадах. Сначала мы попали к начальнику партии Борису Борисовичу Сахарову, застали его за рекогносцировкой нового объекта. Сахаров рассказал, что давно работает с Булевским по соседству, иногда встречаются. К его недостаткам можно отнести неразговорчивость, угрюмость, некомпанейский он человек, но враждебности в отношении к работникам никогда не было, да и в поле Петрович трудится более 10 лет.

На перевале мы заметили нивелирную бригаду Николая Григорьевича Калабина. Это первоклассный нивелировщик, лучший в экспедиции, и человек очень спокойный, уравновешенный. На базе партии он почти не бывает, поэтому никаких дополнительных сведений разузнать у него не удалось. У Калабина свой метод. Он зимой организует всю

подготовительную работу, через каждые 20—30 км на вертолете делает лабаз или металлическую бочку наполняет продуктами (консервы, сухари и т.п.), привязывает к дереву, а летом с нивелировкой идет по трассе, используя все свои продточки.

На пункте триангуляции мы увидели нашего лучшего инженера Альберта Баргера. Выполняя геодезические измерения 1-го и 2-го класса, Баргер добивался самой высокой производительности труда, на базе партии он тоже бывал редко. Зато в другой партии почти весь состав оказался на базе. Был день отдыха. Сам начальник партии — Виктор Николаевич Агафонов — увлекался шахматами, за этим занятием я его и сфотографировал. Здесь же оказался инженер Анатолий Ипатов, он со своими работниками ловил рыбу, а моторист Валерьян Петрович Простокишин доставлял улов в столовую. Ас среди топографов Петр Федорович Верхулевский заканчивал объект, за этим занятием у теодолита я его и сфотографировал.

*Мы
попали к начальнику партии Борису Борисовичу Сахарову, застали его за
рекогносцировкой нового объекта*

На берегу озера Виви мы попали в бригаду геодезиста Володи Гетманова, они отправлялись на новый объект на противоположном берегу озера. Возвращаясь на базу партии, мы увидели на озере у берега два плота, а с них разгружали снаряжение наши работники. Это была бригада топографа Александра Удилова. Целый месяц Саша со своими помощниками измерял глубину озера в разных местах, скорость течения, характеристику дна, обследовал все впадающие в озеро реки и ручьи, рассчитывал высоту обрывов, скал. Особое внимание уделялось исследованию леса — характеристике пород леса, высоте деревьев, диаметру их на уровне груди, расстоянию между стволами.

В бригаде были уверены, что в озере живет дьявол, но к берегу близко чудовище не приближается. Геодезисты часто наблюдали удивительные явления: завихрения воды, воронки, иногда прослеживалось движение какого-то огромного существа.

Никто из опрошенных прокурором геодезистов ничего плохого о Булевском сказать не мог, тем не менее начальника партии приговорили к двум с половиной годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима. Версия с морским чудовищем, видимо, показалась суду неубедительной.

Через два года специально снаряженная бригада выловила со дна озера тело Виктора Токарева. Станным показалось то, что труп был в одних плавках. Никанор объяснил все проделками дьявола. Так и осталось неразгаданным трагическое происшествие. А чудеса на озере Тембенчи продолжают.

На перевале мы заметили нивелирную бригаду Николая Григорьевича Калабина. Это первоклассный нивелировщик, лучший в экспедиции

На пункте триангуляции мы увидели нашего лучшего инженера Альберта Баргера

Николаевич Агафонов

Начальник партии Виктор

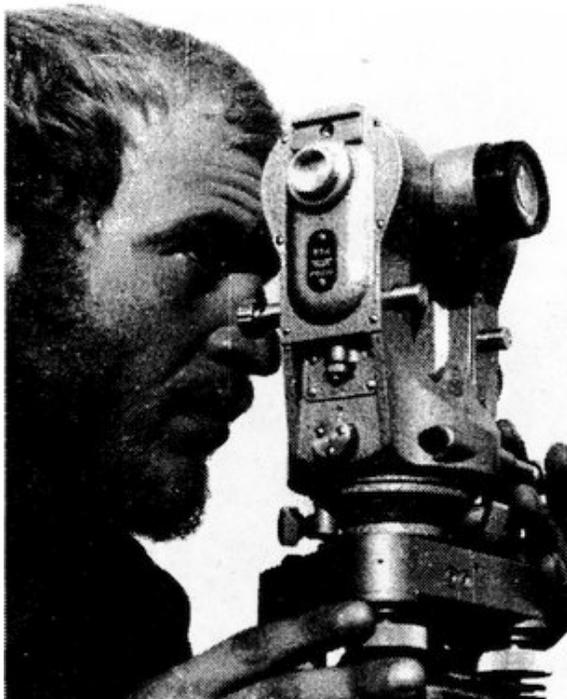
своим работником ловил рыбу

Инженер Анатолий Ипатов со

Моторист Валерьян Петрович

Простокишин доставлял улов в столовую

Ас среди топографов Петр

Федорович Верхулевский заканчивал объект

Виви мы попали в бригаду геодезиста Володи Гетманова

На берегу озера

бригада топографа Александра Удилова

Это была

ЗЛАТОКИПЯЩАЯ МАНГАЗЕЯ

Уральские геодезисты, закончив многолетние обследования самых отдаленных и труднодоступных уголков Западной Сибири, впервые нанесли на карту развалины затерявшейся на Севере загадочной златокипящей царской вотчины Мангазеи. Городище развивалось с 1601 по 1672 г., а затем замерло и простояло засыпанное полутораметровым наносом до наших дней. Более 10 лет ведутся раскопки.

На правом берегу реки Мангазейки, впадающей в реку Таз, среди развалин различных строений на площади 800 кв. м возвышается двухэтажный дворец воеводы. Городище обнесено пятью башнями. Среди раскопанных построек сохранилось несколько церквей, одна из них пятиглавая; имеется тюрьма, стрелецкие сторожки и прочие строения. В домах таможенного комплекса можно встретить заржавевшие остатки ружьев, кожаные изделия, ножи, топоры, сбрую верховой езды, осколки драгоценного китайского фарфора и некоторые предметы домашнего обихода.

На сохранившихся до наших дней картах, составленных в 1701 г. тобольским картографом С.У. Ремизовым, «Чертежная книга Сибири» была нанесена Мангазея, а на последующих картах, вплоть до наших дней, Мангазея не значилась. Да и трудно было отыскать на местности захороненное городище, разместившееся в глухой тайге в 300 км от устья реки Таз, вверх по течению на правом берегу, на мысе, при впадении Мангазейки в реку Таз. В 8 км от забытой Мангазейки есть поселок Сидоровск; народность, проживающая в нем, остяко-самоеды. Они поведали о древнем Мангазейском пути от Архангельска на восток водным путем до полуострова Ямал, по Ямалу двигались по внутренней системе рек и озер, а иногда баркасы перетаскивали волоком. Тундровые лишайниковые пространства Ямала до наших дней сохранили следы баркасных волоков. Явно прослеживаются мангазейские шрамы, особенно с воздуха, в районе озера Луци-хамо-то (в переводе на русский язык — озеро погибших русских), и четкие полосы остались в тундре по ягелю между озерами Мутным и Зеленым. Далее путь пересекал Обскую губу, затем по Тазовской губе вверх по реке Таз до Мангазеи, которая расположена на стыке Полярного круга с рекой Таз. Через Мангазею путь уходил в Китай. Немые свидетели — исполины лиственницы да кедры сохранили до наших дней затесы, надписи, фамилии и даже врубленные в деревья маленькие иконки.

Эта древнейшая тропа пересекает Бермудский треугольник номер два — так геодезисты окрестили коварную здешнюю тайгу.

Мангазея — страна северных сокровищ поставляла миру драгоценные меха. Меткие самоедские стрелки ворохами заваливали мангазейского воеводу пушниной.

В книге «Земной круг» о землепроходцах [М., Современник, 1976] С. Маркова написано: «Гонец из Тобольска повез в Москву воеводскую отписку о том, что морской ход в Мангазею надо прочно закрыть. Если же немцы, упаси Бог, придут каким-нибудь обманом, то незваных гостей надо задержать всем миром, чтобы отбить у них охоту ходить к златокипящей Мангазее».

Сохранившиеся немые свидетели — полуразрушенные строения хранят вечную тайну загадочной, затерявшейся в далекой приполярной тайге, бурно развивавшейся в те времена царской Мангазеи.

Редкие посетители наших дней — геологи и геодезисты, проходя маршрутами, подолгу любят творениями на Мангазейке.

Мне уже приходилось слышать легенды о златокипящей Мангазее при создании топографических карт в Саянах, Туве и Монголии. В Саянах сохранилась многовековая тропа, проходящая из Китая в Мангазею.

Однажды нам пришлось выполнять аэровизуальное дешифрирование на вертолете Ми-4 — производилось обследование удаленных от населенных пунктов таежных массивов. И вдруг на скале мы увидели двух человек. Затем показалось еще несколько человек. Мы высадились из вертолета и направились навстречу группе людей. Оказалось, это туристы из Ленинграда, но туризм у них целенаправленный, они идут по исторической многовековой тропе от златокипящей Мангазеи до Монгольской границы. Третье лето туристы занимаются изучением этой легендарной тропы. Мы заинтересовались их исследованием, так как нам нужно было нанести эту тропу на вновь создаваемую карту масштаба 1:25 000. Оказывается, на наших аэроснимках тропа хорошо просматривается: тропу постоянно расширяли, чтобы можно было свободно передвигаться каравану навьюченных лошадей. Вот и сейчас по тропе, в сторону тайги направляется караван навьюченных лошадей — это наши топографы отправились на уточнение государственной границы с Монголией.

И вдруг на скале мы увидели двух человек

Мы высадилась из вертолета и направились навстречу группе людей

Группу туристов сопровождал мой старый знакомый поэт Володя Ковалев, в прошлом прославленный геолог, а теперь директор краеведческого музея в г. Минусинске. Мы подошли к уединенной скале-останцу, и Володя сказал, что эта скала называется Золотая Баба.

Вот какие тайны поведал мне геолог. В те древние времена однажды по тропе продвигался отряд купцов, лошади были тяжело навьючены тюками пушнины из Мангазеи и ценностями, перевозимыми из Европы в Китай. Здесь, у этой скалы, караван заночевал. Разожгли большой костер у самой скалы, купцов сопровождал опытный проводник по прозвищу Лоцман.

В сторону тайги направляется караван навьюченных лошадей

Золотая Баба

Эта скала называется

Ночью на купцов напали разбойники, забрали все ценности, но главную драгоценность, «Золотую бабу», — статуэтку из золота — так и не нашли, хотя перерыли, обыскивая и ощупывая, все тюки. Утром караван с остатками ценностей отправился дальше по пути в Китай через Монголию.

Предводитель каравана, осмотревшись по сторонам, раскопал догоравший рядом со скалой костер, вынул «Золотую бабу», уложил ее в кожаный мешок и привязал к седлу своей лошади.

Так перекочевала «Золотая бабу» из Мангазеи в Китай, а Лоцман, возвратившись из Китая, рассказал обо всем в деревне, и с тех пор скалу называют Золотой Бабой.

Ко мне подбежал командир вертолета со срочным сообщением — начальник предприятия С.И. Чудинов по рации передал, чтобы я срочно летел спасать инженера Альберта Бартера, который с острым приступом аппендицита находился восточнее нашего объекта в Саянах; но у нас даже не имелось с собой карт: это был объект соседней экспедиции.

Мы полетели на восток в поисках бригады, зная, что их шесть человек и работают они в верховьях реки Казыр.

Вдруг на реке Казыр увидели группу людей из шести человек. Приземлились. Оказалось, это туристы, они рассказали нам о местонахождении геодезиста Бартера: пять дней назад они его встретили, но тогда все было нормально. У нас не было времени поговорить с туристами. Мы только обменялись адресами и сфотографировались.

Светлая высокая девушка — это дочь легендарного летчика Валерия Чкалова — Ольга Чкалова, со своими друзьями. Впоследствии мы переписывались и встречались. Интересные знакомства бывают даже в тайге.

Светлая высокая девушка — это дочь легендарного летчика Валерия Чкалова — Ольга Чкалова, со своими друзьями

Мы взлетели на вертолете и вскоре обнаружили в тайге больного инженера. Бартера погрузили в вертолет и доставили в больницу, врачи успели его спасти. А мы заправились и полетели к Золотой Бабе за оставленными там дешифровщиками, которые должны были успеть проделать там все необходимые измерения и обследования.

Подлетая к Золотой Бабе, вертолет вдруг заглох и рухнул боком на землю.

От грохота находившееся на перевале стадо диких оленей устремилось в сторону тайги.

Вертолет упал удачно. Мы все остались живы, хотя синяки, ссадины, ушибы, неглубокие раны получили в полном ассортименте.

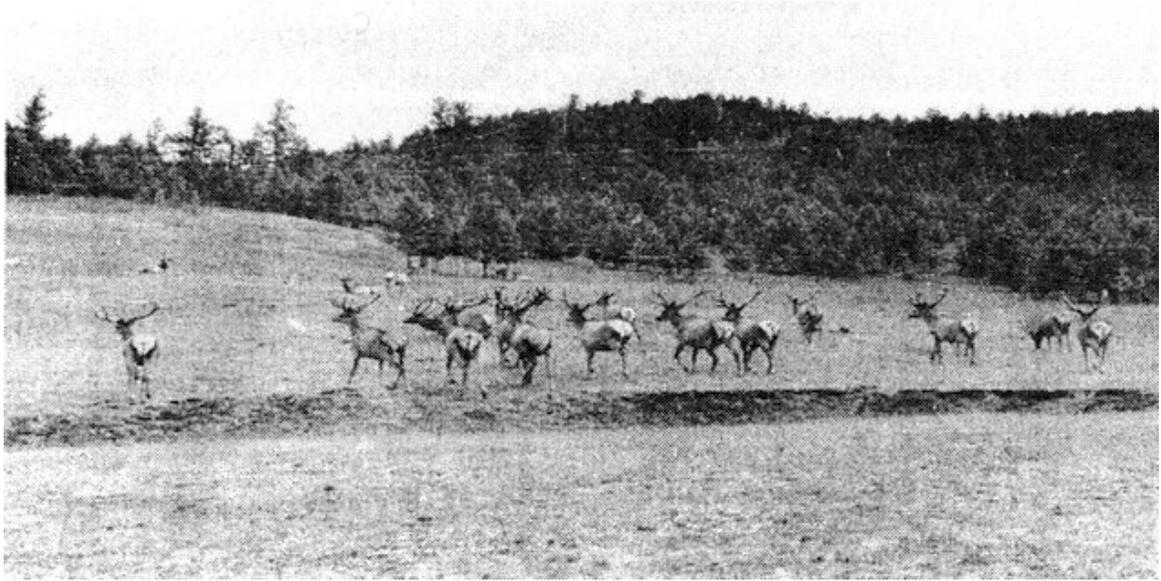
Впоследствии при расследовании выяснилось, что в бак с бензином, который переключили при полете к Золотой Бабе, при заправке на базе партии попала вода.

Скалу мы нанесли на вновь созданную топографическую карту под названием Золотая Баба, хотя экипаж вертолета настаивал на названии «Трагический перевал».

Через месяц я побывал в Минусинском музее у Володи Ковалева. Он мне показал интереснейшие экспонаты, описания, рисунки златокипящей Мангазеи, Золотой Бабы и даже маленькие иконы величиной со спичечный коробок, но прекрасно сделанные, которые врубались в деревья по всей исторической тропе. Директор музея Ковалев даже пообещал организовать в музее экспозицию, посвященную златокипящей Мангазеи.

Вертолет вдруг заглох и рухнул боком на землю

От грохота находившееся на перевале стадо диких оленей устремилось в сторону тайги

СМЕРТНАЯ ТРОПА

Нашему отряду из пяти человек предстояло обследовать тайгу в Иркутской области, начиная от поселка Тымбыр и далее на юг. Автомашина от железнодорожной станции Тайшет долгое время пробиралась по ухабистым лесным дорогам, часами буксовала и в конце концов так застряла, что только трактор смог ее вытащить из непролазной грязи. Машину отправили обратно в Тайшет, а мы, сопровождая наше снаряжение, на тракторных санях прибыли в Тымбыр. Сюда нам должны были пригнать лошадей, чтобы, навьючив их, мы смогли отправиться по заданному маршруту в таежную глубь выполнять топографические и геодезические измерения.

Подробной карты обследуемого региона не существовало, а старые были схематические. Предстояло составить новую точную карту. Для этого с самолета была сфотографирована вся местность, и мы получили такие аэрофотоснимки, на которых запечатлелось сплошное серое покрывало лесных массивов этой бескрайней и безлюдной тайги. Теперь нужно отдешифрировать эти аэрофотоснимки, т.е. нанести на них все особенности местности. Ведь с самолета под кронами деревьев не видно, где начинаются ручьи, родники. Особенно трудно точно нанести таежные тропы. Наша задача — через каждые два-три километра по маршруту давать характеристику леса, в которую входят: порода и высота деревьев, их диаметр, среднее расстояние между ними. Так же подробно описываются реки, особенно в местах пересечения с тропами, — ширина, глубина, скорость течения и характеристика дна.

При составлении новой карты у топографов нередко появляются затруднения в присвоении названий ручьям, родникам, урочищам, особенно в необжитых районах. Поэтому мы всегда пользуемся услугами охотников, рыбаков, берем в экспедиционные отряды проводников, которые помогают создавать карту. В Тымбыре нашелся такой бывалый охотник Дмитрий Жуков. У него мы и остановились в доме на окраине поселка. Тымбыр — это маленькая, в два десятка домов, деревня. Коренное население — татары, обосновавшиеся здесь около ста лет назад. Как нам рассказали старейшие жители села, название Тымбыр произошло от сочетания слов «одна копейка». Одолела нищета одного татарина, жившего под Казанью, и ушел он в Сибирь искать счастья. А имел в наличии всего одну копейку. Добрался до Тайшета и долго скитался по тайге. Облюбовал хорошую поляну на берегу небольшой реки, построил избушку, обработал землю, обжился, стал

охотиться, рыбачить, выращивать овощи. Через несколько лет вернулся в родные места, рассказал о своем житье-бытье и возвратился в сибирские края, но уже не один, а с несколькими семьями. Так зародилось в далекой сибирской тайге это село с татарским названием.

Люди здесь очень доброжелательные, помогли нам засушить сухари и заготовить другие продукты для долгого хранения, ведь поход был рассчитан на четыре месяца. На каждую лошадь предстояло навьючить по 150 кг груза палаточного снаряжения, продуктов, инструментов и различных геодезических приборов. На 28 мая был назначен выход в тайгу. Накануне я решил проработать подробный маршрут движения нашего каравана с проводником Дмитрием Жуковым. Но как только он узнал, что мы идем в сторону реки Изан по старой тропе, категорически отказался работать в нашей экспедиции. Много усилий я потратил на уговоры пойти с нами хотя бы на один месяц, но бесполезно.

Дмитрий объяснил мне, что тропа у них называется Смертной и что уже несколько десятков лет по ней никто не ходил. Вот что он мне рассказал.

Поселились на реке Изан золотоискатели. Стали добывать золото, вербовали на летний период местных крестьян, которые возвращались домой с маленьким узелком заработанного драгоценного металла и быстро богатели. Молва об этом облетела всю округу. И стали наниматься к золотоискателям уже не одиночки, а группами по несколько человек. Но мало кому удавалось возвратиться с реки Изан. На тропе была засада. Незнакомцы убивали золотодобытчиков, забирая заработанное.

Давно прекратил свое существование прииск на Изане, но с тех пор никто не бывал в тех краях. Люди, напуганные дерзкими разбойниками, и теперь боятся появляться на Смертной тропе.

Жуков долго отговаривал нас идти в те места, приводил примеры коварства изанской тайги. Но у нас другого пути не было — нужно нанести на карту реку Изан, избышки, если они там сохранились, все тропы, по которым можно продвигаться.

Дмитрий дал нам много полезных советов, а главное, подарил свою лучшую собаку-медвежатницу по кличке Тайга.

Рано утром, навьючив лошадей, мы двинулись на Изан. Тропа оказалась на редкость хорошей, мы быстро продвигались. Я шел впереди с компасом-буссолью, точно ориентируясь и нанося все изгибы Смертной тропы на аэрофотоснимок. Погода была солнечная. Настроение у всех хорошее. В первый день намечали пройти по тропе двадцать километров. Основные топографические работы планировались на последующие дни. Мне предстояло выполнить измерения с помощью теодолита на некоторых

вершинах гор вдоль реки Изан. На спуске к безымянному ручью тропа оказалась заваленной упавшими огромными деревьями, затесы на них указывали обход. Я махнул Егорычу, который вел первую тяжело навьюченную лошадь и собаку на поводке, чтобы она не вернулась обратно в деревню, а сам устремился к ручью измерить и описать его. Споткнувшись, я с шумом провалился в огромную глубокую яму. Мой крик остановил караван. Это была ловушка глубиной четыре метра, хорошо замаскированная и, очевидно, рассчитанная на тех золотодобытчиков, про которых рассказывал Дмитрий. Егорыч долго возмущался варварскими проделками, осматривая хитроумное сооружение. На дне ямы было множество истлевших тряпок, костей. Среди них — три деревянные и одна серебряная ложки, несколько железных колец, остатки седла и прочая рухлядь. Падение мое оказалось удачным, ведь если бы это произошло с лошадьми, то последствия были бы печальнее. У ручья мы пообедали, покормили лошадей и двинулись дальше. С этого момента мы спустились Тайгу с поводка.

Рано утром, навьючив лошадей, мы двинулись на Изан

Предупредительный лай собаки остановил нас. Мы с Александром Квашниным — это наш самый опытный и самый сильный работник — устремились вперед, вооружившись пистолетом и двухствольным ружьем.

Лай был не напористым, это нас успокаивало. На тропе мы увидели самострел, на него-то и лаяла Тайга, предупреждая нас об опасности. Самострел многие годы кого-то поджидал, так и сгнил, не выстрелив. Изготовлен он из одноствольного ружья шестнадцатого калибра. К спусковой рукоятке привязана сплетенная из светлых волос тонкая веревка, которая натянута в пятидесяти сантиметрах над землей. Задевший за шнур человек расстреливался в упор.

Мне приходилось и раньше встречать самострелы, но те были рассчитаны на зверя, а этот прицелен в человека...

День приближался к концу. Нужно подобрать хорошее место для ночлега. Главное условие, чтобы рядом была хорошая трава — корм для лошадей, и, конечно, недалеко от ручья. У топографов такая работа, что почти каждый раз ночлег на новом месте. Днем — измерения с помощью теодолита, нивелира, а вечером надо все просчитать, сделать абрисные зарисовки, наметить маршрут на следующий день.

Впереди показались просветы, судя по аэрофотоснимку, там должна быть большая поляна.

Вдруг громогласный воющий лай собаки остановил нас. Лошади встали, захрапев. Их нервное поведение настораживало. Душераздирающий визг Тайги и звериный рев нарушили таежную тишину. Егорыч удерживал и успокаивал лошадей, которые готовы были бежать назад. Такой страх лошади испытывают, только чуя рядом медведя. Мы вчетвером бросились на спасение нашей собаки. Огромный бурый медведь и наша белая Тайга, оскалив пасти, с жутким ревом и визгом вертелись на ярко-зеленой поляне. Выстрел из ружья остановил неравный поединок. Медведь мигом оказался в лесных зарослях. Скулила на всю тайгу наша раненая собака. Из белоснежной она превратилась в красную. Задняя нога волочилась. Лошади наши встали как вкопанные, к поляне не идут, хотя медведь уже скрылся.

Через мгновение мы увидели двух маленьких медвежат на высоком дереве. Вначале они притаились, затем начали спускаться вниз. А когда осталось до земли метра три-четыре, один из них спрыгнул и помчался в сторону убежавшей медведицы. Лежавшая без сил Тайга молниеносно вскочила и, огромными прыжками настигнув медвежонка, перегрызла ему горло. Второй медвежонок после этого снова оказался на верху дерева. Где-то не очень далеко в густых зарослях временами ревом давала знать о себе медведица. Мы успокоили Тайгу, привязали на поводок. Медленно сполз второй медвежонок и, спрыгнув, буреньким коlobком мгновенно удалился к матери.

Вечерело. У ближайшего ручья мы установили палатки. Но отдых не состоялся. Как только стемнело, медведица приблизилась к лагерю. Собака

первая почувствовала ее и начала лаять. Лошади с испуганным храпом сбивались к самому костру, лезли в огонь. Ночная гостья ревела совсем рядом, взрывая темную тишину. Мы пытались выстрелами отпугнуть ее. Нам так и не удалось развернуть спальные мешки. Рано утром решили уйти с этого проклятого места.

В обед расположились уже в десятке километров от ночного лагеря, чтобы отдохнуть и накормить лошадей. Невидимое присутствие хозяйки тайги не давало нам покоя. Опять лаяла собака, стояли у костра настороженные лошади и даже не щипали траву, хотя были очень голодны.

Уставшие, мы решили изменить маршрут, уйти со Смертной тропы и по реке Изан направиться к реке Бирюсе. Целую неделю преследовала нас медведица. Собака постепенно залечивала раны, выискивала какие-то травы, жевала их и зализывала кровавые болячки.

Лошади в пути часто спотыкались, падали. Такой усталости я и мои спутники давно не испытывали. И тогда мы приняли решение уйти на другую сторону реки Бирюсы, хотя работы там были запланированы на сентябрь.

Рано утром переправились через Бирюсу. Река в этих местах широкая. Целый день, установив теодолит с большим увеличением, мы наблюдали сквозь деревья, как на противоположный берег несколько раз выходила медведица с медвежонком. Но след в воде терялся. Это нас и спасло.

ИССЕЛЕЙ

Мы уже заканчивали геодезические работы в Тофаларии, расположенной в Восточных Саянах. Шли тайгой к горной реке, которую предстояло изучить, нанести на карту и дать ей название. Наш каюр Саганов из Верхних Гутар оказался отличным проводником. Он знал тайгу, как свои пять пальцев, не раз спасал нас от голода, предостерегал от опрометчивых поступков. Саганов с одним ножом вступал в поединок с медведем (тофалары не признают тех охотников, которые убивают медведя из ружья).

Черные, с монгольским прищуром глаза каюра всегда светились радостью. Его взгляд точно придавал нам сил в этом трудном походе. Но однажды наш каюр загрустил. Я несколько раз пытался завести с ним разговор, но тщетно. На мои вопросы он отвечал коротко. Как-то каюр вдруг стал нас уговаривать разбить лагерь для ночлега, хотя до реки осталось идти каких-то час-два. Мы не стали противиться, — видимо, у старика были для этого свои причины.

К вечеру тофалар неожиданно исчез, прихватив свой рюкзак с продуктами. Мы стали гадать, куда он мог уйти. Если домой, то почему? Неужели заболел? Вечерние поиски оказались безуспешными. Рано утром мы их возобновили. Уже потеряв надежду, вдруг я заметил огромный лабаз у скалы. Он держался на пяти деревьях на высоте трех метров от земли. Лабаз очень старый, но прекрасно сохранившийся. Таких я еще не встречал. Чувствовалось, что строили его очень тщательно.

На лабазе я увидел нашего каюра. Он сидел с поникшей головой. Перед ним лежал скелет человека, вокруг которого были разложены продукты. На мое присутствие старик не обратил никакого внимания. С его склонившегося лица капали крупные слезы, а когда я попробовал заговорить, только отмахнулся. От реки тянуло прохладой. Стелился туман. С исчезновением утренних звезд появился в лагере старик. Мы продолжили путь.

Уже потеряв надежду, вдруг я заметил огромный лабаз у скалы

Не скоро каюр открыл нам свой секрет. Его сын Исселей среди тофаларов слыл самым сильным и храбрым. Как-то работал он в экспедиции, которая задержалась до поздней осени на том самом месте у речки, где сооружен сейчас лабаз. Продуктов оставалось мало, люди истощали. Несмотря на то, что выпал снег, приходилось продолжать работы. И тут на экспедицию напал не залегший на зимнюю спячку в берлогу или разбуженный рассвирепевший медведь-шатун. Одного геодезиста он измял сразу насмерть. Дважды стреляли в медведя, но неудачно. Рассвирепевший раненый великан вырывал деревья, разбрасывая их в бешенстве по тайге. Его клыкастая черная пасть издавала пронзительный, властный вопль, заливая снег темными пятнами крови. Шатун напал на следующего. И тут Исселей, откинув в сторону ружье, с ножом бросился на зверя. Разъяренный медведь метался с надрывным ревом. Исселей распорол ему живот. Поединок продолжался недолго. Когда остальные подбежали к сражавшимся, и медведь, и бесстрашный тофалар были мертвы. Шатун в предсмертных судорогах задушил лапами Исселея.

Кто-то спросил, зачем построен лабаз.

— Это у нас такой обычай, — сказал старик, — могил мы не роём. У тофов считается грехом копать землю. Вот и хороним на лабазах, деревьях,

скалах. Каждый год, когда белкую^[4], прихожу с продуктами в гости к Исселею.

Реку мы назвали Исселей и нанесли это имя на карту.

НЕСПИСАННЫЕ ПРОДУКТЫ

У вертолетов собрались пилоты, начальники партий. Рассматривая карты, они уточняли маршруты.

— Трифку, Трифку ведут! — раздались детские голоса.

Ватага мальчишек бежала за группой геодезистов, которые вели на веревочке полугодовалого медвежонка. Он шел вразвалку, нехотя крутил головой, озирался на ребяташек.

— Ишь какой упитанный! — заметил механик, хитро подмигивая. — Не твой ли? — спросил он пилота Шамшуренкова.

Тот вдруг густо покраснел и покосился в мою сторону, остальные покатались от смеха. Только через месяц я узнал, почему так хохотали коллеги.

Как-то потребовалось сбросить с вертолета продукты для группы изыскателей, с которыми временно была прервана радиосвязь. И сделать это надо было срочно, ведь люди голодали. Задание поручили пилоту Шамшуренкову, вместе с которым на вертолете Ми-1 вылетел начальник партии Сергей Иванович Фунтиков. Они условились, что мешок с продуктами Сергей Иванович сбросит по сигналу пилота. Сигнал — взмах руки.

Фунтиков следил за полетом по карте, сверял маршрут. Так как до места назначения было еще далеко, он совсем не смотрел в сторону пилота и не заметил, как тот что-то закричал и стал подавать какие-то знаки. А когда Фунтиков поднял глаза на пилота, то увидел, что он машет рукой и кричит: «Давай! Давай!».

Сергей Иванович быстро схватил мешок, поднес его к двери и столкнул. Тут Шамшуренков завопил так, что его голос перекрыл рев мотора.

Сергей Иванович растерянно выглянул в дверь и не сразу понял, что происходит. Между тем мешок с продуктами камнем летел вниз. Он упал в центре небольшой поляны рядом с медведицей. Та от испуга несколько раз перевернулась и пустилась наутек. За ней, словно катились, два бурых пятнышка, а вслед, рассыпаясь бисером, летели консервные банки.

— Я же кричал тебе: «Фотографируй», — возмущался пилот, — а ты...

Только теперь я вспомнил, как Фунтиков несколько раз подходил ко мне с актом на списание продуктов, а объяснить толком, куда их дел, так и не смог.

Как-то потребовалось сбросить с вертолета продукты для группы изыскателей, с которыми временно была прервана радиосвязь

НАХОДЧИВОСТЬ

Выстрел. Я настороженно прислушался, стараясь точнее определить расстояние до места происшествия. «Возможно, стреляют наши», — подумал я. В тайге напрасно не тратят заряды, к тому же здесь государственный заповедник — охота на зверя строго запрещена.

Мы направились к месту, где была нарушена тишина. Пробираясь по тайге трудно: огромные замшелые камни и крупный валежник преграждают дорогу, кустарники багульника цепляются за ноги.

На небольшой полянке я заметил движение, затем сквозь кусты увидел караван оленей. Навьюченные и привязанные к дереву, они сильно бились, отгоняя навязчивых пауков и мух. Я удивился, когда увидел молодую окровавленную тофаларку. Ей на вид не дашь и восемнадцати. Девушка усердно разделявала кабана, которого только что застрелила.

Оказывается, матерый кабан напал на нее, сильно поранил. И все-таки тофаларка вышла из поединка победительницей.

— Помогайте, свеженина к ужину будет, — сказала она на чистом русском языке, взглянув на нас.

Наш проводник Егорыч отправился развьючивать лошадей, а я занялся поисками камня для точки ножей. Охотница умело, не по годам управлялась с застреленной громадиной, аккуратно подрезала ножом и снимала щетинистую шкуру. Помощником я оказался никудышным. Стесняясь своей нерасторопности, я пошел заниматься кухонными делами, а вместо себя направил Егорыча.

Тянуло вечерней прохладой. От костра расплзался, заполняя тайгу, голубоватый дым. Лошади и олени с перезвонами бубенцов и колокольчиков разбрелись по верхней террасе. Для лошадей корма здесь было достаточно, а оленям в поисках ягеля пришлось подняться выше, к каменистым обнажениям.

Ужин был закончен. Сидя у костра, мы разговорились. Девушку звали Ириной Сагановой. Родители Ирины — лучшие охотники Тофаларии. И на ее счету уже несколько встреч с медведями, кабанами, рысью. Ира ходит и на добычу соболя, белки, а сейчас везет на стойбище продукты.

В тот вечер мы узнали много интересного о Тофаларии, которую населяет этот смелый народ.

Наутро мы отправились в путь. Тяжело навьюченные лошади и олени вереницей следовали за нами. До второй террасы, откуда начинались гольцы и открывался вид на Агульское озеро, наши пути совпадали. Взобравшись

на последний уступ, караван остановился. Над взмыленными лошадьми и оленями поднялся гнус. Отдохнув, мы распрощались с девушкой и собрались идти дальше. Но вдруг связка навьюченных оленей дернулась, оторвалась от каравана и стала быстро удаляться. Я стоял в недоумении.

— Паут напал, — догадалась Ирина.

Что же делать? Казалось, смелая охотница вот-вот расплчется. От напряжения по ее обветренному смуглому лицу покатались капли пота. Но девушка не растерялась. Быстро сбросив с плеча карабин, выстрелила по связке оленей. Сначала они рванулись еще быстрее, затем сбились в кучу, а через километр и вовсе остановились.

Позже тофаларка объяснила: не убей жожака — олени могли бы убежать навсегда. В таких случаях они уходят в стада диких горных оленей.

Мы с восхищением смотрели на находчивую и смелую девушку. Недаром говорят, что синегорцы (так еще называют тофаларов) мужественный и находчивый народ.

ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВА

— Одного рабочего не будет. Заболел, — доложил мне перед самым выходом в тайгу Егорыч.

Это было полной неожиданностью. Найти замену в каких-то два-три часа в маленьком поселке практически невозможно. Надо что-то предпринимать. Но что? На всякий случай я распорядился поискать замену среди местных жителей, хотя на успех не надеялся. А сам тем временем размышлял, как перераспределить нагрузку среди оставшихся. Но как ни крути, задача эта не решалась. Лишних людей в тайгу не берут. Нагрузка на каждого ложится максимальная, на пределе человеческих сил и возможностей. И отсутствие в таком случае одного рабочего — катастрофа. Каждый лишний килограмм в рюкзаке под вечер кажется пудом. В общем, спасти нас могло только чудо, и оно случилось.

Ко мне подошел паренек и подал трудовую книжку. Инструктировать уже не было времени, как не было его и на медицинский осмотр. Я наскоро рассказал пареньку о всей сложности нашей работы и, кажется, ничего не утаил. Ему предстояло не просто идти, а переносить грузы. Тайга, валежник, буруны. Евгений Ивановский в ответ только кивал головой, дескать на все согласен.

В первые три дня работа была легкой, продвигались медленно, поочередно прорубая тропу для каравана тяжело навьюченных лошадей. Новичок с этими обязанностями вполне справлялся. Вечерами, когда после переходов начинали готовить ужин, Евгению стоило только присесть, он сразу засыпал мертвым сном.

Чувствуя его неподготовленность к нашей работе, мы старались оставлять Женю с лошадьми, а сами вместе с Егорычем уходили в горы. Иногда, не закончив работу, оставались ночевать, а возвратившись, были очень довольны дежурством нашего юноши. Евгений приспособился ловить хариуса. Перегородил большими валунами ручей, а в промежутке установил две сплетенные им самим морды. Приспособление казалось очень несерьезным, но Женя каждое утро вытаскивал из плетенок по ведру рыбы, жарил и давал нам ее с собой.

В один из многодневных походов мы взяли Женю. Переход выдался на редкость трудным. Шли по карагатнику — колючему кустарнику, среди болотистой местности, по непроходимой тайге. Я внимательно присматривался к новичку. Особенно трудно давались ему спуски со скал и подъемы по россыпям. Но Женя никогда не жаловался. Больше того, он

отказывался от какой-либо помощи. Это и расположило к нему товарищей. Меня поражала только какая-то необыкновенная бледность его лица, она заметно усилилась во время перехода. Тягун-гора изматывала наши силы. Потом обливались лица, рюкзаки прилипали к взмокшим спинам. Я оглянулся, чтобы окинуть взглядом проделанный путь. Вереницу замыкал Женя. Способ его передвижения был очень странным. Я смахнул застилавший глаза пот. Нет, я не ошибся: паренек полз на четвереньках. Увидев, что я наблюдаю, он оттолкнулся руками, некоторое время с трудом держал равновесие, затем начал подниматься. Взобравшись, уселись отдыхать. Ни кровинки не было на поблекшем, осунувшемся лице замыкающего. Оно сплошь покрылось крупными каплями пота, словно каждая пора плакала. Светло-голубые, почти прозрачные глаза наполнились слезной пеленой. Мне стало жалко парня.

В один из многодневных походов мы взяли Женю. Переход выдался на редкость трудным

— И зачем такие нежные маменькины сынки прутся в тайгу? — возмущался Андрей.

— Ничего, пройдет. Просто не приходилось ходить на такие горки, стараясь улыбнуться, говорил Женя.

Теперь я вел отряд медленно, ругая себя за смену дежурных.

— С такими работничками и на трусы не заработаешь, — заворчал было опять Андрей, но здесь же наш «скоростник» получил отпор остальных товарищей.

После этого похода Егорыч стал нашим спутником-скалолазом, а Женя — обреченным дежурным.

На другой день мы разбили лагерь и отправились исследовать местность. У палаток оставили дежурить Ивановского. Долго бродили по тайге и вернулись только на третьи сутки. Нас поразила необычная тишина в лагере. Вдруг в стороне раздался приглушенный стон. Под поваленным бурей сухостойным деревом лежал Евгений.

Мы бросились спасать товарища. Когда его вытащили, стали тщательно ощупывать, нет ли переломов. Каково же было мое удивление, когда вместо правой ступни я увидел протез. Развязали бинт. Из содранных мозолей и оголенной кости сочилась кровь. Бред пострадавшего не унимался: «Буду с вами ходить, я научусь, я буду...». Мы промыли марганцовкой ногу, засыпали стрептоцидом и уложили парня спать. А сами, словно не веря своим глазам, снова и снова ощупывали отстегнутую окровавленную искусственную ступню. Ночью Женя пришел в сознание.

Оказывается, ноги он лишился еще в детстве. Ампутировали во время эвакуации из Ленинграда. Мальчишкой он прочел книгу Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». Он так же, как А. Мересьев, тренировался, научился быстро бегать, прыгать. В этом мы убедились во время переходов, когда он с грузом перепрыгивал с камня на камень.

В тайгу Евгений отправился не только для того, чтобы испытать свою волю и мужество, но и лучше узнать о профессии отца, погибшего на фронте. Отец был геодезистом.

С большим сожалением мы расстались с Евгением Ивановским. И всегда, когда казалось, что от усталости ты не сделаешь и шага, когда очень хотелось повернуть и посетовать на трудности, я вспоминал нашего отважного Женю, и силы возвращались ко мне.

ПРАЗДНИК ШАРОВ

Третий день мы продвигались вдоль горного ручья, часто останавливались, определяя точное местоположение тропы и вычерчивая ее на аэрофотоснимках. Тропа очень наезженная, каких в Тофаларии немного. Требовалась особая тщательность в создании новой карты этой малоисследованной части саянских хребтов.

Вдруг совсем близко послышался лай собак. На берегу ручья мы увидели юрту, а рядом — несколько заброшенных жилищ, которые на карте не значились. Вынув аэрофотоснимки, я зарисовал строения и все необходимые элементы рельефа и растительного покрова. Принаряженная девочка лет пяти-шести палкой прогоняла разгневанных собак, а у входа в юрту стоял тофалар со скрещенными на груди руками. Его улыбающееся лицо было страшно изуродовано. Я узнал старика по рассказам местных жителей. Это был Арух-ол — прекрасный проводник, оленевод и отличнейший соболятник. С медведем ему пришлось встретиться, когда при нем не было даже ножа. Поединок был закончен — хозяин тайги собирал хворост и заваливал им свою добычу. В это время Арух-ол очнулся. Изнемогая от боли, он достал спички и зажег хворост, Топтыгин удалился. Через два дня охотник-промысловик случайно нашел раненого и доставил в больницу. Жизнь тофалара была спасена, а глаза медведь забрал у него навсегда...

Обычно летом Арух-ол со своей внучкой Ирой выезжает в горы, так было и на этот раз. Старик пригласил нас в юрту и рассказал, что сегодня большой праздник — у внучки день рождения.

— День шаров, — поправила Ира.

И тогда дед нам объяснил, что в этот день он всегда дарил внучке разноцветные надутые праздничные шары. Раньше Арух-ол сдавал пушнину и покупал шары к дню рождения девочки, который она ждала с нетерпением весь год и часто спрашивала:

— Деда, когда же будет день шаров?

В этом году на вопрос Ирочки бывалый охотник не знал, что и ответить. Он только вздохнул и почти шепотом сказал:

— Сегодня шаров не будет.

Мы оставили своего проводника Егорыча устанавливать палатку, готовить ужин, а сами отправились обследовать обнажения вверх по реке. Тропа круто поднималась к вершинам гранитной горы. Великаны лиственницы уступили место косматым кедром. С середины горы кончилась

полоса леса. Теперь кедры стали попадаться редко, рассредоточившись на каменистых россыпях. Корявые низкорослые деревья, изуродованные колючими снежными ветрами, грозами, горными обвалами, крепко уцепились сильными корнями за камни. Они накренились, но не сдавались, продолжая подступать к вершине хребта. Густые космы кедров держали в своих лапах созревающие шишки. Измерив эти деревья, записав их особенности и определив характер каменистых обнажений для создания карты, мы пошли обратно.

Возвратились поздно. Навстречу вышла улыбающаяся, жизнерадостная Ира. Она пригласила нас в юрту.

Я заглянул в палатку. Егорыч, усевшись на спальные мешки, надувал настоящие праздничные шары.

— Откуда? — невольно вырвалось у меня.

Он ничего не ответил, только одобрительно покивал головой, а его лицо было таким же красным, как надуваемый шар.

В палатку вошел Арух-ол, чтобы пригласить нас к себе. В этот момент Егорыч подал ему связку шаров. Старик недоверчиво быстрыми движениями пальцев перебрал их.

— Я знал, я знал, экспедиция меня выручит, — зашептал растроганно старик, поднося шары к лицу.

Увидев несколько спичечных коробков на рюкзаке, я вспомнил, что наши неприкосновенные запасы спичек хранятся в обычных детских надувных шарах, чтобы туда не попала влага. Мне стало все понятно.

Мы вошли в юрту, устланную чистыми холщовыми простынями. Девочка, крепко прижавшись к сидящему старику и обняв его тоненькими ручонками, целовала Арух-ола в щеки. Глаза ее светились от счастья, а по лицу Арух-ола струились слезы.

— Деда, миленький, спасибо, — шептала внучка. — Я знала, что мой праздник без шаров не бывает.

*Третий
день мы продвигались вдоль горного ручья, часто останавливались,*

определяя точное местоположение тропы и вычерчивая ее на аэрофотоснимках

РАДИЙ И РОДИОН

Подъем был необыкновенно крутым. Мой спутник Григорий Пинигин часто останавливался, оглядывался на лошадей, бросал мне ободряющий взгляд и шел дальше.

Позади два дня трудного пути, два перевала, несколько переправ через горные пенящиеся реки. Их рев там, внизу, заглушает все. Здесь же он слышится, как далекий шум морского прибоя.

Нам предстояло доставить в отряд продукты и обследовать часть высокогорных труднодоступных Западных Саян. Стояла та пора лета, когда утром бывает очень свежо, днем — нестерпимо жарко. Тропа то исчезала, то появлялась вновь. Навьюченные уставшие лошади тревожно оглядывались, призывно ржали, торопя отставших жеребят.

Вдруг мы услышали странные звуки, напоминавшие детский плач. Они становились все отчетливее. Здесь в тайге, где нет признаков жизни человека, где нет и в помине охотничьих избушек, детский плач показался нам таким необычным, что мы сразу же свернули в сторону.

По мере приближения звуки становились все громче. Теперь уже не было сомнения, что плачет ребенок. Мы рванулись из последних сил и вдруг на поляне увидели разбросанные тряпки, шкуры, здесь же валялось седло. А под огромным кедром, прямо на земле, среди тряпок, кедровых смоляных шишек, войлочных потников, шевелился младенец. Я осторожно разбросал тряпки и увидел малюсенького, черноволосого с одутловатыми щеками младенца. Он ревел, ни на минуту не прекращая свою надрывную песню. Увидев меня, очевидно от испуга он сомкнул на мгновение рот, но рев продолжился откуда-то из-под земли еще сильнее. «Какое-то привидение», — мелькнуло у меня в голове. Положив ребенка рядом с седлом, мы осторожно начали перекладывать тряпки. В сумине редела точь-в-точь такая же малютка. Мы уложили двух ревущих детишек рядом.

— Глянь-ка, так они ж близнецы! — закричал Григорий. — Смотри, до чего похожи. Не отличишь.

Григорий копошился в тряпках.

— Чего ты там ищешь? — недовольно спросил я Григория, сетуя на непредвиденное затруднение.

— А может их много, не раздавить бы случайно.

— Что они тебе, как грибы? — стараясь перекричать визгливые голоса, досадовал я.

— А черт их знает, двух уже нашли, — отряхивая ладони, проговорил Григорий.

На мгновение ребятня замолкла.

— Как они сюда попали? — растерянно прошептал я, разглядывая поразительно похожих друг на друга малышей.

Но размышлять долго не пришлось, так как наши новые знакомые молчали каких-то минуты две, пока таращили на нас свои глазенки. А потом они возобновили рев, да еще с такой силой и так наращивали темпы, что мы оба совсем растерялись.

У нас с Григорием не было опыта обращения с детьми. Что делать? Как их успокоить? Пробовали уговаривать, брали на руки, баюкали, пели, свистели, предлагали сухарей, консервов — ничего не получается. Ревут.

Наконец Григорий догадался. Взял котелок и, отогнав жеребенка, полез под кобылу. Когда, засучив рукава, он начал ее доить с такой осторожностью, с какой только обезвреживают мины, я захохотал, несмотря на весь трагизм нашего положения.

Молоко оказалось чудодейственным. Младенцы сразу же успокоились и даже заулыбались. Но нам-то было не до смеха! Что делать с ними дальше? Как быть? Возвращаться обратно в село или везти в отряд? Но ведь и там одни неумелые мужчины! Полной загадкой оставалось и их появление здесь, в непроходимой глуши. Быть может, их ищут сейчас? А если нет? Может, их сюда специально подбросили.

— Если хозяева не найдутся, нам придется забрать их себе, разделим? — предложил я.

— На кой он мне нужен, у меня и жены-то еще нет, — возмутился мой приятель.

Наступил вечер. Мы сидели с уснувшими близнецами на руках и все еще ломали голову над решением этой неожиданной задачи. В который раз я убедился, что в тайге без сюрпризов не обходится. Как бы ни готовился к самым разным ситуациям, все равно случится что-нибудь непредсказуемое и застанет тебя врасплох.

Выкатившаяся луна осветила наш прогоревший костер. Лошади притаились в настороженной тишине. Они до сих пор стояли навьюченными. Только Филька, не выдержав, так и улегся вместе с вьюками. Мы боялись разбудить младенцев. Я попытался подбросить в костер дров и поставить кипятить чай. Мой неугомонный заворочался, закричал, пригвоздив меня к месту. Предупрежденный, я вынужден был вновь отсиживаться. Вдруг в стороне, в чаще, раздался треск, и перед нами, как из-под земли, выросла всадница. Она спрыгнула с лошади и бросилась к нам.

Вам приходилось когда-нибудь видеть улыбку, полную слез? Нет? Так знайте — другой улыбки, счастливее этой, на свете нет. И понятнее — тоже. Это была улыбка матери.

Мы с радостью из рук в руки, как говорится, передали ей свою находку. Видели бы вы, как она обняла их и закрыла глаза... Мне разом вспомнились все мадонны, виденные в музеях.

Дети действительно оказались близнецами. Звали их одного Радий, другого Родион. А мать звали Тюлюш. Оказывается, сегодня утром она кратчайшим путем через перевалы отправилась к родственникам в село Верхнеусинское. На одной лошади были навьючены малыши, на другой ехала Тюлюш. Во время стоянки лошадь неожиданно испугалась и убежала вместе с младенцами. Мы нашли ее неподалеку, мирно пасущейся на лугах.

Ночь проспали у костра. А утром Тюлюш посадила своих малышей во вьючные мешки, оседлала коней и, без слов поблагодарив нас незабываемой улыбкой, отправилась в путь-дорогу.

БЕЛАЯ УПРЯЖКА

Одно лето работала наша партия в окрестностях Кулюмбинского озера, расположенного недалеко от Норильска. Из этого озера, сжатого горами, вырывается на тундровые просторы речка Кулюмба. Лихо извиваясь, она впадает в Хантайку, где сооружалась тогда Хантайская ГЭС и город Снежногорск.

Каждый приезжающий в партию обращал внимание на могилу. Она выделялась на равнинной поляне, которую мы использовали для посадки вертолетов (для вертодрома). Никто ничего не знал о затерявшейся могиле, только рыбаки рассказывали о захоронении какой-то Белой упряжки.

Однажды на берегу озера мы увидели чум и огромное пасущееся вокруг него стадо оленей. У чума сидел на оленьей шкуре мальчик. Из-под полинявшей кепки неопределенного цвета торчали черные упругие волосы. В чуме у костра сидела красивая молодая женщина, кормившая грудью ребенка. Смуглый цвет лица, растерянная робкая улыбка и недоумевающий взгляд слегка раскосых глаз придавали эвенкийке особую обаятельность.

Когда я заговорил о таинственной Белой упряжке, у женщины моментально исчезла улыбка, лицо вытянулось и побледнело.

Даже лохматый, черный с белыми пятнами пес, до этого спокойно лежавший у костра, приподнялся, злобным взглядом окинул меня и ленивой походкой удалился из чума, провожаемый задумчивым взглядом эвенкийки.

Однажды на берегу озера мы увидели чум

Женщина рассказала, что звали Белую упряжку Никанором, но немногие знали его настоящее имя и фамилию. С малых лет Никанор начал заниматься охотой, завел отличнейшую упряжку из белых собак. Родословная собак тянулась десятилетиями. Сначала говорили: «Никанор едет на белой упряжке», а потом так и стали называть заядлого охотника Белой упряжкой.

Однажды Белая упряжка возвращался с охоты через Енисей и попал в трещину. Четыре собаки оторвались и убежали в село, остальные вместе с Никанором и нартами оказались в воде.

Сельчане догадались, в чем дело, приехали и спасли охотника, но собак, которые были в трещине, использовать больше не пришлось. С тех пор у эвенка появились и разномастные собаки, но имя Белая упряжка так и осталось за охотником.

Прошлой зимой поехал Никанор охотничать на песцов. Развирившаяся метель захватила его в тундре. Несколько дней не унималась снежная пурга. Через четыре дня прибежали пестрые собаки. Хозяина с нартами не было, не вернулись и четыре белые собаки.

Весной его напарник поехал снимать капканы и закрывать «пасти» и увидел едва заметную, торчащую из снежного сугроба палку. Подъехав

ближе, он обнаружил замерзшего Никанора с белой упряжкой, занесенного толстым слоем снега.

Чум наполнился тихим посапыванием уснувшего у груди матери младенца. Клубком вкатился белоснежный щенок, смоляным носом обнюхал лежащие на полу бакари^[5] и оленье шкуры. Вошел мальчик, за ним вбежала огромная лохматая белая собака с щенятами.

Женщина молча наблюдала за располагавшимся на старенькой малице^[6] белым семейством любимых собак. Юный эвенк, щуря глаза и закусывая добела губы, вымолвил:

— Никанор — Белая упряжка — это наш папа.

НЕПРИЯТНЫЙ ОПЕКУН

По тревожному лицу радистки я понял, что радиограмма не из приятных. «Потерялся бригадир Морозов, — сообщали строители. — Ведем поиски. Просим оказать помощь». Случилось это в 300 км от города Игарки на восток, где нет никаких сел и деревень.

И вот над тундрой закружились самолеты, вертолеты. По разным маршрутам пошли специальные отряды. В небе одна за другой вспыхивали ракеты.

А произошло вот что. Бригада строителей, возглавляемая Геннадием Морозовым, вышла на новый участок работ, где им предстояло построить вышку для геодезических измерений. С тяжелыми рюкзаками по нехоженой лесистой местности люди продвигались очень медленно. Впереди шел Геннадий. Незаметно он оторвался от бригады. «Построю эту вышку и поеду в отпуск домой, наберу подарков сестренкам, братишкам, — мечтал бригадир, — племянник просил привезти медвежонка, но что ж сделаешь, коли не было в этом году сними встреч». Надвигались мрачные осенние тучи. Потом заливало лицо. Множество писклявых однотонных комариных голосов сливалось в единый продолжительный гул. Приостановившись, Гена обратил внимание на огромный муравейник. Почти метровый холм, аккуратно сложенный из темно-желтой хвои, имел несколько свежих вмятин. Муравьи закрывали все отдушины, тщательно готовясь к дождю.

— Наконец-то приплелась, — возмущаясь, проворчал Гена об отставшей бригаде в ответ на послышавшийся шорох. Но, раздвигая заросли густых лиственниц, тяжело дыша, показался не коллега, а... медведь. Остановился. Его добрые глаза в упор смотрели на пришельца. Ледящий холодок пробежал от приподнявшихся под капюшоном волос до пяток. Пять метров разделяло деревенеющих от взаимного страха двух живых существ. Геннадий вскинул ружье, медведь встал на дыбы, но выстрела не получилось — осечка. Морозов рванул затвор, патрон заклинило.

Бригадир не помнил, сколько времени бежал, сколько раз падал, но всякий раз, оглядываясь, он видел, что медведь следует за ним, казалось, не спеша, вразвалку, но не догоняет и не отстает. Мелкий морозящий дождь насквозь вымочил одежду. Размокшие сапоги, чавкая, утопали в ягеле. С карликовых лиственниц лавиной обрушивались крупные капли воды. Темные тучи окутали тундру, тишиной обдав бескрайние просторы.

А когда Геннадий оказался у самой воды озера Хаканча, косолапый остановился метрах в двадцати от берега. Он не приближался и не отходил.

Стоило Геннадию сдвинуться с места, медведь начинал рычать и подходить ближе, не двигался человек — возвращался на место медведь.

Не скоро Морозов пришел в себя и вспомнил о радиостанции. Он осторожно снял рюкзак, расположился поудобнее. Косолапый спокойно наблюдал и не рычал, пока человек оставался на месте. Так они смотрели друг на друга. Один — готовый в любую секунду броситься вперед, другой — нырнуть в озеро. Но пока такой необходимости не было. Не сразу Геннадий понял, что его часы остановились, значит, установить связь со своими невозможно, так как осуществлялась она только в условленное время.

Наступила ночь. Морозов слышал пролетающие самолеты, видел вспышки ракет. Но как подать сигнал? Медведь, словно часовой, не давал шагнуть в сторону ни на шаг. Трудно сказать, чем бы кончилась эта опека, если б Морозову не удалось поймать сигналы времени какой-то радиостанции, завести часы и сообщить о своих координатах. Произошло это на третьи сутки. Мы сразу же вылетели на место.

Так на берегу озера его и застали. Косолапый, заслышав гул вертолета, убрался восвояси, в лес.

— Это мне в наказание, — сказал Геннадий, садясь в вертолет, — чтоб не отрывался от своих.

И то правда. Иногда и медведь может преподать хороший урок.

ОДИНОКИЙ

Над тайгой, едва не задевая за вершины кедров, тянулась бесконечная черная пелена дождевых туч, сгущавшая темноту. Иногда блики костра освещали седоватую бороду Егорыча, глубоко посаженные серые глаза, затерявшиеся в густых зарослях слегка белесых ресниц, и торчащую во рту трубку, которая насыщала таежный воздух запахом самосада.

Александр, привалившись к стволу дерева, озабоченно всматривался в щетинистую гору, едва видневшуюся в ночной мгле.

— Егорыч, ты скажи, зачем сманил меня работать с этими студентиками. Черт знает, где они сейчас блуждают. Четыре года бродим мы с тобой по таежным дебрям. Закончилось лето, через пару деньков отчалим домой, а ты все молчишь о своей тайне, а ведь обещал.

— Ну, слушай, Санька, давно собираюсь, дружище, тебе все рассказать. Счастливец я...

Далекий выстрел прервал их разговор. Егорыч в ответ несколько раз подряд выстрелил из своей переломки. Запахло пороховым дымом. Александр, светя самодельным факелом, искал во вьюке ракетницу. Встрепенулась на миг тайга, облитая красным заревом искрящегося клубка ракеты. Метеоритным росчерком взметнулось еще несколько цветных полос, освещая подкрановую таежную глухомань.

Заржали лошади, устремив головы в сторону приближающихся. Ответно разразилось многословное эхо выстрела. Впереди ехала Валентина, Андрей, чем-то возмущаясь, плелся на своей лошаденке, прильнув животом к передней луке седла, уберегая лицо от упругих веток-невидимок. Егорыч расседлал взмыленных лошадей. Постучал поварешкой о край миски, положил в нее затвердевшую кашу. Разговор не вязался. Поужинав, все улеглись спать, готовясь к последнему восхождению на пункт триангуляции «Одинокий».

Первым зимним снежком припорошилась тайга. Свистящий утренний ветерок трепал за космы дерева, сбрасывая с них белые хлопья.

Егорыч собрал лошадей, приготовил завтрак, прокричал утреннюю зорьку. Андрей спал непробудным сном. Остальные, проснувшись, занимались подготовкой к восхождению на «Одинокий». Долго Валя уговаривала Андрея пойти на последнюю вышку, но он отказался, доказывая, что это могут сделать и другие на будущий год.

— Сдрейфил, что ли ты, Андрюша? Какими же шарами будем смотреть на товарищей, начальство, — начал Егорыч.

— Я плевал на ваше начальство, через год сам буду начальником. Понял, дед? — перебил его Андрей.

— Друзья познаются в тайге, — покачивая головой, задумчиво проговорил Егорыч.

Старик готовил волокушу для стягивания леса на изготовление плота. За сборы домой полностью нес ответственность проводник. Ему предстояло сколотить плот, наловить на дорогу рыбы, распределить груз.

Скользя по заснеженным камням, Валентина упорно поднималась вверх, параллельно траверсировал Александр, нагрузив на себя все необходимое снаряжение. Поднимались долго, сохраняя молчание, оба думали об Андрее. Валя разочарованно перелистывала в памяти страницы студенческой дружбы. Александр все лето презирал Андрея и одновременно завидовал ему. Теперь они заглянули в глубину души студента, поняли его.

Глаза Валентины покрылись слезной пеленой от резкого, порывистого ветра. Смахнув слезы, студентка прильнула к теодолиту, напрягая глаза.

— Давай попробую, — передав журналы, предложил Саша.

— А ты что, разве когда наблюдал? — недоверчиво проговорила Валентина.

Четкое, аккуратное заполнение журнала наблюдений Александром приятно удивило девушку. Только теперь она вспомнила, что Саша учится заочно в техникуме.

Показавшееся солнце растопило снежное покрывало. Попискивали бурундуки, перебегая от одного укрытия к другому. Снизу, со стороны лагеря, доносились тревожные крики кедровок. Закончив геодезические измерения на «Одиноком», Валя с Александром отправились к палаткам.

Сумерки окутали пустынный лагерь. Александр носил к костру дрова. Валя потрошила хариусов.

— Ушица на славу. Но неужели они до сих пор рыбачат, — нарушив затянувшееся молчание, произнес Саша. Жар костра лизал раскрасневшиеся лица сидящих. Пофыркивали пасущиеся лошади. Саша сидел, прижавшись к одинокой, заплутавшей в еловых зарослях березке. Когда-то охотнику понадобилось разжечь костер, и он снял с березы тонкий слой коры. Опоясанная потемневшим орнаментом, стояла она, стройная, горделивая. Валя сидела рядом с Сашей на колодине, любуясь выкатившейся луной и мерцающими бликами на темной поверхности говорливой реки. Их плечи доверчиво соприкасались. Оба молчали, Саша дотронулся до Валиной руки и стал перебирать ее покорные обмякшие пальцы. В этот момент она казалась ему очень и очень близкой.

Изредка вздрагивал костер, выбрасывая искры в потемневшее звездное небо, распространяя запах кедровых жареных орехов.

— Поди спите уже или нет? — раздался голос подъехавшего с рыбой Егорыча. словно ледяной водой окатило сидевшую на колодине пару. Позади шел с одним, подвешенным на жилку, хариусом Андрей.

После ужина Александр подошел к Егорычу. Старик сидел у костра, поджаривая орехи, курил трубку. Потрескивал костер, обжигая лица, окрашивая их в пунцовый цвет.

— Егорыч, так почему ты настаивал взять этих двух студентов? — Прищурившись, старик следил, как горели в костре кедровые шишки.

— Ты же знаешь, что я одинок. В конце войны забрали меня в труд-армию. Через полгода умерла жена. С тех пор я и скитаюсь по экспедициям. Нынче зимой поехал в свое родное село, первый раз после войны. Встретил старинного своего приятеля, пошли с ним к Платоновне — единственной знакомой соседке, оставшейся в живых. Пришли, а избенка наполнена народом и горьким запахом горящих свечей. Увидев меня, Платоновна обомлела.

— Егорыч, ты ли это? Живой? Что же раньше не показывался? Хоть сейчас успел: помираю я. Жена твоя, Валя, умерла при родах, оставив дочь, я ее назвала тоже Валею. Тебя считали погибшим. Расскажи Валентине.

Глаза Егорыча набухли. Крупные капли слез скатывались по морщинистому лицу, скрываясь в густых усах и бороде бывалого проводника. Двадцать два года жил один-одинешенек, а совсем рядом росла дочь. Замолк хрипловатый голос Егорыча, окрасился зарей восток, нарастали звуки звонких птичьих голосов. Тайга просыпалась.

Через год Саше вновь пришлось возвратиться на Бирюсу. Теперь они работали втроем, одной семьей.

Глаза Валентины покрылись слезной пеленой от резкого, порывистого ветра. Смахнув слезы, студентка прильнула к теодолиту, напрягая глаза

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

Васильковые глаза белокурой девочки внимательно следили за карабкающимся по отвесной гранитной скале человеком. Обросший, утомленный, обливающийся крупными каплями пота, геолог, сделав неверное движение, завис над пропастью на страховочном канатике. Вылинявшая клетчатая рубашка, пропитанная соленым потом, прилипла к мокрой спине. Шла отчаянная борьба за жизнь. «Стоп! Сначала! Дубль третий!» Эти слова ненадолго выводили девушку из оцепенения. Она вспоминала, что перед ней не настоящая жизнь, а всего лишь киносъемки. Но через мгновение Светлана снова забывалась и, затаив дыхание, следила за этой борьбой за жизнь. Так хотелось броситься на помощь и спасти человека!

...Глубоко врезались в память Светланы Париловой эти дни, когда недалеко от их села по Усинскому тракту велись съемки фильма «Неотправленные письма» о трагической гибели геологов. Светлана с большим удовольствием согласилась проплыть по ледяной воде реки вместо актрисы Татьяны Самойловой.

И тогда решила Света стать геологом.

Учеба в институте, особенно производственная практика на Дальнем Востоке, убедили: в выборе профессии студентка не ошиблась. В суровой селемджинской тайге Светлане пришлось преодолеть немало трудностей. Но самое тяжелое испытание она прошла, когда начальник отряда тяжело отравился некачественными консервами. Впервые на будущую специалистку легла громаднейшая ответственность — по карте вывести отряд в село. Не заблудиться, как можно скорее доставить в больницу начальника отряда. Строгие испытующие глаза рабочих недоверчиво смотрели на Светлану. «Когда мы выйдем?» — этот немой вопрос читался в их взглядах. Интуиция и умение ориентироваться в лесу, выработанные девушкой в сибирской глухомани, не подвели ее и здесь, в дальневосточной тайге. Долго боролись за жизнь начальника отряда врачи, и она была спасена.

По окончании института Свету направили на работу в родные места. Непроходимая саянская тайга и неизведанные ее кладовые предстали перед молодым специалистом.

Как-то летом загорелась тайга. Несколько дней бушевала стихия. Пламя окружило партию Париловой. От дыма Светлана потеряла сознание. Очнувшись, она увидела страшную картину: тлеющие деревья, обгоревшая

одежда, разбросанное снаряжение. Все кругом приобрело черный цвет, покрылось сажей и пеплом. «Где же Игорь? — вдруг подумала девушка. — Ведь возвращались из похода с ним вдвоем».

У рассыпанных образцов лежал Игорь, из его груди раздавался тихий стон. Обгоревшее лицо и одежда производили жуткое впечатление. Собрав сохранившиеся куски спальных мешков, палатки, одежду, Светлана уложила на эту постель Игоря и принялась тянуть волокушу по заваленной остатками пожара тропе. Да, это было намного труднее, чем нести рюкзак с образцами, но другого выхода не было. Споткнувшись, Светлана упала и долго лежала, затем приподнялась, уселась на колодину, повернула Игоря на спину. Только теперь она заметила, что из кармана его противоэнцефалитной куртки торчит обгоревшая записная книжка. Вынув ее, Светлана увидела комсомольский билет, один угол которого был сильно обожжен. Фотография совсем юного Игоря. Девушка взглянула на его лицо, перевела взгляд на фотографию — и ей стало жутко. Казалось, что перед ней совсем другой человек. Нужно торопиться, срочно в больницу. Светлана вынула свой комсомольский билет и затолкала их вместе в сохранившийся карман. Два дня продолжалось это мучительное передвижение. Когда девушка увидела Верхнеусинское, двигаться она больше не могла.

Придя в себя, Светлана увидела склонившихся над ней людей в белых халатах.

— А Игорь жив? — прошептала больная.

— Да, он будет жить, он уже в Новосибирске, — спокойно ответил седоволосый врач. И на измученном лице Светланы появилась слабая улыбка.

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Вертолет набрал высоту, и мы увидели: внизу простиралась необъятная снежная равнина тундры, разлинованная вереницами звериных следов. Голые лиственницы, наполовину засыпанные снежными сугробами, плотными стенками окаймляли ручьи и озера. Темная кайма то утопала полностью в белом одеяле, то вновь вырастала, сопровождая невидимую извилистость ручейков. Показалось темное пятно вырвавшейся на свободу реки. Над водой клубился пар. Светило солнце. Его бледно-желтый диск висел над серо-серебристой дымкой горизонта. Мы напряженно всматривались вдаль. Мне все еще слышались тревожные позывные радиста: «Хантайка, Хантайка, почему молчишь?» Но Хантайка не отвечала. Что случилось? Почему отряд Макушина не выходит на связь? Это беспокоило меня, да и не только меня. Вот почему мы вылетели, не дожидаясь, пока успокоится пурга, которая и сейчас гнала поземку по равнине, как вспенившиеся волны.

Мы знали, что Макушин неробкого десятка, энергичный и предусмотрительный. Он произвел на нас хорошее впечатление, будучи еще на практике в Восточных Саянах. По окончании института его направили к нам, и Василий сразу же получил ответственное задание: обследовать участок Крайнего Севера, собрать все нужные изыскателям данные. Сроки обследования сжатые, а условия работы трудные: двухметровый снег, частые метели, сильные морозы.

На берегу озера мы заметили костер у палатки.

— Вот их лагерь, — обрадовался начальник партии. Мы пошли на снижение. Услышав шум вертолета, люди выскочили из палаток. Они махали руками, подбрасывали вверх шапки. Коснувшись земли, вертолет слегка качнулся и замер. Мы сошли на снег. Первое, что бросилось в глаза, — куски свежего оленьего мяса, разложенные на брезенте. Через несколько минут Василий Макушин угощал нас жареным мясом.

— Медвежья услуга, — сказал, ухмыляясь, он, — как манна с небес, нежданно-негаданно. Хотя страху пришлось нам пережить. Мы возвращались на лыжах из дневного маршрута. Окрик заставил всех обернуться. Последний рабочий карабкался, провалившись по пояс в воду. Вытащили обледеневшего товарища, разожгли костер, долго растирали застывшее тело. Одели в свою одежду. А как только высушили спецовку, направились дальше. За разговорами так увлеклись, что не заметили, как подошли к палатке. Вдруг видим у самого входа — медведь. Все озеро

истоптано, словно здесь играли в футбол. Сидит мишка на задранном олене и преспокойно уплетает мясо. Что делать? При нас ничего нет. Оружие и все снаряжение в палатке. Отступили мы малость и ну кричать, махать руками, свистеть, а он хоть бы что, посмотрит на нас и опять за свое.

С наступлением темноты усилился мороз. Тогда мы насобирали сушняка, разожгли огромный костер и изготовили факелы. Вначале несколько огненных головешек бросили в непрошеного гостя. Он приподнялся на задние лапы, злобно рыча, начал отступать. Тогда мы, осмелев, с факелами в руках стали подходить ближе к лагерю. «Отвоевав» палатку, несколько раз выстрелили из карабина по медведю. Басовый рев прокатился по звенящей морозной тундре. Косолапый убежал в сторону лесочка, преследуемый матовым светом выкатившейся луны. На наше негостеприимство мишка не осерчал, даже полтуши оленя оставил.

ВЫСТРЕЛ У ОБРЫВА

Курились замшелые крыши домов. По поселку бродили вымокшие, взъерошенные после ночного дождя олени.

Ирина, дочь охотника Саганова, укладывала в сумину вещи и продукты, готовясь к охоте. Она изредка подправляла густые, коротко подстриженные волосы, щекотавшие обветренные щеки.

Неожиданный выстрел за рекой насторожил тофаларку. Прислушалась. Второй выстрел. Охотница выскочила из юрты и быстро побежала к реке. На противоположном берегу Гутары целился в свою добычу Саганов. Олененок уже не двигался, он стоял, прислонившись к обрыву, опустив голову.

— Два-ноль в пользу отца! — громко и задорно вскрикнула Ирина и вернулась в юрту. Старик опять приложился к ложу ружья.

Я по переходному мостику рванулся к охотнику, который тем временем вновь открыл огонь по олененку. Вслед мне что-то кричал, размахивая руками, наш радист. Не останавливаясь, с руганью я бежал по узенькой тропинке, цепляясь ногами за кусты багульника. Пальцы невольно сжимались в кулаки. И мне хотелось бросить в лицо охотнику: «Негодяй, браконьер...»

— Смотри, смотри, товарищ! Иринка говорила, что я слепой, — радостно сказал мне старик, показывая пальцем в сторону обрыва. В глазах его искрились огоньки счастья. Саганов выглядел очень бодро. Из рта торчала замусоленная дымящаяся трубка, окуривая чахлую растительность бороды и усов. Патронташ крепко опоясал небольшую коренастую фигуру охотника.

На отполированных водой палках, воткнутых у самого берега, стояло взъерошенное стрельбой чучело олененка...

Я смущенно возвращался на базу партии, ругая себя за преждевременный вывод. У голубичных кустов, наполовину затонувших в воде, ныряли утки, покачивались на волнах утята, уткнувшись в изумрудную зелень верхушек затопленной травы.

А когда вечернее безмолвие сковало таежную глухомань, я решил пройтись по поселку.

Смотрю, охотник Тулуник, прижавшись к карабину, из окна своего дома целится в юрту, что стоит в огороде. Я хотел окрикнуть его, но, вспомнив случай у обрыва, смолчал.

Тофалария есть Тофалария. Такое здесь может встречаться на каждом шагу.

...Утром торопились в тайгу. Зашел я в пекарню закупить на первые два-три дня хлеба. Но здесь мне посоветовали вместо хлеба прихватить с собой побольше боеприпасов. В тайге, говорят, развелось очень много зверья. Вчера вечером росомаха пришла даже в деревню. Ее убил охотник Тулунник в своей юрте.

ХИЖИНА БОБИРЫ

Среди бескрайних тундровых болот, покрытых рыжеватым мхом и редкой осокой, выделялся островок лиственниц. Корявые, бородавчатые деревья сутулились на небольшом ягельном мыске. Петляя по лесу, мы обходили чащобы, завалы комлистых валежин. Продвигаться без рубки становилось невозможно.

Взмыленные олени остановились, шоркаясь головами о вьюки. Они судорожно вздрагивали, пытаясь спугнуть назойливых паутов.

Дым костра успокоил оленей. Услышав, как где-то тревожно взвизгивает наша собака Угрюм, я взял карабин и отправился к ней.

В зарослях лиственниц на берегу небольшого ручейка приютилась крохотная избушка. У плотно закрытых дверей постукивал Угрюм. Ветхая избушка наполовину вросла в землю, бревенчатые стены обметало седым лишайником. Время уничтожило всякие признаки троп, ведущих к заброшенному жилью. На плоской задернованной крыше среди веток багульника возвышалась засохшая березка. Когда-то уединившееся деревцо прижилось, но мало оказалось земли и влаги на крыше мертвого жилища, и березка засохла.

Видно много десятков лет назад какой-то одинокий скиталец оставил свою крохотную хибарку. За сотни километров нет ни одной фактории^[7] до самых берегов Ледовитого океана.

Подошедший каюр Филипп Демидович с опаской обошел полусгнившее строение. С трудом мы открыли замшелую покосившуюся дверь. Из темноты пахло плесенью. Несколько сгнивших бревен потолка уткнулись концами в пол. Вместо окон прорублены квадратные маленькие отверстия. Вдоль стены чернеют истлевшие нары. Затаившаяся избушка дышит промозглой сыростью. В углу возвышается груда трухи. Демидыч, ковыряя палкой гнилье, извлек из кучи истлевший берестяной туесок с осколками напильника. Среди них лежало распиленное железное кольцо. Здесь же, среди истлевших оленьих шкур, нашлись две ржавые гильзы и ружье. Из-под завалившихся нар каюр вытащил изъеденные ржавчиной кандалы.

Звон кандалов словно разбудил тундру. С озера поднялись гагары, тревожно перекликнулись журавли. Испуганный Угрюм замер на мгновение, обнюхивая гремучие цепи в руках Демидыча.

Клочки пожелтевшей бумаги, уложенные в углу нар, не сохранили никаких надписей.

Полдня мы ворошили затхлую рухлядь, но ничего больше не нашли. Почему беглец оказался здесь? Кем он был? Преступником? Эти вопросы нам не давали покоя.

Год спустя мне удалось найти на них ответы. Житель поселка Таймыр, старый эвенк Топтогыр, оказывается, знал владельца заброшенной вдали от стойбища избышки. И вот что он поведал.

...Однажды в стойбище появился молодой эвенк и рассказал, что нет теперь царя и купцов нет. И что у богатеев оленей надо забирать и делить между бедными. Пришелец собрал оленеводов, охотников в один чум и подробно рассказал, что в соседних стойбищах уже раскулачены зажиточные эвенки. Паренек бойко читал бумаги, объясняя происшедшие события. Обрадовавшиеся люди долго советовались, обсуждали, как лучше обезоружить богатых, что с ними делать.

Но кто-то выдал незнакомца. Богачи узнали о тайном стоворе, схватили ночью парня, заковали его в цепи. Губы проткнули железным кольцом, лишив пришельца возможности разговаривать. Купцы собрали жителей с надеждой, что чужак откажется от своих намерений при всем народе, но несгибаемым оказался Бобира, так стали называть молодого парня. Измученный, со сгустками крови на губах, Бобира не отрекся от своих убеждений.

От приезжавших в стойбище эвенки узнали, что действительно некоторые соседи освободились от порабощения.

Крепко охраняли закованного, но бедняки выкрали и увезли Бобиру на оленях в тундру. Скрываясь от преследования, он срубил хижину далеко от селений. Охотники снабжали своего товарища махоркой, мясом, мукой, солью. Скоро Бобира освободился от железной тяжести кандалов, перепилил и кольцо, сковывавшее губы.

Часто навещали эвенки своего любимца. К Бобире приезжали и из других стойбищ. Здесь, в далекой хижине, готовился план раскулачивания богачей.

Однажды после длинной зимней ночи над тундрой показалось долгожданное солнце. Дети барахтались в снегу, радуясь празднику весны. Взрослые, покуривая, стояли у чумов, всматриваясь вдаль. К стойбищу приближались олени упряжки. На передних нартах сидел Бобира. В тот день и началась новая жизнь для эвенков фактории.

Немногословный старик закончил рассказ, а меня заинтересовало, почему назвали парня Бобирой, жив ли он?

Эвенк задумчиво покачал головой, выстукивая пепел из трубки:

— Шибко мало, мало жил Бобира, помер. У нас значитя Бобира, а по-вашему — «Рваная губа».

ПРИМЕТЫ ЖИЗНИ

— Трясогузки, трясогузки прилетели! — восторженно кричал мальчишка, подбегая к каждому дому. Это сообщение молниеносно облетело весь поселок. И он точно ожил. У домов появились люди. Суетились большие и малые. Они собирались в дорогу.

Времени было три часа ночи, но над снежной долиной мерцал блеклый солнечный диск. Я пытался понять, что же произошло?

У крайнего чума стоял эвенк Топтогыр. Он самый старый по возрасту на всем Таймыре. Топтогыр никуда не собирался. Прищуриваясь и попыхивая трубкой, он спокойно озирает поселок. Я подошел к нему и попросил объяснить причину столь поспешных сборов.

— Прилетят трясогузок, — сказал он, — нынче запоздал на целых десять дней. А коль они прилетели, начнут скоро появляться на свет маленькие оленята. Это верная примета. Вот народ и спешит на стойбище, в помощь оленеводам.

В это время из чума вышла огромная взлохмаченная собака. Она лениво встряхнулась и направилась к нам.

— Не укусила бы, — сказал я, опасливо озираясь на собаку.

— Не-е-т, — успокоил меня старик, — она совсем слепая. Белка! — позвал он ее ласково. Собака подошла к Топтогыру и неожиданно лизнула ему руки.

— Видно, хорошая собака-то была? — спросил я. Старик не сразу ответил. Мне показалось вдруг, что в глазах его мелькнули слезы.

— Она не раз спасала мне жизнь, — проговорил он со вздохом. И рассказал, как однажды, закончив зимнюю охоту, возвращался он домой с богатыми трофеями. Бежали трусцой его усталые собаки. Лучи заходящего солнца золотили тундровые просторы. Начиналась поземка, набегая снежными волнами навстречу упряжке. Вдруг старик увидел бежавших с горы наперерез волков. Вначале охотник крикнул на собак, но, опомнившись, остановил упряжку. Приготовил нож, патроны, порастолкал обоймы по всем карманам. Затем привязался крепко-накрепко к нартам. Самую ленивую собаку затолкал в мешок, привязал его маутом и положил в нарты. Услышав накатившийся вой волков, собаки стремглав бросились домой. Рассвирепевшая волчья стая настигала нарты, намереваясь наброситься на собачью упряжку. В этот момент Топтогыр сбросил мешок с собакой. Пронзительно визжала она из тащившегося на мауте трепещущего мешка. Свора серых набросилась на приманку. Охотник открыл стрельбу по

сгрудившейся волчьей свалке. Сквозь кружившуюся снежную пыль было видно, как уменьшается серая стая. Несколько темных пятен рассыпались вдоль дорожки, оставаясь навечно лежать в снежных сугробах. Другие бросились по сторонам.

Неожиданным прыжком один из волков набросился на охотника. Клыкастая разъяренная пасть несколько раз впивалась в тело старика. Долго продолжалось единоборство на нартах. Дважды вонзался охотничий нож в хищника, и наконец-то обмякшее тело волка свалилось с нарт.

— А как только шмякнулась эта безрогая тварь с повозки, я крикнул: «Домой! Белка, домой!» Белка была вожаком упряжки. Очнулся в больнице. Подморозил руки и ноги, но остался жив. В тот день я и поклялся, что буду кормить Белку до самой ее старости. М-да. Вот и смерть ее подходит. Весь день сегодня лижет мне руки. Значит, жить ей осталось недолго. Это верная примета.

И в самом деле. На второй день ярче засветило солнце. На Хантайке тронулся лед. Со стойбищ поступали сведения о рождении оленят. А вскоре не стало и Белки.

СЫН ХАНТАЙКИ

О смелости и находчивости юного Топтогыра мы слышали чуть ли не легенды, рассказывали нам об его отчаянных схватках со зверем, о его необыкновенно сильной натуре. Когда вошел к нам каюр и назвался отцом Топтогыра, мы предложили ему место за нашим столом с особым почтением. Коренастый, сухощавый, медлительный, лицо обветренное, испещренное многочисленными морщинками, — все эти качества характерны для эвенка преклонных лет. Возраст определить трудно. Темно-коричневым указательным пальцем старик постоянно поправлял в дымящейся трубке табак. Из узких прорезей век смотрели невозмутимые глаза. Немного помолчав, гость снял шапку. В избушке было жарко. Железная печка накалилась докрасна, но окна не оттаивали — на улице мороз 52° С. В такие холода мы предпочитали отсиживаться и не без восхищения наблюдали, как эвенки продолжали работать, не обращая внимания на погоду.

Знакомясь с новой местностью, где предстояло проводить геодезические работы, мы интересовались всем: и характером рельефа, и растительностью, и гидрографией. Поэтому разговор со старым каюром получился долгим. Эвенк давал исчерпывающие ответы на все наши вопросы. Он знал местность, как свои шершавые ладони. Каюр перевел много географических названий, объяснил, как и почему они давались. По большей части Таймыра он кочевал с табунами оленей. Ему знакомы все избушки, затерявшиеся в безлюдной тундре. Когда мы попросили рассказать о сыне, у старика заблестели глаза, суровые складки лица смягчились. Он затаился трубкой и начал не спеша.

Топтогыр родился в чуме, далеко от стойбища, в период, когда нет солнца, тундра окутана злобещей темнотой, морозы сменяются снежными бурями. Тонкие струйки ледяного колючего ветра сквозили во все щели и швы чума. Роды были трудные, мать пришлось похоронить в тундре. Остался оленевод с большим стадом оленей и крошкой-сыном. Тяжело пережил оленевод смерть жены. Крепко он любил ее и перенес свою любовь на сына. Поил его оленьим молоком, ухаживал, как мог. Условия воспитания ребенка были очень суровыми. Лютые морозы, отсутствие опыта в кормлении младенца и обращении с ним — это лишь основные трудности, а много, много было и других.

Та безмолвная зима казалась бесконечной. Порой плакали и отец, и сын, захлебываясь слезами, но сын всегда выходил из этих ситуаций

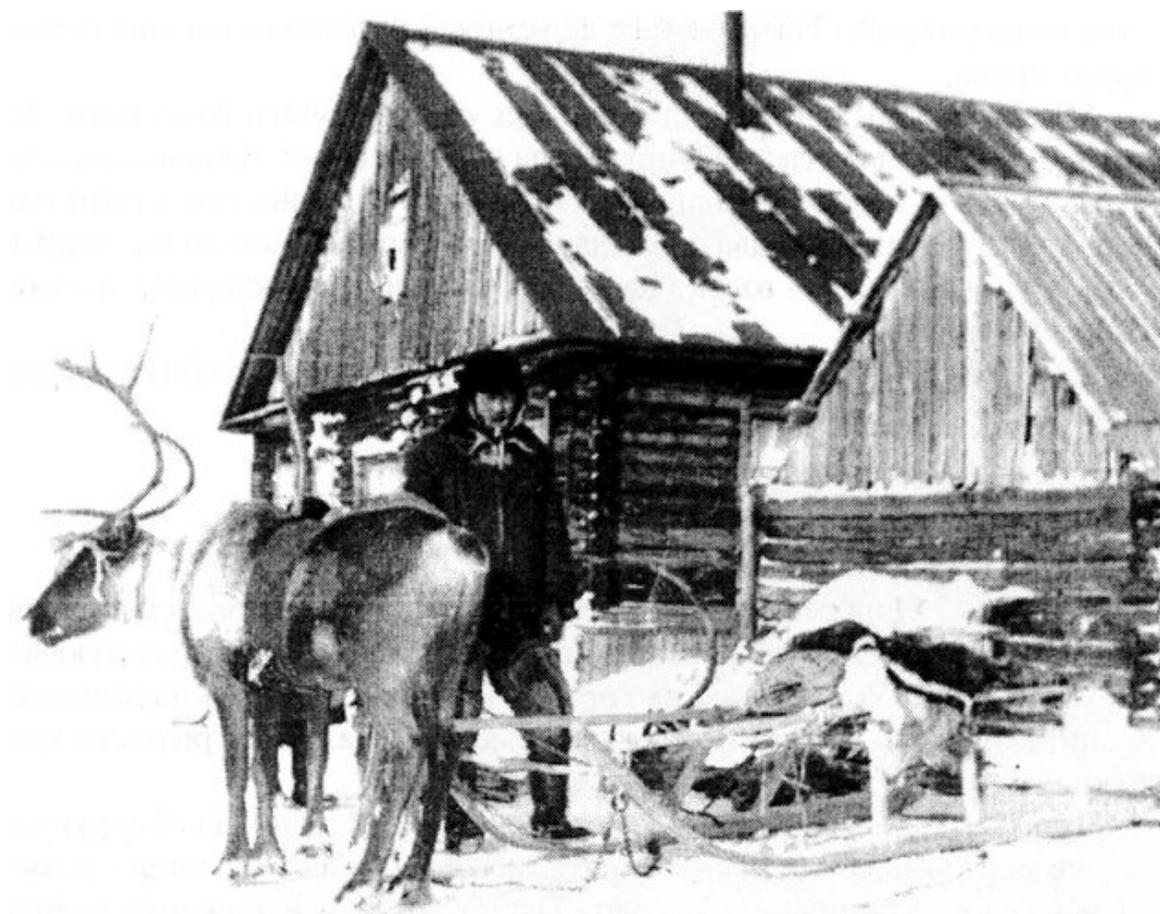
победителем. Его пронзительный рев не умолкал и сливался со стоном озябшей промозглой тундры. С четырех месяцев отец начал подкармливать сына рыбой, мясом. Парнишка рос на удивление крепким.

С пятилетнего возраста Топтогыр уже помогал отцу пасти оленей, а в семь лет, когда отец уезжал на охоту, оставался со стадом оленей один. Случалось каюру возвращаться через две-три недели, но дома все было в порядке. Потом он стал приобщать сына к охоте. Мальчик оказался очень смышленным и вскоре стал настоящим охотником. В двенадцать лет он возвращался с богатой добычей пушнины, а в двадцать в округе не было охотника, равного ему.

Старый оленевод предложил Топтогыра в проводники. Мы охотно согласились, а старик обрадовался. Но когда сообщили, что работы будут проводиться на Хантайке, оленевод неожиданно помрачнел и отказался. Оказывается, по старому эвенкийскому поверью, человек должен умирать там, где родился. Сын каюра родился на Хантайке, а значит, и вернется туда лишь умирать. Такую клятву дал старый оленевод и нарушить ее не имеет права.

Мы проводили каюра на улицу и здесь увидели юного Топтогыра. Все это время он стоял у оленьей упряжки на лютom морозе. Юноша оказался очень рослым, с приятным лицом. Он был без рукавиц, с расстегнутым воротом шубы, шапка едва держалась на огромной копне волос, черных как вороново крыло. И только сев на нарты, он надел рукавицы и натянул покрепче шапку.

Улыбнувшись нам на прощание, Топтогыр лихо развернул оленей. Скоро на снегу остались только следы от нарт.

О смелости и находчивости юного Топтогыра мы слышали чуть ли не легенды

СКРАДОК

Наш старый приятель Тюлюш Хуурак проводил нас до перевала, показал тропу и возвратился в свою юрту, затерявшуюся в верховьях реки Ус у подножия гор, где кончается тайга и начинаются альпийские луга. Всей семьей Хуурак выезжает каждое утро пасти колхозный скот в эти места.

Продвигались медленно, старая тропа порой исчезала. Вокруг казалось мертво и пусто, птицы спрятались в непролазные чащи густого кедрача, все затаилось и замерло. Тепловатые лучи тусклого солнца сквозили через рассеившуюся пелену седой вуали тумана.

С тревожным криком метнулась кукушка, оповещая всех обитателей тайги о нашем появлении.

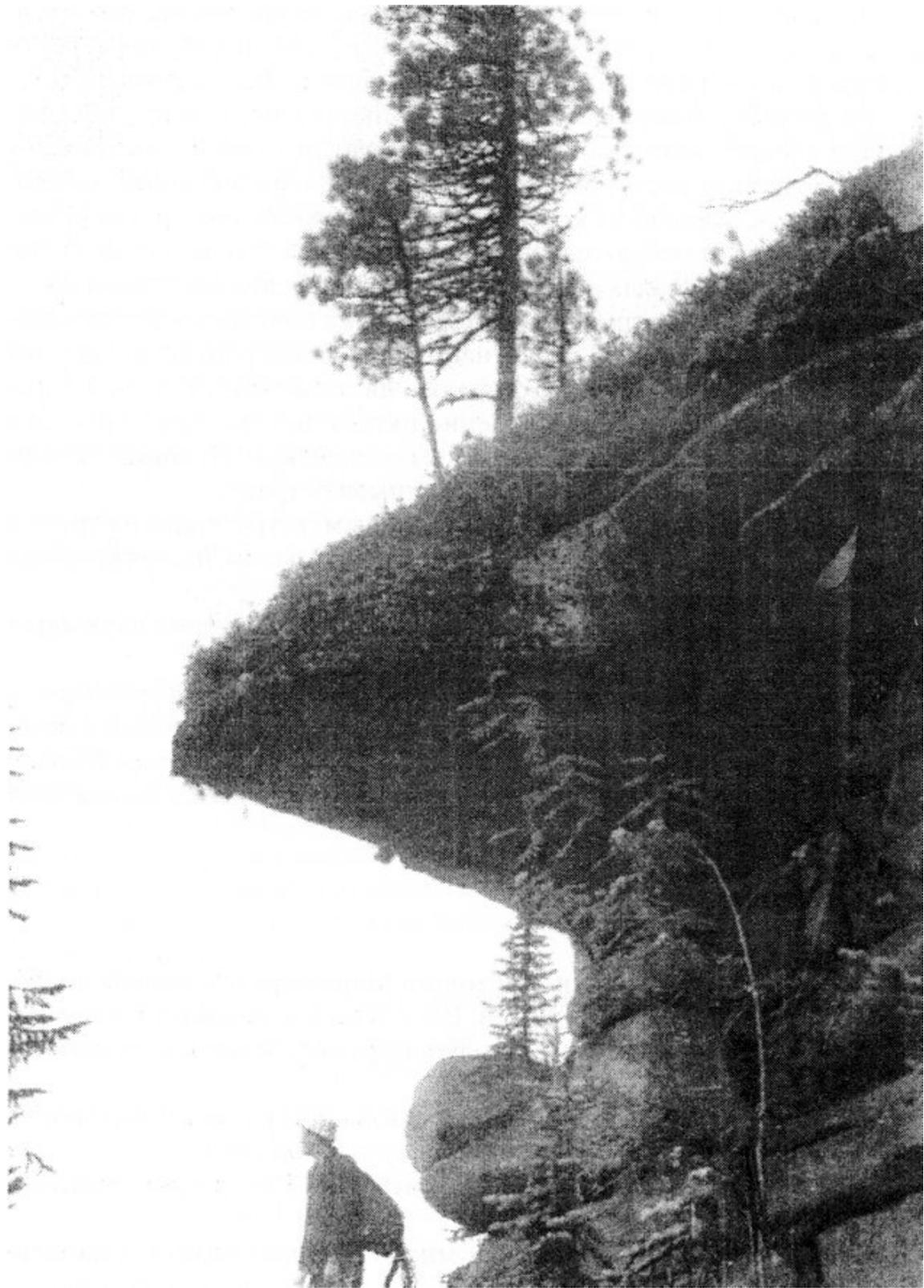
Остановившись, идущая впереди старая экспедиционная лошадь по прозвищу Филька пугливо осмотрелась вокруг, настороженно прислушалась к надрывному крику птицы, которая, распутив хвост, плавно балансируя, перелетала с одного дерева на другое.

Ожила безмолвная тайга, вспорхнуло несколько маленьких, задорных птичек. Показались просветы. Перед нами открылась огромная поляна, окаймленная скалистым десятиметровым обрывом. Посреди поляны, усыпанной яркими огненными цветами, виднелся едва заметный маленький шалашик, утопающий в сочной зеленой траве.

Трофимыч дернул за повод Фильку, жадно припавшего к влажной траве, и устремился по тропе к шалашу.

Сориентироваться было трудно, карта устарела. Мое внимание сосредоточилось на каменистом, причудливой конфигурации останце. Северная его часть отшлифованной вогнутостью погрузилась в таинственную, уходящую в неизвестность темноту. Из скалистой пасти веяло прохладой и запахом плесени. У основания с южной стороны виднелась глянцевая со светло-желтым оттенком взрыхленная поверхность, покрытая чахлой, поблекшей травой, это оказались богатейшие естественные солонцы, ископанные многочисленными обитателями тайги: козами, маралами, сохатыми.

Зарисовав скалу, я направился к Трофимычу.

Мое внимание сосредоточилось на каменном, причудливой конфигурации останце

Крестясь, старик всматривался испуганными глазами в шалаш. Целая куча маленьких досок с изображениями святых, проржавевшие и полусгнившие иконы, поросшие травой, были аккуратно уложены. Не один десяток лет они пролежали здесь.

Лошади настороженно смотрели. Они даже не притрагивались к траве, казалось, сейчас сорвутся с места и убегут. Меня охватил страх, я чувствовал, как на голове приподнялись волосы. Все оцепенели.

Трофимыч сдвинул самую большую икону и вдруг вскрикнул, отскочив, словно ужаленный. Лошади вздрогнули, отпрянули назад.

Вытаращив на нас огромные диковатые глаза, бледнолицый рыжеватый парень, стоявший на коленях и крепко сжимавший в руках ружье, смотрел на нас. В любую секунду он мог разрядить стволы в упор. Испуг всех заморозил. В молчании шли минуты. Мы боялись пошевелиться.

Губы незнакомца дрожали. Бледные руки покрылись фиолетовыми вспухшими жилами. Старый наполненный патронташ опоясывал ватную, вконец изношенную фуфайку, цвет и возраст которой определить было невозможно. Медленно пятясь, незнакомец удалился в тайгу. Долго мы стояли в молчаливом оцепенении. Наконец, зафыркали лошади и спокойно начали пощипывать траву.

Через неделю, возвращаясь в село Иджим, встретились на тропе с тувинцем Тюлюшем. Пользуясь небольшим отдыхом, пастух разуздал взмыленную лошадь и объяснил:

— Ганьку рыжего, подлеца, свез начальствам. Сатанюка двух маралов на иконных солонцах погубил.

Старик рассказал о затерявшихся в тайге иконах, из которых браконьеры сделали скрадок для охоты на маралов. Их везли обозом к белогвардейцам, сражавшимся против сибирского революционера Щетинкина, но белые были разгромлены у второго переезда Ус, а иконы так и остались в тайге.

БЕРЕЗКА

В круглое окно вертолета Марина разглядывала подбегавших по узенькой тропе людей. Все одеты в зеленые противоэнцефалитные костюмы, на головах шляпообразные белые накомарники с черными сетками.

Бортмеханик открыл дверь. Марина взвалила на свои покатые плечи мешок и вышла с поклажей навстречу зеленой толпе.

— Девушка, что вы делаете! Надорветесь! — Юноша снял мешок и взял его на руки.

— Следуйте за мной, здесь у нас много крапивы, можете ужалиться.

У девушки потемнело в глазах.

«Опять надорвалась, всю жизнь этот проклятый живот мучает», — думала Марина, следуя за пареньком по кустарниковым зарослям. Она старалась наступать на корни деревьев, которыми была переплетена тропа. Ноги скользили по корневищам.

С малых лет надсадилась Марина. Детство было тяжелым. В начале войны погиб отец, а во время блокады Ленинграда умерла мать. Девочка запомнила, как ее уводили из дома незнакомые женщины, а у матери, лежавшей на полу, крысы выедали щеки.

В вагоне ее везли вместе со многими осиротевшими ленинградцами. Детдом разместился в огромном сибирском селе Тигрицкое. Повариха, бабка Ульяна, частенько правила живот девочке веселкой, иногда банным веником, обмотав тряпкой черенок, заворачивала пуповину в разные стороны. После этого становилось легче, а на другой день девочка забывала о своей болезни.

После войны всех эвакуированных вывозили в родные места. Марина осталась в селе. После школы уехала в Новосибирск, пошла работать на завод и заочно закончила геодезический институт.

И вот первые шаги на производстве — коварная река Казыр. Этот участок малоисследованный, хранящий много тайн. Темно-зеленая бахрома упрятала в своих владениях природные дары.

Мечта Марины сбылась, давно она хотела сюда попасть, много читала о коварстве Казыра, о тех, кто начинал этот край изучать.

Вечером, улегшись под полог, вооружившись веселкой, девушка занялась самолечением. С ноющим однотонным завыванием, зависая над марлей, плавали комариные силуэты. Жалобные мелодии жаждущей стаи усыпляюще подействовали на приезжую.

Утром, лежа в спальном мешке, Марина вспомнила про паренька, который помог ей, а она даже не поблагодарила. Все они одеты так, что не угадать, кто есть кто. Ей казалось, что он очень хороший, в этом она почему-то была уверена.

— Холодец из комариных лапок готов, — проголосил дежурный по лагерю. Из открытых дверей кухни потянуло ухой, наполняя тайгу ароматным запахом вареного хариуса.

В крайней палатке под аккомпанемент гитары пели знакомую студенческую песню:

...Если мы поднаврали в расчетах
И ошибку получим в углах,
Соберем арифмометры, счеты,
Разбросаем ее в пух и прах...

Веселые напевы землепроходцев порой заглушал гул высоченных деревьев. Содрогаясь от ветра, они разносили резкий шум по всей казырской глухомани. Клейкие листочки белостволки долго перешептывались с темными иглами кедров. Дрожащие листья поблескивали на солнце своей лакированной поверхностью среди мрачных стволов деревьев.

Марине вспомнились березы в Тигрицком, там их много-много за прудом. Те-корявые, низкорослые, покрытые дорожной пылью. Эта березка, высокая, стройная, охраняется молодыми красавцами кедрами.

За столом девушка всматривалась в лица юношей, стараясь определить, кто из них помог ей дойти до палаток.

Взгляд ее встретился со взглядом молодого человека, сидящего на краю скамьи. Он слегка улыбнулся, блеснув белизной зубов. Девушка смущенно отвела глаза.

— Это он.

Светлое лицо и густые, сросшиеся на переносице выразительные брови юноши запечатлелись в памяти Марины. Несколько раз девушка пыталась повернуть голову и рассмотреть лицо, но сразу же бровастый парень перехватывал ее взгляд.

Позавтракав, начальник партии расстелил на походном столе карту, показал маршрут, который предстояло выполнить Марине вместе с этим юношей по имени Николай.

Первый день ушел на сборы. Получали на складе продукты, набивали рюкзаки и выючные сумины, знакомились с материалами, чинили одежду,

топили баню. Впервые Марине пришлось мыться в таежной походной бане. Ее устроили на берегу реки. Разожгли огромный костер, наложили булыжников, разогрели их докрасна. Затем убрали головешки и натянули палатку. Воду грели в ведрах. В бане было очень жарко. Парни парились до позднего вечера.

Утром, когда солнце позолотило вершины гор, отряд был готов к отправке. Лошади переступали с ноги на ногу, обижаясь на излишнюю тяжесть груза. Трофимыч еще раз подтянул ослабшие подпруги, и караван, вытянувшись, направился по тропинке вдоль ручейка вверх по течению. Скоро тропа затерялась. Идущий впереди Николай теперь вел по азимуту, частенько сверяясь по компасу. Оставив Трофимыча разбивать бивак на лужайке у ручья, Марина с Николаем пошли на вершину горы. Над тайгой опустились сумерки, помешав выполнить первые наблюдения. К палаткам возвратились поздно. Большая Медведица повисла над щетинистой горой, наполовину спрятавшись за скалистой вершиной. Добравшись до спального мешка, девушка сразу же погрузилась в сон после утомительных переходов первого дня ее таежной жизни.

Долго будил Трофимыч Марину к завтраку. После завтрака Николай дал команду выючить лошадей. Девушка крайне удивилась, напоминая, что работа осталась незаконченной.

— Камерально сделаем, — начальничьим тоном бросил Николай. Марина настояла, измерения на первой точке сделали полностью. На третий день похода девушка окончательно разочаровалась в Николае.

Однажды, подделав отчеты об измерениях, он решил продолжить маршрут, но Марина наотрез отказалась идти, не выполнив повторных работ.

Прежде Николай выполнял за месяц три нормы, а на этот раз только-только уложился. Его отстранили от самостоятельных работ, забрав сделанные маршруты.

Закончился полевой сезон. Николай с Мариной даже не здоровались. Осенью на экспедиционном вечере, посвященном встрече полевиков, Геннадий, работавший географом в той же партии, отдал Марине во время танца духи «Березка». Девушка была крайне изумлена этому сюрпризу, узнав свой флакончик, утерянный в первый день пребывания в Казырской партии.

Гена объяснил, что «Березка» выскользнула из рюкзака, когда он помогал девушке нести вещи, с тех пор и хранил ее.

Оставив Трофимыча разбивать бивак на лужайке у ручья, Марина с Николаем пошли на вершину горы

СПАСИТЕЛИ

Вертолет долго кружил в воздухе. Закоченевшие тундровые просторы иногда чередовались с лесными и кустарниковыми зарослями. Ежились голые лиственницы, запорошенные снежной пылью. Из лога выбежал табун диких оленей. Красавцы, выскочив на кромку обрыва, остановились. Пилоты, развернув вертолет, еще раз прошлись над диким стадом длинноногих. Услышав рокот мотора, рогатые устремились в сторону озябшей, пустынной тундры. Долго мы следили за удаляющимся табуном быстроногих обитателей тундры. Определив, наконец, точное месторасположение «продуктовой» точки, долго подбирали место для посадки. Вертолет приземлился у северо-восточного мыса побережья Хантайского озера.

Первым выпрыгнул бортмеханик. Взяв ломик, он стал определять толщину льда. И вдруг неожиданно провалился по плечи в снег, словно ушел под лед. Мы бросились ему на помощь. Расстелили спальные мешки, и снежный «утопленник», барахтаясь, выбрался на них. Не успел механик как следует отряхнуться, вслед за ним провалился в снег Никодимыч. Стоя по пояс в ослепительно белой «перине», он пытался выбраться из нее. Но тщетно. Помогли те же спальные мешки.

Мы поставили на нарты железную бочку, наполненную продуктами, подвезли ее к одному из деревьев и крепко привязали к стволу. Сделали затесы на соседних лиственницах, чтобы потом быстрее найти это место. Такой способ хранения продуктов геодезисты стали использовать после многочисленных нападений таежных обитателей на лабазы. Особенно много похищений было на счету медведей. Бочка, привязанная к дереву зимой, оказывалась весной, когда огромный слой снега исчезал, на недостижимой высоте для косолапых.

Недавно пробежавшее оленье стадо оставило глубокие многочисленные прерывистые полосы на снегу, словно швейная машинка много-много раз иголкой пробежала по бескрайнему искрящемуся белоснежному полотну.

— Почувствовали весну олени, побежали к океану, гляди, скоро и медведи за ними потянутся к побережью, все лето туда собираются от этой мрази комариной, — бубнил механик, вычерчивая на снегу лопатой силуэты оленей. Вытянувшиеся фигуры, наскоро нарисованные умелой рукой механика, стремились протоптанной тропой на север.

Никодимыч, взобравшись на бочку, привязывал к дереву завернутые в целлофан смоляные щепки...

— Старина, что ты там колдуешь? Не сожрет в этой бочке твои харчи косолапый, возмутился механик, придерживая дверцу и намереваясь скорее ее закрыть.

Взревел, захлебываясь, мотор, заглушив слова Никодимыча, который что-то объяснял, предостерегающе выставляя палец.

Вечером Никодимыч рассказывал, как однажды в пору своей юности он ехал с отцом к чуму. Стояла зимняя стужа. Собачьи упряжки катились по снежному насту. В чуме находились продукты и все было подготовлено для быстрого разжигания огня. Отец на своей упряжке умчался намного вперед. До темноты нужно было попасть в чум, иначе в живых не остаться, мороз сковывал ноги, пальцы рук совсем не слушались, а ими ведь еще надо разжечь костер. Начиналась поземка, она подхватывала из-под полозьев нарт взрыхленные сгустки снежной массы и уносила в предвечернюю заснеженную тундру. Ледяные струйки воздуха проникали под плотные ворсинки меховой одежды. Собаки от усталости визжали и на все приказы хозяина реагировали с каменным спокойствием, часто останавливались и сбивались в кучу. С большим трудом Никодимыч добрался до своего чума и остолбенел от удивления. На месте летнего оборудованного чума он увидел наспех сооруженный маленький бивак. Сомнения быть не могло: зверье разрушило чум, уничтожило продукты, а снежные метели спрятали все остатки и следы запасов.

Но как старик сумел поставить чум, разжечь костер — этого сын не понимал, ведь пальцы рук были неподвижны. Увидев окровавленные руки отца, Никодимыч понял: отец убил одну из ездовых собак и в полости ее живота разогрел руки — это был единственный способ спасти сына и других собак.

— А в нашем отряде нет спасителей-собак, так пусть ими послужат мои смоляные лучинки, — пояснил Никодимыч. Мы с благодарностью поглядели на старика и вспомнили дерево, на которое он привязал целлофановый пакет со смоляными щепками.

КОРЕНЬ

Два года подряд я работал в иркутской тайге на реке Бирюсе топографом. Река очень коварная, порожистая. Промежуток реки под названием «Дури» редкие рыбаки пытались пройти на моторных лодках. У нас плавсредств не было, поэтому приспособили для измерительных работ на реке небольшие плоты, способные выдерживать трех человек. Все снаряжение, продукты везли по берегу на лошадях. Продвигались медленно, иногда скальные прижимы заставляли нас делать обход в несколько десятков километров. Идти по бирюсинской тайге с лошадьми без тропы очень утомительно.

Работу по реке на плоту возглавлял студент из техникума Саша Реденюк. Познакомились мы с Сашей в Тайшете, широкоплечий, высокий, на скуластом лице резко выделялись рыжие усы.

Александр готовился поступать на заочное отделение института. Вечерами мы долго засиживались в палатке, я помогал ему решать задачи по тригонометрии, уж очень они трудно давались парню.

Через месяц мы разделились, я решил дать возможность студенту поработать самостоятельно. Работа у моего напарника продвигалась очень медленно. Измерить глубину, скорость течения реки, высоту скал и берегового леса несложно, а для получения ширины водной поверхности требовалось выставлять рабочего с рейкой, затем переплывать на плоту реку и с помощью теодолита получать данные о ширине. На это уходило много времени.

Вечерами мы встречались, подводили итоги, а затем вновь принимались за решения тригонометрических задач.

Однажды, взяв двух рабочих, мы отправились на лошадях на работу по притоку реки, оставив практиканта на Бирюсе. В мое отсутствие к нам приезжал начальник партии на моторной лодке, оставил продукты, аэрофотоснимки с изображением Бирюсы и всех впадающих в нее ручейков и рек.

Вскоре студент начал очень быстро работать — я выполнял за день полторы нормы, а он три. Несколько раз я расспрашивал Сашу: возможно, он применяет какие-либо новшества или начальник партии сообщил об изменениях в методике работы.

— Точь-в-точь так же работаю, только опыта поднабрался, — отвечал мне Александр.

Однажды моторист привез распоряжение от начальника партии:

«Выделите рабочих практиканту Реденюку, он возглавит отряд по реке Агул».

Вскоре мы встретились с начальником партии, он удивился моей низкой производительности труда.

— Ты срываешь работу, тянешься, как при старой методике, — возмутился начальник партии, нахмутив длинные выцветшие брови.

— Какая методика?

— Разве Реденюк тебе не рассказал, что все ручьи и реки нужно измерять кронциркулем по аэрофотоснимкам и не нужно зря тратить время на полевые измерения?

В ответ я только отрицательно покачал головой.

— Как? Я же при рабочих ему это наказывал!

— А вы старались, каждую ночь доказывали корень квадратный из двух да из трех. А у него корень-то этот гнилой. Чтобы его кондрашка прохватила, — суется, тархтел наш конюх Егорыч.

Скрипнул плотик, я выглянул из палатки. Огромная зеленая лиственница плыла по Бирюсе. Вершина слегка задела за плот, соскользнула и плавно развернулась корневищем к берегу. Дерево проплыло совсем немного. Вода даже не успела смыть грязь с корней. Суглинистая земля, крепко засевавшая в хаотически изуродованных корневищах, уплывала в низовье Бирюсы.

Зимой я решил зайти в техникум и рассказать об Александре директору. Кабинет оказался закрытым, и я решил подождать. Секретарша переключивала напечатанные листы бумаг, а рядом сидела женщина с хитрыми зелеными глазами, она что-то шепотом убедительно доказывала. Долго я старался вспомнить, где же встречал эту женщину.

— Заберите свои подарки и больше сюда не приходите, — догоняя удаляющуюся женщину, проговорила секретарша.

— Ишь, какая хитрая, захотела сыночка устроить в институт, нашелся отличничек.

Вошел директор, и мы, стоя, выслушали возбужденную секретаршу. Она назвала фамилию женщины — Реденюк.

— Мать и сын очень похожи друг на друга, у них много общего, — невольно вырвалось у меня.

— Гнилой корень порождает нездоровое дерево, — покачивая головой, проговорил директор.

ДВУЖИЛЬНАЯ

Пурга затихла. Рассеялась снежная мгла. Вновь припудрило подтаявшие дороги. У заборов и домов надуло усеченные конусы сугробов.

Умолкли взрывы на Енисее, очищающие реку от заторов. Я отправился к Антону Антоновичу. Хозяина дома не оказалось. Мальчуган, кормивший щенят, рассказал, что дед Антон ушел еще с утра на рыбалку вверх по Енисею.

Разноцветные псы величиной с варежку расползлись по полу, разыскивая мать. «Куда, слепошарый, прешься», — приговаривал мальчишка, отталкивая щенят от печки.

Вдали показался рыбак, он вез на нартах вдоль берега реки тяжеленную поклажу. Мне много рассказывали про этого старика, моя задача — уговорить его работать в нашей экспедиции кладовщиком.

— Фу, жарко как! — проговорил Антон Антонович, смахивая ладонью пот со лба.

На нартах, распластавшись, лежал убитый медведь, крепко связанный алюминиевой проволокой. В мешке было, очевидно, несколько замороженных рыб. Старик объяснил, что увидел Топтыгина, плывущего на льдине, позвал на помощь взрывников, которые очищали реку от заторов, и сообщая они кое-как расправились с ним. Антон Антонович рассказывал свободно, медлительно, словно мы с ним давно знакомы:

— Этот мишутка ерундовый, а вот, когда Двужильную спасал, был в два раза крупнее, ох и страшилище, о-ё-ёй!

Вечером собрались взрывники на свеженину, и старик рассказал, как в трудные военные годы он возглавлял рыболовецкую бригаду на Диксоне. В бригаде все были женщины, многие из них болели. Отличалась своим трудолюбием одна из них по имени Галина. Всегда она находила работу, а сети тянула за двоих.

— Нравилась она мне, чего греха таить.

Случилось это осенью, когда шла туруханка (мелкая рыба), забивавшая сети. В тот год мы дали рекорд по заготовке рыбы. Бригада не успевала справляться, и вдруг у нашей общей любимицы отказало зрение. Потускнели зрачки, безразличным сделалось лицо, исчезла улыбка. Врач объяснил, что произошло это от тяжелой работы. Рыбачка продолжала работать, на ощупь вязала и насаживала сети, готовила новые снасти. Прозвали Галину «Двужильной» за ее беспредельное трудолюбие.

Однажды Двужильная, сидя в баркасе, прикрепленном к затонувшему дереву, перебирала сети, готовя их к весеннему улову. Проплывающие льдины ударялись о лодку и со скрежетом проходили мимо. Заметили баркас, когда он был уже далеко от берега. Замкнутый в плотное кольцо льдин, он медленно продвигался, а Галина, не зная о случившемся, спокойно продолжала чинить сети. Вдруг недалеко от баркаса мы увидели плывущего на льдине медведя. Топтыгин старался приблизиться к лодке, которая могла его спасти, перебирался с одной льдины на другую.

Раздвигая лед, Антон попытался опередить зверя. Десятки метров отделяли медведя от рыбачки. Несколько раз стрелял бригадир в четвероногого.

Расстроилась от выстрелов летевшая на родину стая гусей, а некоторые из них отделились, потеряв ритм, но вскоре вновь присоединились к вытянувшейся веренице.

Причитали стоящие на берегу рыбачки, кричали Галине, стараясь предостеречь подружку, но их крики поглощал разбушевавшийся богатырь Енисей. Испугавшись выстрелов, Галина выскочила из баркаса, не зная, что ее отбило от берега, и с головой ушла в воду. С большим трудом ее спасли. Много времени пролежала она в больнице, навсегда потеряла слух.

— Вскоре мы поженились.

В это время в комнату вошла женщина, серебристая прядь ее волос опустилась на голубые улыбающиеся глаза.

— Вот она — моя Двужильная, — весело сказал Антон Антонович, представляя нам свою жену. Врачи вернули Галине зрение, а слух не смогли.

Много лет не выходит она в море рыбачить, но имя Двужильная осталось с ней на всю жизнь.

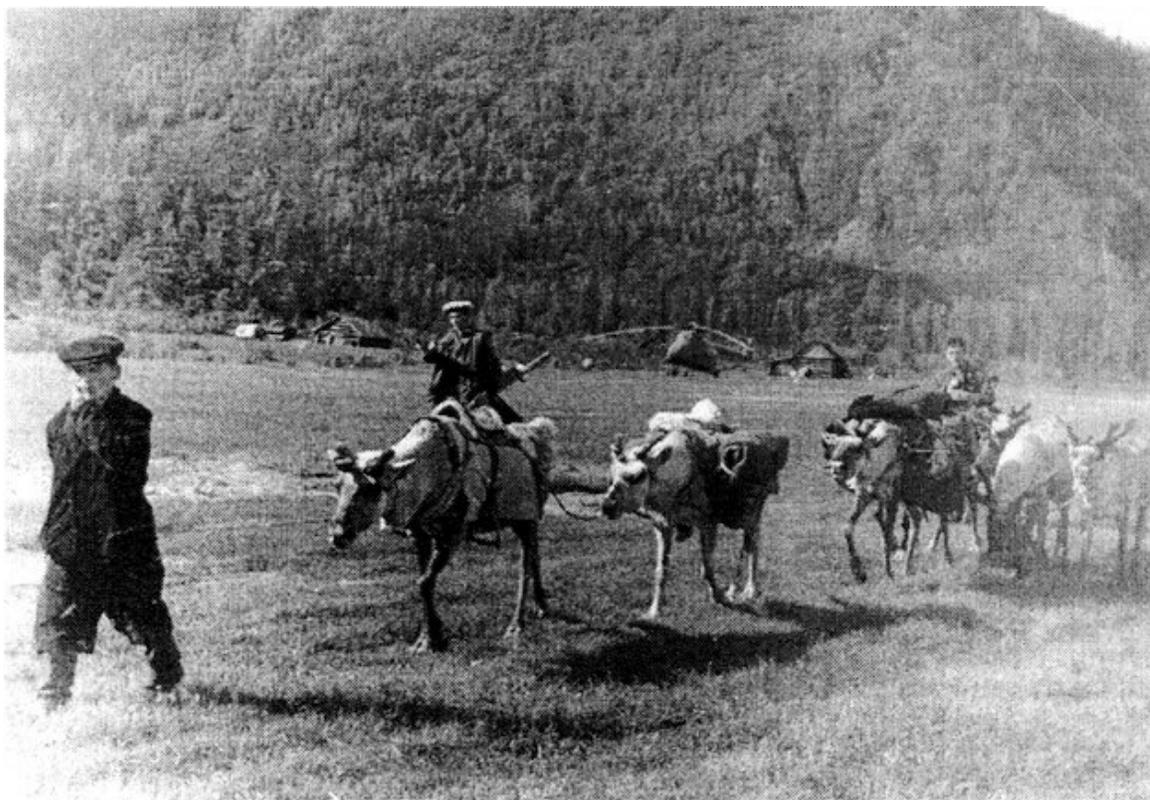
ЛЕКАРИХА

Наконец, моя мечта сбылась. Я лечу в Тофаларию. Рокот самолета плывет над дремотной тайгой. В расщелинах Саян, в синеве тумана показалось Медвежье озеро. Значит, скоро Гутары — первое селение этой загадочной народности. Из-за гор выскользнуло несколько десятков домов. Это и есть Гутары. Поселок пристроился на берегу горной речки, словно островок в зеленом океане леса. Рядом с домами белыми треугольниками возвышаются юрты. Через полосу леса, вблизи поселка видна небольшая плешина, стиснутая бахромой деревьев, посередине ее матово вырисовывается аэродромная буква «Т».

Гурьбой прибежала детвора, разогнав с аэродрома оленей. Ребятишки оказались любознательными, веселыми. За несколько минут они посвятили нас во все местные события и указали крайний покосившийся дом для ночлега. Пятистенок уединился от деревни, окружив себя карликовыми лиственницами и трухлявыми пнями.

— А вон и Лекариха, — указал загорелый мальчуган. Его слегка раскосые глаза, смоляные волосы, торчавшие ежиком, выдавали местную национальность. Женщина сидела на посиневшем оголенном бревне. Сухая, в длинном платье, из-под платка серебрилась жалкая бахрома седых волос. Ее возраст был неопределим из-за многочисленных морщин на лице.

— Ну пойдём, сынок, пить чай, — с хрипотцой проговорила она, — сорванцы так и кликают меня Лекарихой, а я теперь не лечу, к самой врач каждый день приходит. Было время — лечила, когда чуть ли не весь род тофский вымер. А ты, сынок, зови меня Клавдией Семеновной, а лучше Семеновной, так проще.

Поселок пристроился на берегу горной речки, словно островок в зеленом океане леса

В избе пахло киснувшими дрожжами и пресной голубикой. Покосившиеся окна задернуты чистенькими шторками. Ветхие, с ревматическим поскрипыванием табуретки и скамейки выкрашены белой краской. Никаких излишеств в доме не было. Хозяйка собрала на стол.

Направили меня сюда в 37-м году для оказания срочной медицинской помощи населению. За полмесяца умерло 86 человек. Фельдшер, проживавший в поселке, установил диагноз — крупозное воспаление легких. Но я была не согласна, так как люди умирали семьями. Стоило в семье заболеть одному, на другой день все лежали пластом. Страшная картина. Рвота, хриплое частое дыхание и страдальческое выражение глаз. Все анализы были срочно отправлены в областную больницу. Мое предположение подтвердилось: люди болели легочной чумой. Мы начали срочно изолировать всех больных, работали в противогазах. Больных из юрт, в щели которых забиралась зима, носили вот в этот единственный в то время добротный дом, который мы превратили в лечебный пункт. Больным постоянно вводили сыворотку. Изба была заставлена посудой с растворами сулемы, которая способна убивать чумные бактерии. Сутками мы не снимали противогазы и перчатки. На второй день моего приезда умер сын

оленевода, который был изолирован от родителей. Мы похоронили его. Прodelали в юрте полную дезинфекцию. А через несколько дней заболела вся семья — это крайне меня удивило. Прошло некоторое время, повторился подобный случай — семья заболела сразу же после смерти матери, хотя все были изолированы. Хоронили мы сами, не сообщая членам семей. Однажды ночью, возвращаясь от больных, я заметила на кладбище людей. Они разрывали могилу. Я быстренько собрала всех врачей и санитаров, а их съехалось по случаю эпидемии много, но людей на кладбище уже не было. Могилы были все закопаны. Тогда врачи решили меня изолировать, объясняя, что я тоже больная, так как появились признаки бреда и галлюцинации. Я чувствовала себя совершенно здоровой. Меня положили с больными легкой формы. И когда я им все рассказала, они мне объяснили, что у тофов считается грехом хоронить в землю, они уносят покойников в тайгу и оставляют их в лабазах, на деревьях.

А легочная чума передается даже от покойников. Все стало ясно. Стоило нам закопать умершего, как остальные члены семьи ночью выкапывали его и уносили хоронить по своим обычаям, а сами тем временем заражались, не подозревая этого. Меня выписали. Мы вынуждены были выкопать всех ранее захороненных покойников и сжечь.

Смертельные исходы прекратились. Долго в этом доме мы излечивали больных. А как только выстроили больницу, меня поселили в этот дом. С тех пор меня и зовут Лекарихой.

ПОРТСИГАР

Ветхая охотничья избушка узким оконцем, высотой в два бревна, смотрела в сторону реки. Старчески накренившись, одним боком она наполовину погрузилась в землю. На другом боку, украшенном замшелыми сгустками, зеленела почти метровая косматая кедрушка. Плоская задернованная крыша вся изогнулась.

В нескольких шагах от избушки, на горке, возвышался одинокий в три объёма кедр. К дереву был прибит зацветший медным купоросом портсигар. Задрав голову, шурясь, наш проводник Егорыч всмотрелся в полузасохшую вершину гигантского дерева, несколько раз обшарил его печальным взглядом, словно старался на посиневшей кроне что-то отыскать.

— Я прибил этот портсигар, — почти шепотом проговорил Егорыч, стягивая с головы серенькую изношенную кепку-восьмиклинку. От седоволосой головы теплился пар. По морщинистому лицу ползли прозрачные капли слез. Старик соскреб ножом зелень ржавчины и на матово-желтом портсигаре показала черная надпись «Кудрявцев». Егорыч медленно опустился на траву, стал набивать трубку махоркой. Сутуловатый, небольшого роста, щуплый, казалось, он осунулся в один миг. Три десятка лет Егорыч ходит по тайге с геодезистами. Он был свидетелем многих таежных приключений, не раз приходилось смотреть смерти в глаза.

— Зачем, Егорыч, ты прибил этот портсигар?

— Кто такой Кудрявцев?

— Случилось это давно. Работал я тогда мерщиком в отряде Петра Кудрявцева, — начал Егорыч, прикуривая трубку.

— Был он высокий, сухопарый, хворобам не поддавался, сильно любил тайгу. Работали мы тогда втроем. Делали первую карту. Наш инженер лазил по деревьям, высматривал в бинокль и рисовал, а мы со Спирей-одноглазым управляли кухней и пасли лошадей. С тем чертом кривым мира не было. Бывало схватимся, до драки доходило, только Петр мог успокоить нас. Часто ему приходилось нас мирить. Особенно зло брало меня, когда косоглазый садился на лошадь верхом. Он готов был загнать ее до смерти, бил бичом по голове, по глазам.

Однажды отправил Петр меня за провизией в деревню, а сам остался работать со Спиридоном. Через неделю вернулся я с харчами. Спиря один. Толмачит, что ушел начальник, взял пояс верхолазный, сказал, будет с деревьев зарисовки делать. Чувствую, что-то не то здесь. Одноглазый ружья с плеча не снимает. От костра не отходит. Завечерело.

Развьючил я лошадей, расседлал, привязал их к деревьям выстаиваться. А Спирия мне толкует: «Путай их, что с ними возишься, и так бока у них заворачиваются». Но я-то кумекал в лошадях с детства и знал, как с ними поступать. Сложил я под деревом седла и стал мешки с продуктишками затаскивать в избушку. Только открыл дверь, а Спирия как пальнул из ружья в меня, да угадал в руку. Ну, а я, извернувшись, тоже выстрелил и неудачно — сразу насмерть.

А потом установили, что Спиридон был не одноглазый и работал по заданию врагов: охотился за секретными документами, точными картами. Видно, он собирался убежать. Все карты, документы были уложены в мешок.

Много дней я искал своего начальника, так и не нашел. Снарядили специальную экспедицию по розыску Кудрявцева. До глубокой осени люди обшаривали тайгу, выпал снег, поиски прекратили. На другой год мы вновь пришли к избушке. Здесь под кедром я и нашел этот портсигар. Долго гадали, откуда он тут взялся. Но вскоре я увидел на самой почти вершине дерева человеческий скелет...

Пустынно молчала вечерняя тайга. Егорыч с удочкой ходил по берегу. Он, умело подсекая, вытаскивал темно-серебристых хариусов, и они шлепались на галечник, подпрыгивая, скользили к призывно журчащей речке. Вскоре старик возвратился с уловом. Я разжег костер, а Егорыч стал потрошить рыбу. От речки текла прохлада. Сгустки фиолетового дыма, блуждая, кочевали по таежной глухомани. Тяжело поднимаясь, они таяли в густом вечернем сумраке.

РЕДКИЙ ПОЕДИНОК

С полным рюкзаком за спиной мне пришлось покинуть наш палаточный лагерь, который расположился на живописном берегу реки Ус в Саянах. Предстояло подняться на вершину скалистой горы. Пробираясь по звериной тропе, я услышал какие-то странные звуки, потрескивание. Иногда доносился писк и даже какой-то дикий рев. Надо мной роились пауты и слепни, сопровождая нудным, бесконечным завыванием. Звенящий, заунывный гул гнуса с наступлением жары усиливался. Где-то по кустам прокатился шорох.

Я насторожился, руки невольно вцепились в оружие. Раздвигая ветви мелкого кедрача, я продолжал идти. Чувство страха приостанавливало меня, но любопытство побеждало. Густая сеть паучьих тенет задерживала передвижение своими туго натянутыми крепкими нитями. Неожиданно надо мной вздрогнули кроны деревьев, сбрасывая на землю лиственничную хвою. Стоя на месте, я стал боязливо осматривать деревья. С огромного сука на меня смотрела пара черемуховых бисеринок беличьих безобидных глаз. Черная с серебристым оттенком шубейка украшалась белой нагрудной отделкой.

Вдруг что-то промелькнуло сквозь кусты с шумом и ревом. По окраске я понял, что это не медведь и не кабан. Рванулся вперед, но зверя уже не было. Свежая кровь красными брызгами расплескалась по траве. Выбежав на поляну, я вдруг увидел судорожно бьющегося молодого мараленка и маленького зверька, крепко вцепившегося ему в шею. Хищник метался по окровавленной спине, глубоко вонзив зубы. Это был соболь.

Увидев меня, зверек оскалил кровавую пасть и готов был броситься. Злобный рев соболя раздавался эхом по тайге. Игlistые когти сжимались, выдирая кровавые клочья неокрепшей маральей кожи. Мне стало даже страшновато. Но, изогнувшись своим эластичным телом, соболь метнулся в кусты и исчез. Марал лежал, распластавшись на траве. Спина и шея были истерзаны в клочья. Тонкими струйками сочилась кровь, капала на траву, смешивалась с росинками. Застывали пустые немигающие глаза.

Так закончился редкий поединок — победой этого коварного зверька над благородным таежным богатырем.

ЛЮМБИРА

Громкий лай собак разбудил наш палаточный городок, взерошенные головы повысовывались из палаток. К лагерю приближались несколько пар оленей, запряженных в нарты. Меня удивило, что упряжки двигались со стороны реки Лены, с самых восточных отрогов Путорана. Местные жители рассказывали, что дальше на восток люди не живут. Подтвердили это и результаты осмотров с самолетов.

Коренастый, небольшого роста эвенк резко остановил взмыленных оленей, положил хорей (длинный шест, употребляемый для управления оленьими упряжками) на нарты и быстро поднялся на берег, к нашим палаткам. На его лице чувствовалась озабоченность и тревога. «Шибко большой пособка надо, доктор надо, девка хворат», — с волнением толковал нам хозяин аргиша (так называют на Севере караван оленьих упряжек). Заиндевели его редкие усы, брови и малица на спине. Издалека, очевидно, везли больную. С большим акцентом он объяснил, что заболела его дочь Люмбира. Срочно нужен врач, а до Норильска более двухсот километров. Я объяснил, что к нам вылетел вертолет.

— Аэроплан, аэроплан! — произнес обрадованно эвенк. В его узких глазах светились искорки радости. Он быстро и суетливо стал развязывать поклажу. Пожилая эвенка, сидевшая на последних нартах, накладывала в холщовую торбу мороженые рыбу и мясо.

Мы помогли старику привести в палатку дочь и уложили ее на раскладную койку. Девушке было лет двадцать. Смуглая матовая кожа, легкий румянец на щеках, правильные черты лица и слегка раскосые глаза придавали ей своеобразную красоту. Изморозью посеребрило ее длинные упругие ресницы и выбившееся из-под шапки из темного пыжика полукольцо жесткой пряди волос. На ногах — миниатюрные унты, расшитые разноцветным бисером.

Громкий лай собак разбудил наш палаточный городок... К лагерю приближались несколько пар оленей, запряженных в нарты

Наши ребята, уже причесанные и одетые, под разными предлогами стали заходить в палатку, чтобы взглянуть на Люмбиру. Девушка металась в бреду.

В сером мареве слабого рассвета появился вертолет, разбудив студеное царство. Замолк мотор. Кружилась, оседая, густая снежная пыль. Постукивая, вращались лопасти.

— Нам сообщили по радио, что у вас в партии есть больная. Странно, откуда выкопали женщину, вчера были одни мужики и вдруг кто-то переродился? — неугомонно, ровным басом бубнил командир вертолета.

Через несколько минут наши парни вместе с раскладушкой занесли больную в вертолет и отправили ее с отцом в Игарку.

Старая эвенка стала собираться в обратный путь, но мы отговорили ее, предложили остаться на ночлег. А когда объяснили, что завтра по радиостанции сообщат о состоянии здоровья ее дочери, она сразу же согласилась.

Вечером я попросил оленеводку рассказать, где и как они живут, почему имя дочери совпадает с названием реки Курейки, которую эвенки называют Люмой.

Однажды, поздней осенью, к их стойбищу прибежали олени, запряженные в трое нарт, двое из них оказались пустыми, а на третьих была привязана укутанная девочка, ее плач заглушал лай собак. Девочку спасли,

хотя пальцы ног остались обмороженными. Родителей ее так и не нашли. Искали по следам, которые привели к едва заметной полынье на реке Люме. Намерзла на краях льдины кровь. Ниже по течению вмерзла пыжиковая шуба, а в нескольких метрах наискось торчал утонувший наполовину в снегу хорей. По всем признакам, при переезде через реку они попали в полынью, вылетели из нарт и не смогли выкарабкаться. Кто были родители, никто не знает. Старуха долго рассказывала о том, как они воспитывали девочку, которую и назвали в память родителей, погибших на реке Люме, — Люмбирой.

По рассказу северянки нетрудно было понять, как горячо они любят свою дочь.

Утром нам сообщили из Игарки, что здоровье больной улучшается. Мы помогли женщине запрячь оленей. Легко бежали рогатые, поскрипывали полозья. Из-под легких нарт вырывался взвихренный копытами снег. Костлявые ветви лиственниц тянулись вслед убегающему каравану оленей. Радостная и взволнованная хозяйка каравана долго и приветливо махала нам рукой.

ЦЕННОСТИ

Привольно жилось на севере Якову Богатыреву. Поселился он вдали от населенных пунктов. Занимался куроводством. К весне старик готовился усиленно. Шпаклевал лодки, плел корзинки, а как только утки возвращались на родину, Яков горячо принимался за свою кипучую работу.

Старик выискивал на озерах утиные гнезда и в них подкладывал куриные яйца. Ровно через 21 день он приплывал и собирал цыплят.

На этот раз мы пришли к избушке старика в полярную полночь. Лучи солнца скользили по кочковатой тундре и многочисленным расплескавшимся озерам.

Множество цыплят рассыпались по зеленой густой траве. Развьючив оленей, мы устроились на ночлег, не дождавшись хозяина.

Нас разбудил лай собак. Богатырев возвратился с пустой корзиной. Нашему приезду он всегда был рад. По своей натуре старик очень добрый, щедрый, но лицо его всегда омрачено какими-то заботами.

Я часто задумывался над этим, казалось, какая-то тяжесть лежит на душе у коренного северянина и он постоянно живет в опасности.

Старик рассказал нам об очередном своем эксперименте. Яков решил в этот раз подложить яйца в гусиные гнезда. Приплыл через несколько дней, а в гнездах остались только невысиженные куриные яйца. Гусей и след простыл.

— Кто вам выдает пистолеты? — неожиданный вопрос крайне удивил меня.

— Милиция, — не задумываясь, ответил я.

Хозяин молча взял меня за плечо и повел в угол своей избушки, к топчану. Убрал оленьи шкуры, Яков разобрал свою постель, открыл вход в подвал.

Хлынула холодная подвальная сырость, медленно расползаясь, устремилась в открытую дверь избушки.

В меня вонзился острый испытующий стариковский взгляд. После некоторого молчания старик стал спускаться по ступенькам вниз. Мне пришлось следовать за ним. Пламя свечи осветило заваленный хламом подвал. Отомкнув обитый жестью ящик, хозяин поднял крышку. Тело покрылось гусиной кожей от заунывного скрипа заржавевших петель. Подвал наполнился вязким запахом плесени и нафталина. Посредине сундука одиноко лежал покрытый зеленой замшел остью наполненный

мешок. Открыв его, мы увидели старинные золотые монеты, серьги, кольца и прочие ценности.

Яков вытащил мешок в избушку и, кряхтя, уселся на свою постель.

Неожиданная тайна страхом парализовала меня.

— Заберите и сдайте эти ценности, — задумчиво выговорил хозяин. Старик рассказал, что ценности оставил отец в двадцатые годы, а сам ушел с белыми. Больше его никогда не видели. Думали, что вернется.

В трудные годы войны хотели обменять ценности на продукты, но мать не разрешила: «Это не наше, очевидно, награбленное, нужно сдать», — говорила она.

Я приподнял ценности, они оказались очень тяжелыми. Мы завьючили оленей и отправились по направлению к Хантайке. Хозяин проводил нас очень далеко. Прощаясь со стариком, я заметил в его лице перемену. Постоянное выражение страха сменилось улыбкой. Возродились в глазах искорки радости и веселья, погасшие много десятков лет назад.

До самого поселка я был насторожен. Казалось, нас преследуют и обязательно ночью ограбят.

В вертолете мое внимание привлекли два парня, похожие друг на друга, с рыжими иконописными бородками, а с ними широколицый, обросший щетиной мужчина в измятой поношенной шляпе. Они таинственно шептались между собой, иногда загадочно поглядывали на нас и косились на мешок с ценностями.

Суховатый старик бескровным лбом прильнул к стеклу иллюминатора, ерзал на твердом сиденье, мысленно разрабатывал какие-то операции. Всюду мне чудилась опасность.

Вертолет пошел на посадку. Тундра, никаких строений. Топорщились на голове волосы, судорогой сводило живот, словно вертолет проваливался в воздушную яму. Мужчина в измятой шляпе встал, окинул нас взглядом и открыл входную дверь. Вошли двое новых пассажиров. Вертолет снова взлетел. Вновь вошедшие уселись за запасным баком.

Показались строения, затем аэродром. На вертолетной площадке нас встретила машина. Мы направились сразу в отделение милиции, сдали ценности, составили акт и, вздохнув облегченно, я поехал домой. Стало очень легко, свободно и радостно.

СТОРОЖЕВОЙ

Мы остановились на одном из многочисленных северных озер. Утки продолжали заниматься своим делом, одни ныряли, другие, уткнув голову в воду, долго там копошились, третьи, суетсяь, плавали вблизи берега. Гуси и лебеди вели себя гораздо осторожнее, они держались далеко от берега у травянистого острова в центре озера. Лебеди плавно передвигались, как кристально белые бумажные корабли, они горделиво держались в отдалении от всей дичи, особенно уток. Но зато последних здесь можно было увидеть любых цветов и размеров.

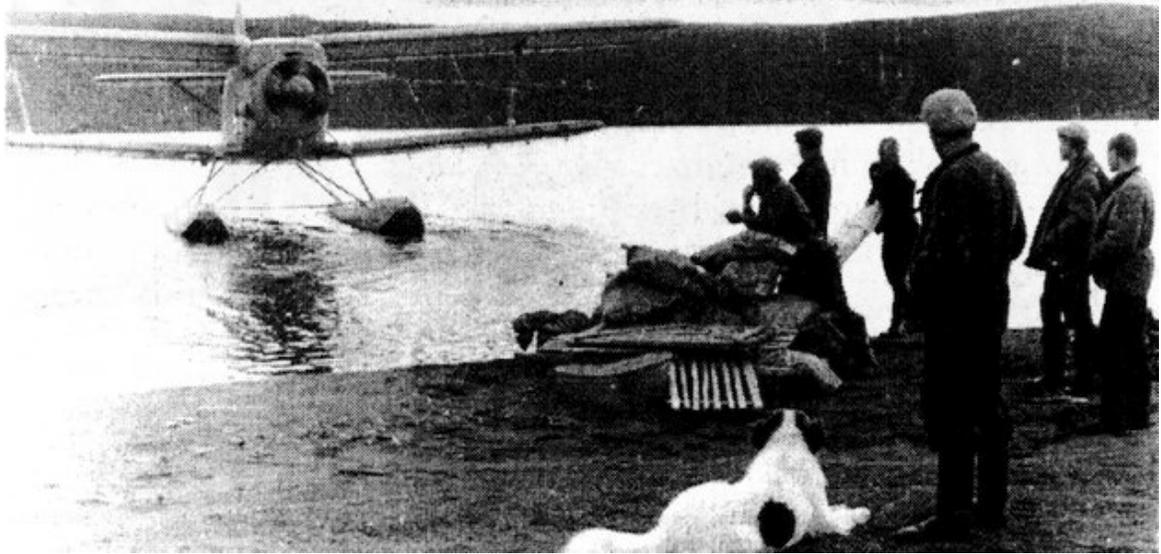
Вдруг среди гусей раздался громкий крик, они бросились в разные стороны, а потом я увидел, как у самого островка полярная сова, оседлав огромного гуся, давила его, вцепившись когтями в спину. Гусь отбивался крыльями, и только наше вмешательство спасло от гибели эту огромную беспомощную птицу.

Я с большим любопытством рассматривал в бинокль птиц, которые стали спокойнее, так как закончился полярный день и наступила солнечная ночь. На сухом каменистом мыске обосновались журавли, их было десятка полтора. Они дружной своей семьей устроились на ночлег, прилетев незадолго до наступления ночи. Среди засыпающих стоял на одной ноге, поджав другую, журавль, который озирался по сторонам. Чувствовалось, что он очень беспокоится и охраняет спокойный сон в своем лагере.

Наблюдая в бинокль за журавлями, я заметил, что у сторожевого клюв приоткрыт, меня это заинтересовало. Установив на штатив оптический высокоточный теодолит с тридцатикратным увеличением, я отфокусировал его и увидел, что в клюве часовой держит какой-то маленький предмет.

Я рассказал об этом каюру. Он спокойно выслушал меня без всякого удивления, а потом объяснил, что журавли в период отдыха выделяют дежурного. Чтобы не заснуть, он берет в рот маленький камушек.

Если сторожевой уснет или задремлет, то камушек сразу выпадет, ударится о землю или о камни, а, услышав удар падающего камня, все журавли просыпаются и начинают бить дежурного. На этом озере я и узнал, что самые надежные караульные бывают у журавлей.

Мы остановились на одном из многочисленных северных озер

ПОХИТИТЕЛИ

В трескучие февральские морозы завезли мы самолетом двух радистов, Михаила Гигиняка и Валентина Яцинова, в далекую тундру и высадили их на одном из берегов Кулюмбинского озера в Заполярье. Обосновались они в избушке, выстроенной когда-то местными рыбаками. Избушка вполне подходила нашим зимовщикам, чтобы прожить до весенних дней, пока не заедет партия в полном составе.

Ежегодно по несколько самолетов прилетало с грузами, привозили продукты, снаряжение, оборудование, горючее. Все это складывалось до прибытия партии. Закончились горячие дни, и самолеты больше не прилетали. Радисты долбили на озере лунки и поставили удочки, ловилась очень хорошо самая разнообразная рыба. Раньше оба зимовщика работали в Саянах, где ели только хариуса, а здесь на удочку ловились сиг, пелядь, налим, щука, омуль, кунжа. Мороженую рыбу складывали в угол избушки. Ежедневно после сеанса радиосвязи по окончании рабочего дня Валентин и Михаил отправлялись с удочками на озеро оба страстные рыбаки-любители.

Однажды Валентин заглянул под брезент, где хранилась рыба, и ахнул — там было пусто. Не веря своим глазам, он поднял весь брезент, пытаясь обнаружить запасы, но безрезультатно. Оба зимовщика стояли и в недоумении смотрели друг на друга. Появилось подозрение, что кто-то живет поблизости. Сразу же проверили на складе продукты, снаряжение, но все остальное было на месте. Устроили засаду в избушке и на улице. Два дня результатов не было. Однажды, возвратившись с рыбалки, радисты заметили движение под брезентом, выстрелили, из-под него выскочил белый зверек, он молниеносно заметался по избушке. Конечно, никогда наши зимовщики не могли бы подумать, что такой большой запас рыбы мог похитить совсем маленький воришка. Много потребовалось усилий, чтобы поймать горностаю. Он бегал по стенам и потолку так же быстро, как и по земле. Все-таки удалось поймать нарушителя и разгадать загадку исчезновения рыбных запасов.

В трескучие февральские морозы завезли мы самолетом двух радистов, Михаила Гигиняка и Валентина Яцинова, в далекую тундру и высадили их на одном из берегов Кулюмбинского озера

РЫБНЫЙ КОРОЛЬ

Пилот кивнул головой, дав понять, что увидел избушку, у которой мы должны высадиться, и начал сбрасывать высоту, кружась над озером. Озеро окаймлено неширокой полосой леса, а дальше во все стороны распространяется тундра.

С давних времен Кулюмбинское озеро привлекало своими богатыми кормами оленеводов Севера. Но первым обнаружил это озеро рыбак Петр Белов. Его называют рыбным королем, он и построил несколько избушек на берегу этого огромного, богатого рыбой озера.

Мы были удивлены, когда увидели у избушки человека. Раньше я был уверен, что, кроме Белова, здесь никто не бывает. Молодой парень, растягивающий сети, пригласил нас в избушку. На берегу в брезенте шевелилась рыба. Ее было центнера полтора.

Паренек нам объяснил, что он доводится Белову племянником, а год назад они договорились здесь рыбачить, условились на этот месяц, но Петра до сих пор нет.

Я узнал, когда они встречались в последний раз, и объяснил, что Белов рыбачить больше не сможет. В феврале мы с начальником партии А.Я. Яцкеевым прилетали сюда с целью высадить экспедицию в этих местах для постройки геодезических вышек в весенний период. Пилот А.П. Бурцев предложил осмотреть избушку, и мы приземлились. Оказалось, здесь кто-то жил. У домика толпились собаки, запряженные в нарты, валялись пустые мешки, веревки, топоры.

В избушке на нарах лежал огромного роста мужчина. Он был очень бледный и худой, руки обмотаны тряпками. Увидев нас, он приподнялся и с большим усилием уселся на край нар. Бурцев подскочил к больному.

— Петро, в чем дело, что с тобой?

Белов объяснил, что девятнадцать дней назад, когда морозы достигали -52°C , он поскользнулся и упал в прорубь. До избушки два километра, пока дополз — весь обморозился. Связи с Большой землей нет.

Если бы не залетели мы случайно, остался бы навечно Петр Белов в этой избушке.

Я объяснил племяннику, что уже четвертый месяц Белов лежит в больнице, ампутированы пальцы конечностей.

Пока я рассказывал, парень стоял с открытым ртом, казалось, все мои слова он старался проглотить.

— Нет теперь рыбного короля Севера, — вздохнул паренек.
Прозрачные, как росинки, капли покатались по лицу молодого рыбака.

СОЛОВКО

...Тррр, тррр, Соловко, милый, крепись! — уцепившись за поводья, кричал Егорыч. Так и остались в руках старика одни ремешки поводьев с удилами от узды. Всех охватило ощущение страха, каждый сделал шаг назад от скалистого обрыва. Мы старались увидеть тяжело завьюченную лошадь, которая с щемящим ржанием и стоном громыхла с тридцатиметровой скалы, увлекая за собой множество камней вниз, где пенилась и шумела река Бирюса.

Старик стоял съежившийся, и даже поднятое одно ухо его шапки-ушанки, которое всегда вызывало улыбку, сейчас придавало ему скорбящий, угнетенный вид. Слезы градом катились по обветренному, загорелому лицу, исчерченному многочисленными морщинами. Таким я его не видел ни разу.

Шумящая река подхватила нашего Соловко вместе с вьюками и увлекла к водопаду.

Безымянному ручью на карте мы дали название — Соловко.

САРАНЧА

— Хорош, хорош, — приговаривал старый монгол, поглаживая нашу автомашину ГАЗ-69. Нам пришлось задержаться около юрты пастуха — не могли определить причину засорения бензиновых трубок. В первом баке закончилось горючее, а из второго не поступало, шофер много раз прокачивал насосом трубки. Палящие лучи солнца так сильно жгли, что нам пришлось раздеться до маек. Я несколько раз пытался заговорить с монголом, он был очень любезным, но я не понимал монгольского, а он русского языка. Я сфотографировал пастуха несколько раз, позировал он с большим удовольствием.

Сразу же после переезда через границу мы встретили этого первого монгола, поэтому его гостеприимство, душевное отношение к нам оставили очень приятное впечатление о всех жителях северной части Монголии.

Но вот заработал мотор машины, и мы начали одеваться, чтобы отправиться в путь. К великому удивлению, наши сорочки оказались дырявыми. Многочисленные мелкие дырки «украшали» их. Монгол показал на насекомых и произнес: «Шаранча». Это была саранча крупных размеров, которая испортила нашу одежду.

Пока геодезисты рассматривали одежду, монгол принес нам два свитера. Мы поблагодарили и показали, что у нас есть свои запасы. Старик объяснил, показывая руками на светлую одежду: «Шаранча, шаранча». Стало ясно, что саранча нападает на светлую одежду и простигает материал.

Мы отправились дальше по направлению к озеру Убсу-Нур. На дорогах было много встреч с монгольскими детьми. Они бегали около юрт, ветками отгоняя саранчу, а те, что побольше, пасли скот, разъезжая верхом по обширным степным просторам. Все они приветствовали нас криками: «Здраст!» и при этом в знак приветствия поднимали правую руку вверх и жизнерадостно улыбались.

ГОРНЫЙ ДУХ

Мне порекомендовали обратиться к охотнику Александру Саганову.

— Это самый опытный оленевод и один из лучших охотников Тофаларии, он может провести вашу партию через Алхадырские хребты, — заявил председатель колхоза поселка Верхние Гутары. Но когда мы начали разговаривать с Сагановым, он наотрез отказался идти по маршруту через Алхадыр.

Долго старик не раскрывал секрета, а когда все ушли из дома, тофалар рассказал, что Алхадыр — священная гора в Тофаларии и на ней живет дух Ээлиг. Оказывается, через Алхадыр не проходил ни один тофалар, а, по преданиям, кто пытался подойти к горе, того злой дух наказывал. Старик рассказал, как Ээлиг-таг покарал одного из лучших охотников Тофаларии Арых-ола. Арых-ол затеял на этой горе охоту, и на него напал медведь. Косолапый оставил Арых-ола в живых, но лишил его зрения и изуродовал всю голову, теперь Арых-ол не охотник, он совсем слепой.

ПОМОЩНИК

Удобно улегшись на носу моторной лодки и вооружившись фотоаппаратом, я следил за изменением характера берегов озера и фотографировал самое необходимое для глубокого и детального изучения Заполярья. На озере тишина. Поверхность, словно гигантское зеркало, отражает красоты природы, а свежесть озерной прохлады так усыпляюще действует, что иногда только любуешься таежными красотами, забывая их фотографировать, и проезжаешь мимо.

Неожиданно на берегу появился человек, он махал нам руками. Моторист быстро развернул лодку, и мы причалили к берегу. Незнакомец указал нам рукой вдоль берега. Метрах в ста покачивалась от волн нашей моторки одинокая лодка, которую мы доставили рыбаку по его просьбе. В одной руке незнакомец держал за ремень двухстволку, в другой, обветренной и окровавленной, — нож.

Рыбак рассказал нам, что сегодня захватил на месте преступления «помощника». Поводился медведь сети вытаскивать из озера. Удобный промысел Топтыгин придумал, вот уже несколько раз очищал сети, много их изорвал.

Подплывая к берегу, рыбак заметил медведя, запутавшегося в сети, дважды выстрелил. Окровавленный зверь устремился в лес, волоча за собой сети. Второпях рыбак выскочил из лодки, преследуя косолапого, а моторку отнесло от берега. Но погоня продолжалась недолго.

В ста метрах от берега, распластавшись, лежал огромный медведь, наполовину разделанный. Рядом валялась запутанная, изорванная сеть с рыбой — остатки, которые мишка не успел съесть, оставил хозяину.

Вдруг раздался треск на деревьях, растущих ближе к озеру. Мы устремились к берегу, с дерева соскочил медвежонок и мгновенно скрылся в кустах. Долго продолжали мы охоту за малышом, но тот убежал, оставив две рыбины у дерева, на котором он находился. В кустарнике мы нашли огромную кучу протухшей рыбы.

— Это склад из рыбы, которую я должен был сдать в колхоз. Здесь добрых три центнера будет, — вздохнул старик, покачивая головой, глядя жалостно на рыбу.

Мы помогли рыбаку дотащить медведя до лодки, а сами поплыли дальше.

ПЕСНЯ ЧАЙНИКА

— Вот здесь будет дом, — указав рукой на чистую, веселую полянку, сказал старый оленевод Утукогир. Эвенки, суетясь, приступили к своим обязанностям. Одни развьючивали оленей, другие рубили колья для установки чумов, ребяташки стояли в стороне, а те, кто побольше, помогали носить вещи, олени шкуры, посуду. Олени вздрагивали, судорожно тряслись, стараясь согнать надоедливых мух, паутов, которые темным роем кружились над вспотевшими животными.

Через полчаса рядом с нашим палаточным городком появился конусообразный чум с торчащими сверху палками каркасов, а через несколько минут выросли еще два чума. Малыши быстро познакомились с нами. Самыми интересными для них оказались наши бинокли. Женщины занимались приготовлением пищи, мужчины собирали оленей и провожали их, вверх по ручью. Кормов в этих местах очень много, поэтому оленеводы к осени пригоняют сюда стада оленей за несколько десятков километров от Хантайского озера на юг, ближе к Кулюмбинским озерам.

Я сидел в крайнем чуме и расспрашивал старого эвенка Утукогира о местности, меня интересовало все. Этот суровый северный край имеет очень много особенностей, поэтому мы были рады приезду оленеводов, которые могут нам помочь в работе по обследованию Заполярья.

В чуме становилось жарко, посвистывал, словно свирель пастушка, чайник, подавая сигналы, что скоро чай будет готов. Вдруг маленький эвенк выбежал из чума и созвал всех эвенков. Они входили озабоченные, молча стояли. Мне показалось, что они прислушивались к чему-то. В чуме стало очень тихо, хотя народу было много, только напев чайника нарушал тишину. Эвенки перебросились несколькими словами и разошлись. Я начал расспрашивать старика о причине их странного поведения.

— Слушай, слушай, нечистый дух поет, шайтан, — объяснил мне оленевод, указывая на чайник и собирая вещи. Каюр рассказал, что, если нечистый дух поселился в стане, нужно срочно уходить: может напасть беда на людей и оленей. Я пытался объяснить это явление, но скоро почувствовал, что бесполезно.

Через полчаса эвенки собрали свои чумы, погрузили их и отправились вместе со стадом оленей в другую сторону за десятки километров.

Кормов в этих местах очень много, поэтому оленеводы к осени пригоняют сюда стада оленей

ПОЗНАЮТСЯ В РАБОТЕ

Лето было в разгаре, топографы заканчивали обследование тайги в районе Тайшета, срочно требовалась карта для прокладки трассы Абакан — Тайшет. На самом дальнем участке работала бригада топографа Александра Протанова. Их было пятеро. Шли ежедневно по тайге с огромными рюкзаками, все дальше и дальше удаляясь в таежные дебри. Странная здесь тайга: совсем нет полян. Вот однажды Александр решил подняться на дерево и взглянуть, скоро ли начнутся горы, по его расчетам они должны быть близко. Взобравшись на лиственницу, Александр долго смотрел вокруг, но разобраться было очень трудно: кругом, на сколько хватало взгляда, — тайга. Спускаясь с дерева, Саша поскользнулся и упал с высоты более десяти метров.

Приземлился он неудачно: перелом руки, ноги, идти далее невозможно. Сначала пытались нести бригадира, но боль усилилась и переход пришлось прекратить. Александр отправил двоих геодезистов на базу партии в Тайшет с расчетом, что дней за пять они дойдут, а двое начали выпиливать площадку для вертолета. На шестой день прилетел вертолет. Несколько раз покружив над площадкой, выбросил вымпел с сообщением, что площадка для посадки вертолета недостаточная, надо продолжать рубить. Протанов потерял сознание, его руки и ноги опухли, температура поднялась очень высокая, надежды на спасение молодого изыскателя не было.

В Тайшет съехались начальники партий для того, чтобы принять меры по спасению, прилетел главный инженер управления В.В. Полевцев. Направили целую партию на разборку площадки. Оказывается, только в кино можно увидеть, как вертолеты садятся на очень маленькие площадки, а в лесу они этого проделать не могут, хотя речь и идет о спасении человека.

Рабочие решили вдвоем вынести Протанова. Они думали, что живым его не донесут, поскольку так устали, что двигаться больше не могли. Александр пришел в сознание, его пожелтевшее исхудавшее лицо, обрамленное густой черной бородой, не имело никаких признаков жизни. Саша чувствовал, что ему больше не жить, зачем мучить людей, которые могут тоже из-за него погибнуть, пусть лучше он один.

— Ребята, вот вам мой компас, карта, мы находимся здесь, идите по азимуту, все остальное бросьте и меня тоже оставьте здесь. Я умираю, зачем нести мертвого? Выйдите хоть сами живыми, — больше Александр ничего не сказал, опять потеряв сознание.

— Что будем делать? — спросил рабочий Медведев, глядя на Володю усталыми вопросительными глазами. Володя удивленно взглянул на него и ничего не ответил. Тогда Медведев предложил либо остаться Володе с больным, либо идти вдвоем, забрать все имеющиеся у начальника деньги, все равно он в бреду и в сознание больше не придет. Володя знал, что он лучше сам здесь погибнет, но последовать второму совету коллеги не сможет. Весь день моросил дождь, и поэтому Медведев не ушел в Тайшет. Несколько раз он выходил из палатки, но возвращался: боялся идти один. К вечеру совсем рядом раздались выстрелы, пришла помощь с Тайшета. Медведев ничего не стал рассказывать товарищам. Протанову оказали помощь, за ночь выпилили бензопилой площадку, утром увезли больного. Володя хотел рассказать о подлости Медведева, который сейчас, как и все, суетился, делал вид, что прикладывает усилий для спасения погибающего. А когда вышли в Тайшет, Володя сказал Медведеву: «Уезжай в отряд и рассчитывайся, иначе будет хуже». Вечером Володя рассказал всем в конторе о том случае, начались поиски, но Медведева в Тайшете уже не оказалось.

Два месяца Протанов лежал в больнице, а когда вышел, завязался разговор между членами бригады. Оказывается, Александр кое-что слышал, но не мог говорить. Выяснилось, что Медведев вытащил все-таки деньги, заработанные всей бригадой, и исчез с ними.

ЗА ПОДКОРМКУ

Ежедневно радист нашей партии Михаил Гигиняк носил продукты — подкормку для медведя — к ловушке. Все лето откармливал Михаил Михаила, но косолапый приспособился: съест все принесенное, а петля остается в прежнем положении. Работники партии советовали радисту выписать накладную на продукты и положить в ловушку: может, попадет, когда будет расписываться.

На базе партии никого не было, все разошлись, вдруг вбежал радист. «Медведь попал в петлю!» — крикнул Михаил. Я взял фотоаппарат, и мы отправились к ловушке. Шли вначале без тропы, я припомнил сразу тайгу по Казыру, такая же и здесь по Кизиру, неприятная, заросшая, с огромными завалами. По такой тайге идти очень трудно. Но вот показался и медведь, Петля перехватила его посередине туловища. Да, около такого медведя можно и фотографироваться. Мы сделали несколько снимков.

около такого медведя можно и фотографироваться

Да,

НА АГУЛЕ

Николай Лычагин живет много лет в верховьях реки Агул, занимается охотой, жена тоже прекрасный охотник. Их таежный домик расположен на живописном берегу реки в предгорьях саянских хребтов. Мне приходилось встречать охотников, постоянно живущих в тайге и в таком отдалении от населенных пунктов. На лодке по реке Агул Николай поднимался даже до Агульского озера. Тайгу знает он отлично, в поединок вступает с любым разъяренным медведем, кабаном, рысью. Я очень внимательно следил, когда Лычагин стрелял, ни один мускул не дрогнет и не шелохнется у этого охотника. Даже при самых опасных встречах со зверем он очень хладнокровен и уверен в себе.

Когда лошади и грузы были переправлены через реку, мы подсели к костру. Лычагин долго всматривался в лицо Егорыча, будто что-то вспоминая. Казалось, охотник хочет задать какой-то вопрос, но не решается. И проводник наш начал вести себя как-то странно, движения его стали суетливыми. Наконец, отвечая на немой вопрос Николая, Егорыч сказал:

— Да, это я. Колька с Агула, какой же ты стал, а? Копия — отец.

— Значит, это Вы спасли мою жизнь?

Они обнялись, на глазах у обоих навернулись слезы.

— Николай, ты умеешь плавать? Ведь отец утонул только из-за этого. Мог бы спастись, но не умел плавать.

— Я плавать тоже не научился, хотя с детства живу на берегу реки и ежедневно плаваю на лодке.

Проводник рассказал нам историю спасения Николая.

Работали мы с отцом Николая в экспедиции проводниками. Колька был тогда совсем маленький и находился в партии вместе с отцом — самым лучшим охотником в Саянах, которому все завидовали. По окончании работы втроем плыли домой, а экспедиция пошла в населенный пункт. Вдруг лодка налетела на подводный камень, мы все оказались за бортом. Я схватил маленького Кольку, а отец даже ни разу не появился из-под воды, по-видимому, ударился головой о камень. С Колькой выплыл я на берег. Несколько раз нырял, пытался обнаружить отца, но безрезультатно. Я и не надеялся, что доставлю Кольку в избушку живым. Три дня нес его по тайге без продуктов, мокрым, без спичек. Мальчишка сильно заболел. Я добрался до охотничьей избушки, разыскал спички, нагрел воды, согрел мальчугана. К утру бред прекратился, и он пришел в сознание. Поил мальчика травами. Оба отошдали. У избушки собрал все хариусовые сухие выброшенные

головы, сварил и этим бульоном напоил Николая. Нужно было срочно продолжать путь, чтобы спасти мальчика. Только на пятый день мы вышли к жилью. Кольку через месяц вылечили, я уехал. Прошли десятки лет, и вот вновь встретились мы с Колькой.

Чувствовалось, как обрадовался этой встрече Николай. Он выложил нам все мясо и подарил шкуру рыси. Рассказал нам, что рысь вцепилась в спину марала, в этот момент он их обоих и убил.

Утром на противоположной стороне реки попросили лодку топографы для переправы к нам. Лычагин дважды съездил и полностью перевез всю партию. Мы познакомились. Это оказались топографы из Иркутского управления. Работали мы с ними по соседству, а встретились первый раз. Разговоров было очень много. Николай приготовился уезжать. Начальник партии только что приехавшей экспедиции вынул из кармана деньги и протянул Лычагину. Тофалар отказался наотрез.

— В прошлом году у меня не было с собой денег, и ты не перевез нас через Агул. Это было в Покров день (14 октября). Нас было трое. Выходили из тайги, один больной. Ты отказался перевозить, объяснив, что долго перегружать рыбу и что бесплатно ты этого делать не станешь. На следующий день мы вынуждены были преодолеть речку вплавь.

— Все остались в живых? — поинтересовался Егорыч.

— Все.

Лычагин вначале хотел отказаться, но потом весь сжался, уставился глазами в землю и молча взглянул на Егорыча. На старческом лице были слезы, ему стало стыдно за Николая, несколько часов назад он гордился им, как сыном.

— Отец был совсем другой, — заметил дед.

Было очень тихо, даже птицы не нарушали этой тишины. Мы все ушли с берега к палатке, тофалар остался один. На следующий год мы вновь приехали работать в эти края, расспрашивали у охотников про Лычагина. Они все удивлялись, что случилось с тофаларом. Он стал совсем другим.

Однажды ночью мы подошли к летнику, где жил Николай. Нам нужно было срочно отправить вниз по реке рабочего, у которого умерла мать в Новосибирске. Постучали в избушку, в ней загорелась керосиновая лампа. Володя лишь сказал, что нужно срочно плыть, Николай обулся, оделся, только приговаривал: «Сейчас, сейчас, паренек, что у тебя там случилось, поторопимся, к утру будем в деревне». Я вошел позже. Николай сразу узнал меня, разбудил Марию, свою жену, хотя мы просили ее не беспокоить. Она накрыла на стол, рассказала, что в этом году поймали очень много рыбы, а скоро начнется охота на соболя. Я вспомнил вновь разговоры с охотниками. Действительно, Лычагины очень гостеприимные и добрые, а ведь раньше их

сравнивали с Иконниковыми, проживающими на Кантегире, у которых не выпросишь и воды напиться.

Рано утром мы начали собираться в маршрут. Из тайги вернулась Мария, в руках у нее было несколько рябчиков и глухарь. Без завтрака она нас не отпустила. А когда мы вышли, охотница отправилась провожать и распрощалась далеко от их жилья. Мы шли и оглядывались. Мария махала нам рукой, другой рукой придерживая переброшенный через плечо карабин.

Прошло пять лет после нашей последней встречи. Я встретился с Егорычем, он мне рассказал, что был в гостях у Лычагина, но в живых его не застал. Николай утонул в реке при таких же обстоятельствах, что и отец, и тоже на Агуле.

СХВАТКА С КАЗЫРОМ

Мы плыли по Казыру на моторной лодке, измеряя скалистые берега. Проплыли порог Ворота, который оправдывает свое название. В этом месте река зажата в гранитные стены, глубина ее семнадцать метров. Наша задача — провести детальное обследование коварной реки, которую начинали изучать Кошурников, Стофато, Журавлев, но трагически погибли в трудные военные годы. Теперь трасса Абакан — Тайшет пролегла по другому маршруту, а река так и осталась необследованной.

Мы подплыли к Базыбайскому порогу. Двадцать шесть туристов разместились на скалистых берегах Казыра. Шесть плотов стояли, подготовленные к проходу через порог. Туристы собрались на Казыре из разных городов нашей страны. Все эти девушки и юноши приехали повторить маршрут, по которому шли знаменитые изыскатели Кошурников, Стофато и Журавлев.

В 1957 г. московский студент пытался проплыть этот порог, но коварная река навсегда захватила в свои объятия Анатолия Тимченко, которому сооружен памятник на гранитном берегу Казыра. В этом году группа туристов сделала еще одну попытку пройти на плотях Базыбайский порог. Галина Черкасова из Воронежа сильно пострадала, но осталась в живых. Остальные пять человек при подходе к порогу не выдержали, попрыгали в воду и выплыли, а Галина осталась. Бурлящая вода сбросила с плота смелую туристку. Она успела ухватиться за весло и с его помощью выплыла. Мы наблюдали происходящее на реке, восхищаясь мужеством девушки. Какую удивительную силу воли нужно иметь, чтобы преодолеть чувство страха и пойти на этот поединок. Некоторые из туристов тоже решились вступить в схватку с Казыром, но, к сожалению, у нас не было времени наблюдать, следовало отправляться в маршрут.

Мы подплыли к Базыбайскому порогу. Двадцать шесть туристов разместились на скалистых берегах Казыра

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Земля покрывалась позолоченными березовыми листьями. В густых космах травы спрятались иглы лиственниц. Слабый ветер раскачивал деревья, засыпая землю мелкой густой хвоей.

Неожиданно погода сменилась, подул холодный ветер с Саян.

— Снежком припахивает, да и пора, Покров день прошел, — оглянувшись, заговорил Егорыч. — Трава подходящая, давайте здесь заночуем.

Все согласились с Егорычем. Притомившийся Филька стоял, понутив голову, остальные лошади жадно набросились на траву.

Принялись каждый за свою работу. Егорыч развьючивал лошадей, путал их.

Звон колокольцев извещал, что лошади пасутся. Громогласный самодельный колокол из поршня полуторки старик подвешивал Фильке, своему любимцу. Всех лошадей Егорыч путал, а Фильку, по его утверждению, путать нельзя — он слишком стар.

Александр разжег костер и начал устанавливать палатки. Евгению засветло предстояло собрать все данные, чтобы утром следующего дня отправиться всем отрядом в маршрут. Самое главное — это измерить высоты скалистых останцов, которые изображены на старой карте. Из многих точек в течение всего лета Женя старался увидеть эти скалы в бинокль, но безрезультатно. Решили исследовать их напоследок, перед выходом из тайги. «Медвежий угол» назвал это место охотник из села Тымбыр. И Евгений направился к скалам.

Лиственницы уступили место угрюмым пихтам. Под ногами чавкала вода. Совсем умолк звон Филькиного колокола, растворившись в густой таежной глухомани.

Пихты густой темной стеной перегораживали путь. Показались просветы. Сухие торчащие сучья пихтача сдерживали продвижение.

Евгения остановил светлый простор. Перед его взором открылось озеро. Вместо скал, которые показаны на карте, — вода. Теперь все стало ясно. Скалы нарисованы ошибочно. По структуре строения земной коры здесь и не должно быть каменистых скоплений.

По озеру, не обращая на пришельцев внимания, спокойно плавали утки, перекликались гуси. Женя поспешил к лагерю, зная, что сюда завтра обязательно нужно прийти с приборами для обследования и нанесения озера на карту.

Вся надежда на колокольчик, только он мог вывести топографа к палаткам. Выставляя руки перед собой, оберегая глаза, Евгений торопился выйти из этой темно-зеленой полосы тайги.

Показавшееся между деревьями зарево костра словно подбросило Женю от радости. Стоявший у костра человек размахивал над огнем портянкой, высушивая ее горячим дымом. На таганке висел чайник, сдвинутый в сторону.

— Шапка. Откуда у него взялась шапка и зачем у костра с ружьем? — вдруг осенило Евгения. Внимательно присмотревшись к силуэту, он не узнал в нем знакомой фигуры. До огневища оставалось менее десятка метров. Только теперь Женя услышал под своими ногами треск сучьев. Человек стоял спиной, не обращая внимания. Остановившись, геодезист крикнул. Холодок пробежал с ног до головы, приподнялись под беретом волосы. Несколько раз окликал Женя лесного человека, но тот стоял словно вкопанный, широко расставив ноги, перебросив через плечо портянки. Из предосторожности он не решался подойти ближе к незнакомцу. Пять метров разделяло людей.

Оглушительным басовым криком заполнилась тайга. Филин еще раз пролетел над костром, извещая позывными звуками всех обитателей тайги о ночной смене. Человек с ружьем даже не поднял головы на нарушителя ночной тишины.

Женя удалялся, не спуская взгляда с лесного человека. Вскоре послышался звон Филькиного поршня.

Про человека с ружьем начальник отряда рассказал своим товарищам на другой день, когда пришли к озеру. Ему казалось, что не удастся найти пристанище лесного человека.

Вскоре геодезисты все же нашли незнакомца, он сидел у махонькой избушки, подперев руками голову. Увидев приближающихся путешественников, лесной человек вскочил, вытаращив испуганные глаза на неизвестно откуда появившихся людей.

На вопросы геодезистов человек не отвечал. Наконец, кадык, торчащий на изуродованной шее, задвигался, закрылись веки темных угрюмых глаз, человек натужно пытался что-то произнести, нервно жестикулируя жилистыми руками, но из широко открытого рта доносились прерывистые непонятные звуки. Глухонемой призывающе указывал на полусгнившую келью, заполненную истлевшими, потемневшими от сырости медвежьими костями.

— Он че, опупел, расположился у медвежьей ловушки? — затарахтел Егорыч, взглянув в щель. Огромнейшая потускневшая голова зверя лежала поверх костей.

— А черепок-то, как банный котел. Вот это махина! — вновь принялся Егорыч. Остальные молчали, прильнув к щели ловушки.

Евгений показывал в сторону поселка. Незнакомец шел впереди по еле заметной тропе. На деревьях было много затесов. Все они разные по возрасту: одни в виде щелей, обросших многолетним наростом, другие укрывались многослойной наросшей «подушкой», третьи, самые молодые, испускали свежий смолянистый запах. Лучше всех просматривалась прошлогодняя татуировка на березах.

Поздно вечером, когда на небе показались яркие осенние звезды, отряд подошел к поселку, встреченный сворой шумных местных собак. Селение на карте не значилось. Оно образовалось совсем недавно недалеко от центрального леспромхоза.

Для экспедиции отвели просторный дом. Вечером пришел мастер.

— Чего немтырь ваш потерял на медвежьем кладбище? — начал расспрашивать Александр.

— Отца своего, отца, — спокойно, усаживаясь на осиновый чурбак, заговорил гость. Он рассказал, как в годы войны поздней осенью отец Даниила ушел добывать залегшего медведя из берлоги, забрав с собой сынишку Данилку. Неудачной оказалась охота, расвирепевший хозяин тайги задрал охотника. Еле живой искалеченный мальчуган с трудом добрался домой.

— После войны вернулся я сюда и узнал о трагической гибели отца. Тогда мы и выстроили ловушку на месте берлоги. Четырех медведей выловили, а больше не попадалось. Даниил работает у нас на подсобке. Ежегодно глубокой осенью навещает он место таежного сражения.

ПО ТАЙГЕ НА ОЩУПЬ

Стонала исхлестанная снежным бураном тайга. С деревьев смело снег, и они вновь почернели. Сделалось мрачно и неудобно. Ветер не унимался. Низко клонились вершины деревьев.

Полуметровый рыхлый снег засыпал звериные тропы, колодины, валуны, медвежьи берлоги. Мороз сковал реки. Тишина. Только не утихало монотонное завывание ветра.

Два человека с обвисшими рюкзаками шли по тайге, оставляя глубокую щербатую снежную борозду. Они обходили густые чащобы, заломы, крутые подъемы, ползком миновали колодины.

Первый — невысокий, коренастый, в ватной залатанной куртке. На боку разбухшая обтрепанная полевая сумка. Из-под шапки выбились слипшиеся светло-желтые волосы, прикрывающие морщины широкого лба. На выгоревших добела длинных бровях посверкивали капельки пота. От впалых щек, русой бороды и усов теплился пар. Одна рука, прижатая к груди, придерживает ремень переброшенного через плечо карабина. Другая, до трещин обветренная, крепко сжимает палку-посох. Взмокшие от снега штанины брюк опущены поверх голенищ. Носки сапог обиты жестью консервных банок.

Второй — совсем молодой, высокий, в брезентовом плаще с выжженной полкой. Окладистая огненная борода занимает пол-лица. Из-за цвета волос Сашу прозвали Медный.

Василий Федорович Колесников, начальник топографической партии, приостановившись у скалы, предложил:

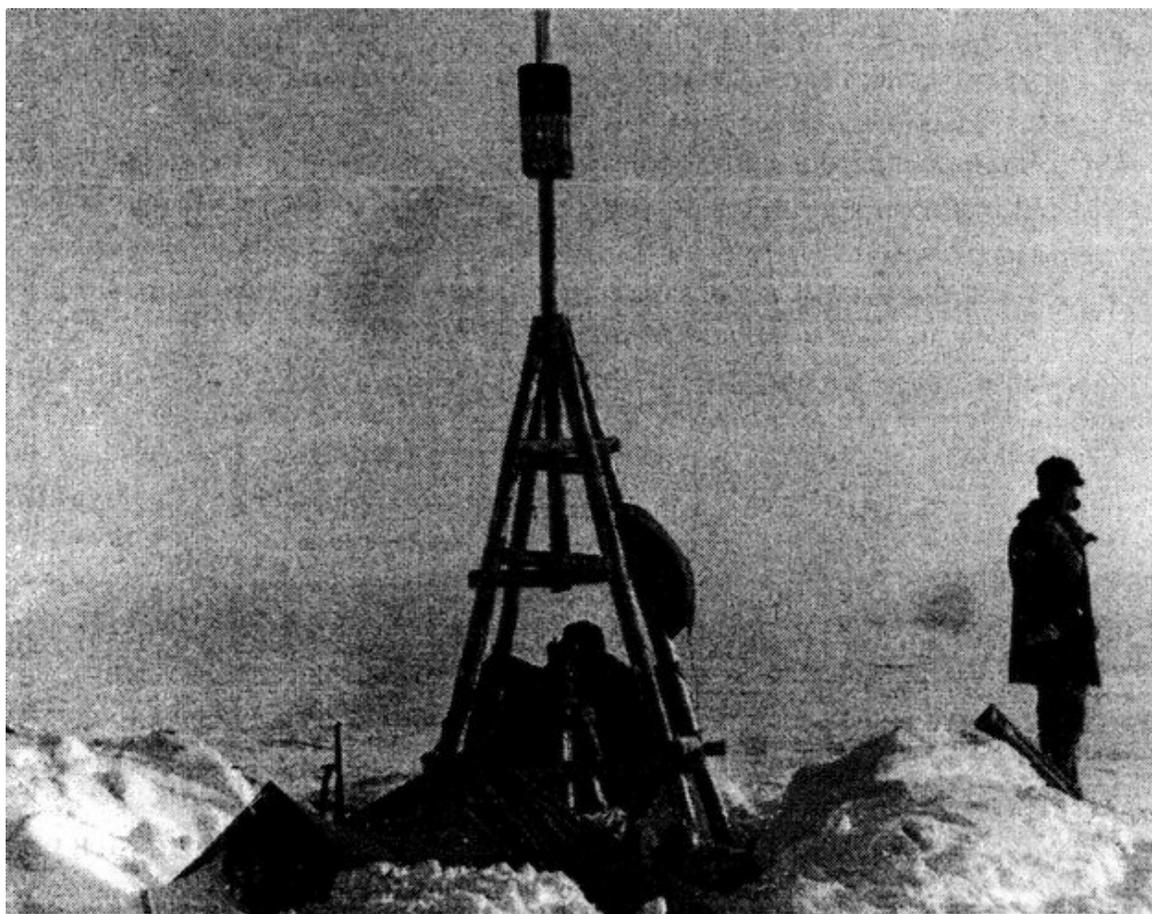
— Давай отдохнем, Саня!

Александр разгреб снег и уселся на валун, вытирая замусоленным рукавом мокрое лицо.

Василий Федорович вынул дневник, сделал несколько записей, зарисовок, его взгляд остановился на скальных обнажениях. Широкой кварцевой полосой опоясана скала, на вершине пристроилась небольшая листовенница. Колесников перевел взгляд на глубокий шрам от носа до правого уха на лице Александра.

И вспомнил Василий Колесников происхождение этого страшного шрама. Работал он тогда на Дальнем Востоке топографом в изыскательской партии. Однажды шел по тайге по запланированному маршруту и вдруг услышал громыхание телеги. Ни дорог, ни троп людских поблизости не было. Что бы это могло быть? И тут он увидел: верхом на лошади показался

цыганского вида наездник, в руках — двустволка. Позади шла корова, запряженная в телегу. На рыдване — два рыжеволосых бородача.

Его взгляд остановился на скальных обнажениях

Топограф пошел навстречу незнакомцам, но вовремя остановился, вспомнил рассказы деревенских жителей о скрывавшихся в тайге бандитах. Грабители останавливали на дорогах повозки с колхозным зерном, забирали мешки и скрывались в тайге. Спрятался Василий в кустах. Проехали бородачи, очевидно, на «промысел». След телеги привел Василия к уединенной в тайге избушке. Из трубы клубился дым, окутывая синевой кроны густого кедрача. Рядом с избой — сарай. Из дверей дома выскочил мальчуган лет десяти с пустым цинковым тазиком в руках. Быстрым движением он отомкнул сарай и юркнул в открытую дверь. С опаской топограф заглянул в окно избушки. Посредине печь, кругом наполненные мешки, все разбросано. Он пробрался к сараю, Босоногий мальчик выгребал из мешка крупу. Увидев пришельца, сорванец пронзительно завизжал. Мальчуган выхватил висевший на боку нож и пошел навстречу, но вдруг

метнулся в дальний угол. В его руках сверкнула коса. Он замахнулся, конец косы зацепился о жерди, образующие потолок, коса изогнулась в воздухе и, отлетев, спружинила, располосовав щеку мальчугана, Василий, изловчившись, схватил окровавленного мальчонку, который кусался и царапался. Таким топограф доставил в палаточный лагерь Саньку. Несколько раз пытался сбежать Медный из лагеря, а когда узнал, что всех бандитов выловили, — успокоился. С тех пор и прижился Александр в экспедиции.

— Ну, пора наверное, — проговорил Саша, впрягаясь в лямки рюкзака, и спутники побрели по заснеженной безлюдной тайге.

Много они прошли за летний полевой сезон. В начале лета их было трое. Бритоголовый здоровяк Кондратам, называвший себя таежно-устойчивым, проработал всего месяц. Как только появились комары, мошка, к концу подошли продукты, Кондратий не вынес — сбежал, похитив бинокль, ружье, единственный компас и остатки продуктов.

Долго тогда раздумывали Василий и Александр: вернуться в экспедицию или продолжать маршрут.

— Нет у нас компаса, значит, будем работать «на ощупь тайги» — предложил Василий. — Карта обязательно нужна в этом году. Иначе задержатся геологические изыскания и строительство комбината.

Согласно договоренности самолет с продуктами несколько раз кружился над тайгой в условленных местах. Но обессилевшие первопроходцы запаздывали к намеченным срокам. Самолеты безнадежно кружили над тайгой, и, не обнаружив костров, пилоты возвращались. В экспедиции все были обеспокоены. Три месяца прошло, а топографов не было. Самолеты много раз уходили на поиски, но безрезультатно.

Однажды в конторе экспедиции появился рабочий Кондратий и рассказал, что Колесников с Александром утонули при переправе через горную речку, а ему удалось спастись.

Вскоре Кондратий уволился. Все в коллективе знали о трагической гибели своих товарищей. Только жене Василия Федоровича ничего не рассказывали. Надеялись отыскать останки землепроходцев, тогда и сообщить.

Идти становилось все труднее. Однажды, подстрелив медведя, насушили мясо, которое ели четыре месяца, оно-то и спасло жизнь, дало возможность закончить работу. Иногда удавалось подстрелить зайца, кедровку. Делились каждым кусочком. В последние дни вываривали чурочки березы и кормились березовым отваром.

Почти три десятка лет бродит ежегодно по тайге Колесников и в первый раз пришлось выходить, доверяя интуиции, «на ощупь тайги».

Многолетний инстинкт не подвел бывалого путешественника земли Сибирской.

И надо же такому случиться, что в избе, в которую уже почти без сознания ввалились двое заиндепевших, исхудавших геодезиста, собрались друзья Колесникова, чтобы отметить день рождения трагически погибшего Василия. В этот день отважный путешественник родился еще раз.

ТОПОГРАФЫ О ЛЫКОВЫХ

В 1982 г. в газете «Комсомольская правда» Василий Песков опубликовал серию статей о семье Лыковых, которые жили на берегу реки Большой Абакан. Журналист писал, что он первый увидел Лыковых и их избушки.

Сразу же ко мне обратились многие наши топографы. Первый телефонный звонок был из Новосибирска. Звонил бывалый землепроходец, с которым мне пришлось долгие годы работать, Андрей Осипович Казакевич, который в 60-х годах, выполняя нивелирные измерения, прошел с отрядом изыскателей по всем рекам юга Красноярского края. Дважды ему пришлось встречаться с Лыковыми, палатка Казакевича две недели стояла возле их избы. Здесь отрядом были выполнены различные измерения для создания топографической карты. Казакевич подарил Лыковым топор, большую кастрюлю и чайник, а те в знак благодарности насыпали ведро кедровых орехов.

Бывший сибиряк (сейчас живет в Баку) Александр Иванович Татаренков, долгие годы проработавший начальником топографической партии и экспедиции, хорошо знал историю Лыковых, его отряды неоднократно бывали в этой семье. На всех топографических картах нанесены изба, броды, тропы, а названия многих ручьев, урочищ подсказали именно Лыковы. Недалеко от избы бензопилой выпилена поляна правильной формы. Она хорошо просматривается и сейчас на аэрофотоснимках. На вершинах хребтов вокруг избы стоят деревянные вышки — пункты триангуляции, которые были выстроены в 40-х годах, а в дальнейшем их обновляли для того, чтобы выполнять геодезические измерения.

Недавно мне удалось встретиться с топографом Британом Шубиным, который работал недалеко от Лыковых. Он назвал мне фамилии топографов, создававших карты этих районов в разные годы. С некоторыми землепроходцами я встретился и попросил описать, как проходили работы по реке Большой Абакан и знакомство с Лыковыми. Много рассказал мне интересного про Лыковых Василий Васильевич Полевцев, фамилия которого внесена в формуляр топографической карты (сейчас В.В. Полевцев живет в Москве). Создатель многих сибирских карт, В.В. Полевцев тридцать лет своей жизни посвятил их составлению, выполнял высокоточные геодезические измерения, покоряя вершины Саян, изучая дикую природу для того, чтобы нанести все на карту, которой еще не существовало. Привожу полный текст письма В.В. Полевцева.

«Весной 1940 г. после окончания института я был направлен в экспедицию № 46 Новосибирского аэрогеодезического предприятия Главного управления геодезии и картографии. Начальником экспедиции был Кудрявцев Донат Михайлович, опытный инженер. Экспедиция базировалась в поселке Майма (Майма-Чезгачак) Алтайского края.

Мне поручили выполнять наблюдения на геодезических пунктах основного ряда триангуляции второго класса, проложенного от водораздела рек Лебедь и Байгол на юг по гольцам между рекой Большой Абакан и озером Телецкое и далее к поселку Кош-Ачаг. Геодезические пункты были установлены на очень высоких труднодоступных горах с отметками от 1500 до 3200 м над уровнем моря в необжитом таежном районе Горного Алтая.

Работа здесь оставила яркие, незабываемые впечатления. Кедровая тайга, горные реки, широкие горизонты, открывающиеся с вершин гор, внезапно налетающие дожди и грозы, альпийские луга с коврами из цветов, множество зверей: медведей, рысей, сохатых, изюбров.

Запомнилась встреча с Лыковыми.

Кроме меня в наш небольшой отряд входили помощник Петр Долгушин и конюх Яков. Все имущество, в том числе приборы и продовольствие, перевозили вьючно на четырех лошадях. На берегах рек делали остановки, оставляли там, как правило, часть имущества и налегке с теодолитом поднимались на вершины к геодезическим пунктам.

Продвигаясь вперед, мы вышли в верховья рек Лебедь и Байгол, затем спустились к реке Большой Абакан на участке восточнее озера Телецкое; каких-либо троп для передвижения, естественно, не было.

В один из ясных дней (в июне, начале июля) вышли, ведя лошадей за повод, на небольшую поляну у берега реки. На поляне стояли три избышки и один-два ветхих небольших сарайчика. Как потом оказалось, была еще небольшая, рубленая из бревен банька. Поляна поросла высокой травой. Здесь Большой Абакан (его верхнее течение) имел ширину не более пятидесяти метров. Из воды высовывались валуны. От быстрого, стремительного течения стоял характерный для высокогорных рек шум, такой, что на берегу нельзя было услышать голос человека.

У домов стояли две лошади. Помню необычный вид этих лошадей: гривы спускались низко, свисая с шеи, закрывая глаза; лошади мерно покачивали пышными, спускающимися до земли хвостами, отмахивая оводов. Необычно было и это жильё среди буйства зелени, вдали от людей. От всего увиденного повеяло стариной. Это первое впечатление в дальнейшем лишь усилилось. Кроме того, чувствовалось какое-то запустение, заброшенность всего хозяйства.

Мы прошли вдоль берега и, выбрав подходящее место в нескольких десятках метров от избушек, разбили свой лагерь, пустили лошадей к траве, поставили палатку.

Из избушки вышла женщина, но быстро вернулась и затем вышла с другой, постарше. Так они постояли, опустив руки, ошеломленные, на приветствие не ответили и ушли в избушку, оттуда в окно выглядывали еще женщины.

К вечеру все же удалось завязать разговор с пожилой женщиной. Она сказала, что мужиков на заимке нет, женщины одни. Но и они, наверное, будут переезжать. На вопрос, где находятся мужчины, они отвечали уклончиво, неохотно. В дальнейшем из разговора стало ясно, что их увезли в город Абакан (более 500 км) представители властей, которые добрались сюда года два назад (1938 г.) и предъявили им какое-то обвинение. Какое — толком не знал никто. Женщины думали, что мы знаем что-нибудь об их судьбе.

И еще. Из разговоров стало известно, что в это забытое поселение в 1936 г. нагрянули недобрые люди и случилось что-то трагическое. Именно после этого часть поселенцев ушла дальше в горы, в тайгу, и живут там и бродят семьями, без вины виноватые.

Незадолго до нашего приезда умерла бабушка 90 лет. Здесь на заимке она и родилась.

О событиях в стране, об Октябрьской революции ничего не знали. Знали только, что «нет царя».

Нам предстояло отработать поочередно четыре пункта в горах. А это значило, что дней двадцать придется базироваться здесь.

Надо было войти в доверие к женщинам, но пока чувствовалась их отчужденность, даже боязливость. Мы также испытывали какое-то недоверие. Ведь кто-то находился в тайге и, может быть, близко, оберегая эту семью (или две семьи), и неясно, как отнесется к нам.

Тем не менее на первый пункт мы вышли налегке, оставив доверительно часть имущества и одну лошадь на заимке. Вернулись дня через три, все было цело и в прежнем порядке.

Однако большему сближению, как хорошо помню, помогло одно событие. Мы находились в палатке, когда услышали громкие голоса и плач. Оказывается, потерялся сын одной из женщин, лет пяти-шести. Поиски ничего не дали, и мать предполагала, что он сорвался с валуна в реку и, конечно, если это так, то утонул. Она кричала, бегая туда-сюда. Другие две женщины также громко звали его (как будто звали мальчика Димой). Видимо, искали его уже давно и были растеряны. Мы, не веря в страшный исход, тоже стали искать и звать. И вот я, проходя мимо сарайчика, услышал

что-то наподобие храпа. Дверка была чуть-чуть открыта. Первая мысль — рысь, и, может быть, напала на ребенка. Осторожно подойдя к двери, я увидел такую картину. На медвежьей темно-коричневой шкуре лежал на спине, разбросав ручки, совершенно голый мальчик и тихо храпел, скорее сопел. Я осторожно взял его и вынес к матери. Радость женщин, конечно, была огромная. Отношения наши смягчились. С нами стали разговаривать, подходили к палатке, расспрашивали, кто мы, что делаем, убедились, что у нас самые мирные дела.

Теперь можно было зайти в избушки. Они были невысокие, рубленые из бревен, с ветхими крышами. Добротны сделаны крыльцо и двери. У входа, сбоку от крыльца одной из избушек, висел черный чугунный умывальник, каких нет в обиходе в наше время.

Умывальник имел носик для слива воды, а по бокам — ручки, за которые он был подвешен на двух проволочных прутах. Надо было за носик наклонять этот сосуд и мыться сливаемой водой. Конечно, это из глубокой старины. В другой избушке умывальник был сделан из дерева, но по форме такой же, как и чугунный. Внутри избушек русская печь, занимающая треть единственной комнаты. Деревянный стол, скамейки, деревянная кровать. На полках, укрепленных на стенах, стояли иконы, лежало несколько книг в старинных кожаных переплетах. У печки — черный чугунный ухват с деревянной ручкой, кухонная посуда, частью деревянная, миски, кружки, ведра из дерева, теса разного размера из бересты. Пол из досок, грубо отесанных, частично застлан.

Ничего брать нам не разрешалось. От нас тоже ничего не брали, да у нас и не было того, чем можно было поделиться. Сахар тоже не брали, хотя я и хотел однажды угостить.

Это были старoverы. Гонимые мирской жизнью, они забирались все дальше от людей. И все суровее становилась их жизнь. Здесь им было как будто бы сносно, если бы не страшные события двухлетней давности, когда их тихую жизнь нарушили.

Они разводили скот, кур, сеяли пшеницу, занимались охотой, ловили рыбу. Много было картофеля. Помню, женщины в моем присутствии резали его на мелкие части, расстилали на металлических листах и сушили в печах. Много растапливали масла и заливали его в бочоночки, удивительно добротны сделанные. Оказалось, они готовили запасы для переезда. Куда? Говорили, что в Абакан, но как-то неуверенно. Чувствовалось, кто-то должен подсказать, а вернее, решить окончательно. Это запомнилось хорошо. В избушках и около них было чисто, все разложено по своим местам, убрано. Чистоплотными выглядели и эти трудолюбивые женщины. Они были одеты в домотканую одежду, белую и темно-коричневую.

Костюмы старого крестьянского вида, довольно опрятные. На ногах мягкие башмаки из кожи, выделанной кустарно, неяркие платки на голове. Все: одежда, обувь, предметы обихода — напоминало традиционную крестьянскую жизнь, но с сильным оттенком глубокой старины. Этому впечатлению способствовало и своеобразие их речи, как бы пришедшей из Древней Руси.

На вторую гору к пункту мы отправились без конюха, оставив его на заимке. Он был общительным, открытым человеком. Вернулись точно в назначенный день к вечеру. Конюх с женщинами быстро установили большой стол на берегу реки и пригласили меня и помощника к обеду. За столом сидели мы одни. Помню обилие пищи. На столе стояло несколько деревянных мисок с горячей картошкой, простоквашей, сметаной, топленым маслом, медом, шаньгами с творогом. Это уже было ново. Такой пир повторялся два-три раза, один раз с добавлением жареной рыбы. Запомнилась очень вкусная рыба сиг.

Наутро я вышел из палатки и увидел, не без удивления, на дорожке мужчину лет сорока, среднего роста, плечистого. Он стоял вполоборота ко мне. Одет был во все домотканое. Темно-коричневая куртка, брюки, сапоги кожаные, мягкие. На голове островерхая шапка, тоже темно-коричневая. Борода рыжеватая, взгляд недоброжелательный.

— Здравствуйте. Доброе утро, — сказал я, подходя совсем близко к нему.

В ответ — ни слова, повернулся и пошел в избушку. Я видел его еще только раз. Это было в тот же день вечером, когда у берега реки он встречал женщину с котомкой за плечами, одетую в более темную одежду. Она за руку вела мальчика (или девочку?) лет семи.

Днем я, видимо, чтобы внести ясность в ситуацию, зашел в одну из избушек. Мужчины в ней не было. Над открытым подпольем стояли две женщины, а оттуда им подавал мешок с мукой другой мужчина лет 22—25, сильный, обросший редкой бородкой. Разговаривать со мной также не стал и скрылся в подполье. Женщины были веселее, чем раньше, сказали, что они пришли помыться в баньке. И действительно, к вечеру банька дымила, как паровоз.

Этих двух мужчин, женщину и ребенка мы больше не видели. Женщины говорили, что это был сам Лыков.

На следующий день я спросил, кто эти люди, куда они ушли. Ответили, что родственники, приходили в баньку, ушли в свою избушку, что вверху по реке.

Так я узнал, что в пятнадцати-двадцати километрах вверх по реке есть еще изба и люди.

Вся наша жизнь на заимке проходила в темпе, мы не могли терять ни одного часа. Задание было очень напряженное, а сделано было еще мало. Поэтому анализом ситуации, своего поведения в этом поселении особенно заниматься времени не было.

На заимке мы уже были как свои. В один из дней я решил съездить на теплый ключ, о котором женщины говорили, как об очень целебном. Место это расположено недалеко. На косогоре, где бьет горячий источник, был устроен сруб в котловане глубиной около двух метров. Желая принять ванну спускался в сруб, закрывал деревянной затычкой отверстие внизу и открывал другое, на высоте плеч. Из этого отверстия лилась горячая вода температурой около 38—40° С, видимо радоновая. Через десять минут сруб заполнялся водой, и верхнее отверстие закрывали. После принятия ванны надо было открыть нижнее отверстие для слива воды. После купания ощущалась слабость.

Наступил день отъезда. Женщины продолжали сушить картофель, топить сливочное масло. Другие поселенцы на заимке не появлялись. В день отъезда женщины подарили нам два небольших, плотно завернутых бочоночка с топленным маслом. Остаток лета масло было нам большим подспорьем.

Нам предстояло подняться вверх по Большому Абакану на 15—20 км, проехать мимо избушки, где обитал Лыков, и выполнить работу на двух пунктах, расположенных на высоких горах, поднимающихся от Телецкого озера.

В избушку на левом берегу реки не поднимались из-за недостатка времени. Да и вряд ли можно было рассчитывать в короткий срок завоевать доверие поселившихся в ней людей и войти с ними в контакт.

Женщины сказали, что там, где мы собираемся останавливаться, оборудовано ими овощехранилище, указали точно его место и разрешили брать там все, что будет нужно. Но чтобы потом все закрыть, как было. Там оказались большие запасы картофеля, моркови, капусты, прекрасно сохранившиеся. Перед отъездом мы тщательно закрыли вход в хранилище.

Закончив здесь работу, мы вышли на тропу, идущую к поселку Яйлю на Телецком озере (в 60—70 км). В поселке находилась дирекция Алтайского заповедника. Сотрудники заповедника оказали нам большую помощь в работе.

Названия рек, пунктов триангуляции помню немногие: «Азарт», «Кайрубажи», «Куркуребажи». Последний пункт «Куркуре» на одноименной горе высотой около 3200 м особенно памятен. Мы работали на вершине в сентябре, когда там была настоящая зима.

На гору поднялись втроем от перевала, оставив в верхнем лагере лошадей. Взяли, кроме приборов, минимум одежды, продуктов, снаряжения, хвороста для костра. Никакого альпинистского снаряжения не было. Последний бросок (как говорят альпинисты) сделали успешно, за восемьдесят часов. Конюх сразу же спустился вниз.

Вершина горы была очень узкой (один-два метра) и короткой (не более пятнадцати метров), так что ходить приходилось, как по ножу. Крутые склоны из крупных камней. Пришлось пристроиться на скале между камнями, накрыв их тентом из плащ-палатки. Выход наверх из этой своеобразной пещеры был очень опасным: чтобы не свалиться в пропасть, надо было, прижимаясь к камням, ползком подниматься метров десять.

Все это было обыденно. Но утром мы оказались заваленными снегом. Снег, вернее ураган со снегом, продолжался несколько дней. Спускаться с горы было безумием. Мы находились в плену непогоды. Ждали ее улучшения, хотя продукты уже делили на малые порции, а потом ели только один-два сухаря в день. На восьмой день стало проясняться. К нам поднялся конюх со связкой хвороста и сухарями. Это был героический поступок.

Мы работали на вершине в сентябре, когда там была настоящая зима

У помощника начался бред, галлюцинации. Потом, когда можно было вывести его на самую вершину горы и он смог с моей помощью пройтись, это недомогание быстро прошло.

Работу закончили и спустились вниз. Эти горы, встречи с Лыковыми были уже позади.

Такие эпизоды не были необычными для тысяч геодезистов, первопроходцев, участников великой эпопеи топографического изучения территории страны. Они прошли действительно там, где во многих случаях не ступала нога человека, закрыли множество белых пятен.

Вот и все об истории с Лыковыми. Конечно, память сохранила не все об этих событиях почти полувековой давности...»

Из телефонного разговора со старшим топографом экспедиции Виктором Алексеевичем Вуншем я записал следующее.

Будучи еще школьником (он уроженец тех мест), Вунш дважды встречался с семьей Лыковых на верхнем, где жили братья, и нижнем поселении в верховье реки Большой Абакан, где проживали отец, мать и дочь. При встрече с ними В.А. Вунш фотографировал их, и, когда появилась публикация о Лыковых в газете «Комсомольская правда», выслал фотографии В. Пескову.

Из разговора местных жителей было известно, что семья Лыковых и еще несколько семей проживали с начала 20-х годов в среднем течении реки Большой Абакан до 30—40-х гг. Затем все семьи разбрелись в разные места (Горную Шорию, Горный Алтай), а Лыковы перебрались в верховье Большого Абакана, где и проживали.

В 1962 г., создавая новую высокоточную топографическую карту в районах реки Большой Абакан, топограф из Бийска, Алтайского края, Михаил Петрович Загородников подробно обследовал эти районы, выполняя геодезические измерения, нанося на карту все ручьи, родники, тропы, давая характеристику леса и всех горных рек. Вот, что написала мне жена Загородникова Мария Степановна Илюхина, которая работала в этом же отряде в 1962 г.

«Наша база партии располагалась на левом берегу реки Большой Абакан в заброшенном доме бывшего кордона Алтайского заповедника.

Ранней весной и поздней осенью нашу базу посещали местные рыбаки, приплывавшие из города Абазы Красноярского края на очень больших (длиной около десяти метров) лодках с моторами.

Всех рыбаков мы не помним, кроме Петра Лыкова, который приплывал весной, и было ему в ту пору лет около сорока, а может чуть больше или меньше.

Из их рассказов мы узнали следующее. В период коллективизации два брата Лыковых с семьями не поехали в общий поселок, а пробрались выше по течению реки Большой Абакан (каким транспортом, не знаем) и обосновались на правом берегу реки Большой Абакан чуть ниже устья ручья

Бедуй, километрах в трех-четырех от теплого радонового ключа, который расположен выше по течению ручья Бедуй.

На этом месте среди кедрача у них было срублено две избышки из кедровых деревьев огромной толщины (вся избышка высотой более двух метров была сложена всего из трех венцов).

В этот период они согласились, видимо по предложению работников заповедника, работать на кордоне егерями. Но некоторое время спустя, когда приехали представители Алтайского государственного заповедника на этот кордон, они обнаружили в домике аккуратно сложенные вещи (спецодежду), два карабина с боезапасами стояли в углу, а егерей — братьев Лыковых — не было, они ушли.

Спустя какое-то время они убили или поймали (не знаем точно) марала и обдирали его, а их в этот момент увидели егеря заповедника и велели остановиться, когда они кинулись бежать. Они егерей не послушали и продолжали бежать, тогда один из егерей вскинул карабин и выстрелил.

Стрелял он, возможно, чтобы остановить их, но вышло так, что убил одного из братьев. Фамилия этого егеря, который проживает в Турочакском районе на озере Телецком в Камгинском заливе, Хлобыстов.

После этого случая семья одного из братьев ушла еще выше по реке, а вторая семья, возможно, вернулась обратно к людям.

Та семья, которая ушла выше, состояла из мужа, жены и дочери.

В 1958 г. во время ловли рыбы Петр Лыков (племянник ушедшего в горы Лыкова) заплыл высоко вверх по реке Большой Абакан, аж до того места, где в него вливаются три притока, плыл на шестах, и потому очень тихо, не слышно. На берегу реки он увидел двух мужчин, которые, заметив его, стали уходить. Петр Лыков окликнул их: «Дядя, ты зачем уходишь? Я тебя все равно узнал». Тогда они остановились и подошли к берегу. Разговора у них, как у родственников, не получилось. Дядя у племянника не поинтересовался даже своими родственниками в «миру», а предложение племянника вернуться к нормальной жизни не захотел и слушать. Информации у них не было никакой. Они даже не знали о том, что была Великая Отечественная война. Двоюродному брату Петра Лыкова было в то время лет около шестнадцати, выглядел он болезненно и стоял молча, полупотвернувшись. Племянника дядя не пригласил к себе и сказал, что живут они вдвоем с сыном. Петр Лыков спросил у него про тетю и про сестру свою двоюродную, которую он знал. Дядя ему сказал, что они умерли, а про другую сестру и брата вообще ничего не сказал. Петр предложил ему взять у него мешок соли. Дядя задумался, а потом с сожалением сказал, что не нужно. Привыкнуть, говорит, очень легко, а вот отвыкать очень трудно. Петр увидел у него за поясом топор, который состоял только из обуха и

сразу же начиналось лезвие. Он предложил дяде свой топор. Тот не отказался и поблагодарил его за это. Затем они с сыном повернулись и ушли в лес от берега».

ВСТРЕЧА

Привязав к деревьям навьюченных лошадей, мы, голодные как звери, бросились к избушке, в которой хранились продукты для партии. Завезли их сюда вертолетом еще ранней весной, когда снег был в человеческий рост. А сейчас избушка утопала в зелени и цветах.

— Сохранились ли продукты? — эта мысль уже давно мучила каждого из нас, особенно в последние дни, когда мы шли совсем голодные. Александр Квашнин, опередивший меня на несколько минут, кубарем вылетел из избушки.

— Уж не медведь ли?! — Я замер на месте. Зафыркали лошади. Передняя, которую вел Александр, рванулась, оборвала поводья и, сбросив навьюченный груз, убежала в сторону Бирюсы. Вдруг надо мной появился рой пчел. Отчаянно отбиваясь и не сразу сообразив, что пчелы вылетели из открытой двери избушки, я бросился в кусты.

Собрав лошадей и привязав их подальше, мы вооружились еловыми ветками и пошли в наступление. Но всякая попытка пробраться в избушку кончалась постыдным бегством. Битых два часа пытались мы выселить пчел, но тщетно.

Трудно предсказать, чем бы закончилась эта «баталия», если б не подъехал наш конюх Евдоким Егорович, старый рабочий, охотник. Он всегда выручал нас в критические минуты. Вот и теперь мы надеялись, что он что-нибудь придумает. И не ошиблись.

Через час, сидя у костра за вкусным обедом, охотник учил нас премудростям таежной жизни. И дело с выселением пчел оказалось совсем нехитрым. Егорыч спокойно вошел в избушку, осмотрел ее, осторожно выловил пчелиную матку и перенес в дупло старой лиственницы. За ней ушли все пчелы.

Глядя на распухшую, обиженную физиономию Александра Квашнина (он пострадал больше всех), мы дружно смеялись.

— Пропади они пропадом, — ругался он. — Чтоб их гром разбил в этой лиственнице.

— Неладно говоришь, — заметил серьезно Егорыч. Пчелок вместо ругани благодарить надо. Не поселись они в избушке — не хлебать бы нам щей с тушенкой. Это они сохранили продукты. Понимать надо!

ТАЕЖНЫЙ КОТТЕДЖ

Когда над тайгой бушует буря и скрипят могучие кедры, продвигаться опасно и лучше переждать. Несмотря на то что у нас кончились продукты и надо было спешить домой, мы все же разбили бивак.

Сидя в палатках, люди молча вслушивались в шум тайги. К вечеру буря утихла, пошел снег. Он падал большими хлопьями, засыпая палатки, мешки, выюки, ящики с приборами. Стало необыкновенно тихо и сумрачно.

Вдруг собаки с тревожным лаем бросились в заросли. Навстречу им ехал наш старый знакомый тувинец Хуурак. Он тоже возвращался из тайги. С его лошади свисали три свежие медвежьи шкуры, кожаные мешки с мясом и завьюченная израненная собака. Все обрадовались гостю. Вскоре, сидя у костра, мы слушали его необыкновенный рассказ.

...Хуурак спускался с перевала. Сзади понуро брели собаки. И вдруг они бросились в сторону. Вскоре раздался жалобный визг, неистовый лай. Охотник спешился и с карабином пошел в чашу. Лай становился все залиvistее. Неожиданно в самых зарослях он увидел заваленный валежником старый изуродованный самолет Ан-2.

Собаки то врывались в него, то с визгом выскакивали оттуда. Вдруг в проеме таежного «коттеджа» показалась голова его обитателя — бурой медведицы. Она не испугалась, а, встав на задние лапы, пошла на охотника. Собаки сразу же «пришили» ее к месту, а меткий выстрел уложил зверя наповал.

В то же время выскочил второй, на этот раз молодой медведь. Хуурак целился не спеша. А когда рассеялся дым, медведь лежал неподвижно. Но собаки снова ринулись в берлогу, и опять отчаянный визг и лай.

Больше часа понадобилось охотнику, чтобы выгнать из «коттеджа» всех его обитателей. Там оказалось еще два молодых медведя. И так как они выскочили одновременно, Хуурак успел убить одного, а другой убежал.

Долго охотник осматривал эту необыкновенную берлогу и убедился, что медведица выпестовала там не одно поколение своих потомков.

ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО

Солнечные лучи золотили склоны холмов, у подножия разукрашенных снежными прожилками. Северные их склоны были покрыты черными тенями, и воздух там казался прохладно-свинцовым. Наша экспедиция медленно продвигалась на восток, в глубь тундры, оставляя позади новые, только что выстроенные геодезические сигналы. Они, словно маяки, возвышались на самых высоких горах. Их отмечали на картах маленькими треугольниками, а это означало, что местность изучена и теперь после длительной камеральной обработки можно сдавать карту в печать.

— Черт бы побрал эту тундру! — сплюнул и выругался впереди идущий старый каюр Чемпогир, отмахиваясь от комаров и мошки. Он явно устал и был раздражен.

— Такая уж работа первооткрывателей, — объяснил я Чемпогиру, — исследовать один квадрат за другим, изыскивать природные богатства, составлять проекты, карты, а потом строить в этих местах электростанции, комбинаты, прокладывать железнодорожные пути.

Я рассказал ему, что наши партии работали и работают на Талнахе, Хантайке. Старик повеселел и сообщил, что его сын хочет ехать на строительство Хантайской ГЭС.

Когда полярный день уступил место солнечной ночи, мы вынуждены были дать отдых нашим оленям и разбили палаточный лагерь.

У Чемпогира на одной руке не было пальцев. Мы решили, что они когда-то были обморожены. Это очень часто встречается у оленеводов Заполярья. Но оказалось совсем другое. Когда мы растянулись в палатке на отдых, Чемпогир рассказал одну из необыкновеннейших историй, которая приключилась с ним в детстве, в трехлетнем возрасте.

Его родители были оленеводами и часто надолго уходили к стаду, а Чемпогира и его маленькую сестренку оставляли в чуме. Но вот однажды, возвратившись домой, они не нашли детей. Поиски продолжались несколько дней. Наконец, собаки обнаружили детей на берегу ручья в огромной норе. Оказывается, ребяташек похитили волки и спрятали в свое логово. Мать, увидев сына и дочь, бросилась к норе без оружия, но волки накинулись на незащищенную женщину и сильно изуродовали ее. Спасти удалось только Чемпогира. Вскоре мать умерла, так и не оправившись от ран. В этом волчьем логове и остались пальцы Чемпогира. Старый каюр показал нам шрамы от когтей хищников на ногах и голове.

ФОМКА

Мы выполняли геодезические работы по берегам реки Бирюсы. Продукты в лагере заканчивались. С нашим проводником Егорычем мне пришлось пойти к лабазу за провизией.

Отправились спозаранку, чтобы к вечеру добраться. Над холодной мокрой тайгой хмурилось небо. Тоскливо посвистывал осенний ветер, сметая листву в речку. На обрывистых берегах ежились красные кусты шиповника. Река обмелела, и мы двигались по просторному песчаному пляжу. Шли в полной тишине, только шелест опавшей листвы слышался под ногами.

На крутом берегу синела голубика. Мы не удержались с Егорычем от соблазна. Сбросив рюкзаки, горстями начали рвать спелую ягоду, с наслаждением набивая отощавшие за день желудки.

Вдруг Егорыч ткнул меня, показывая вперед на берег реки. У самой воды, среди оголенных талинок ковырялся поросенок. Откуда он здесь взялся? На сотни километров безлюдье, глушь. Заметив нас, поросенок взъерошился и с визгом умчался вдоль берега.

К лабазу мы подошли, когда вечерние сумерки окутали тайгу, и встретили возле него геологов из соседней партии. У костра рядом с бородатыми парнями лежал на спальных мешках в ожидании ужина наш дневной «незнакомец».

Геологи рассказали, что поросенка им подарила в Нижнеудинске хозяйка, у которой они квартировали. Теперь Фомка, такую дали ему кличку, стал общим любимцем. Он хорошо усвоил все правила таежной жизни. Утром просыпался первым и, толкая носом, будил повара. А как только появлялись из чайника первые кипящие струйки и с шипением падали в костер, Фомка пронзительно визжал, поднимая всех завтракать. Со всеми вместе он умывался в холодной утренней речке. Утром скатывал спальные мешки, а вечером раскатывал их. Это была его забота. Днем Фомка уходил далеко вперед по берегу реки.

— Так случилось и вчера, — разделявая кусок медвежьего мяса, продолжал рассказывать повар Еремей. — Пока я рыбачил, Фомка ходил за мной, а как только пошел собирать дровишки, помощник мой удрал по берегу. Вдруг раздался душераздирающий крик, смотрю — это Фомка прется ко мне, а за ним — медвежонок. Увидев меня, буренький развернулся и стремглав обратно. Я схватил карабин и — за ним. След привел меня вот к вашему лабазу. Смотрю: медвежата барахтаются на земле, разделяваясь с

кулем сахара, который им, видно, сбросила медведица, а сама она расправляется с продуктами на лабазе. Вот здесь я ее и ухлопал на месте преступления. А детки-то ее успели в тайгу удрать. Так что благодарите нашего Фомку, он — ваш спаситель, иначе не видать бы вам продуктов. Этот медвежий выводок все бы здесь уничтожил.

НОВОСЕЛЫ

Мы уходили с Бирюсы поздней осенью, когда в горах выпал снег. Свой груз оставили братьям Ильиным. На одном из притоков в верховьях реки Бирюсы, где расположен Государственный Саянский заповедник, они строили новую избушку. Я хорошо их знал — это знаменитые сибирские охотники. Олег Ильин, например, в один из сезонов добыл 157 соболей. Разумеется, братья не отказали нам и приняли все, вплоть до спальных мешков, чтобы уложить в свою избушку, как только она будет готова.

Ранней весной мы вновь пришли на Бирюсу. На берегу ручья, на полянке, стояла новенькая избушка. Добрались до нее очень быстро, потому что были налегке. В избушке должно было быть все необходимое для завершения работ.

Открыв двери, мы немало удивились, увидев, что в наших спальных мешках, расстеленных на нарах, кто-то расположился. Несколько минут постояли в недоумении, потом решили будить гостей. Только дотронулись до спальных мешков, мгновенно из них выскочили взлохмаченные звери. Мы не успели и выстрелить, как три росوماхи исчезли в тайге. Сразу же принялись осматривать оставленные нами снаряжение, продукты, инструменты. «Новоселы» за зиму почти прикончили все продукты, а кожаные изделия изгрызли.

Но работать все-таки надо было, хотя непрошенные гости и нанесли значительный урон. Мы ушли в маршрут, оставив Ильиным записку, в которой объяснили все случившееся, надеясь, что скоро охотники придут на Бирюсу.

Через две недели мы снова зашли в избушку. Оказывается, в наше отсутствие росوماхи продолжали жить в ней.

Нам предстояло уходить из этого района в связи с переездом на другой участок работ. А «новоселам» представилась возможность снова занять свою зимнюю квартиру — они оказались настойчивыми и жилье свое не уступили.

ГИПОТЕЗА

Это было ранней весной, когда еще лежал не успевший растаять снег. Мы вместе с начальником изыскательской партии Иваном Ивановичем Кунтиковым заканчивали проектирование по обследованию центральной части саянских хребтов. Неожиданно мне выдали другое срочное задание. Надо было быстро провести изыскательские работы, уточнить некоторые данные.

Все отряды быстро выполнили задание и улетели в Саяны. Но один отряд, который возглавлял молодой специалист Анатолий Яровой, продолжал работу на прежнем участке. Несколько раз он со своими помощниками прокладывал нивелирную трассу через проектируемую площадку, но все время получались разные результаты, хотя все делалось по инструкции.

— Горы передвигаются, — предположил Яровой, а потом с уверенностью продолжал доказывать, что горы еще молодые, их окончательное образование не закончено, поэтому и получаются недопустимые ошибки в нивелировке.

Над ним все только посмеивались, а Анатолий во что бы то ни стало решил найти доказательство выдвинутой им научной, как он говорил, гипотезы.

Однажды случай, казалось, сам пришел ему на помощь.

Анатолий заканчивал последний ход. Его правый глаз всматривался в окуляр нивелира. Прибор увеличивал изображение в двадцать пять раз и рейка казалась совсем близкой. Неожиданно Анатолий заметил, что она медленно двигается то вверх, то вниз. Дыхание его замерло. Он почувствовал, что уловил... движение земли. «Это уже настоящее доказательство», — ликуя, подумал он. Теперь гипотеза, казалось, была неопровержимо доказана.

Несколько раз изыскатель протирал слезы, набегающие от пристального напряжения и резкого ветра, чтобы тверже убедиться в своем доказательстве.

— Гипотеза доказана. Да, доказана, — повторял Анатолий, быстро приближаясь к рейке, которую держал Женя Иванов. Все остальные стояли на своих местах, не понимая, что случилось. Анатолий подбежал к речнику, поднял металлическую пластину, на которую ставится рейка, подпрыгнул и... провалился по пояс.

Лицо его побледнело. Он молниеносно выскочил из ямы, а вслед за ним выпрыгнул... медведь. Женя, сняв ружье, поспешно выстрелил в четвероногого. Но заряды прошли мимо, хотя расстояние не превышало четырех метров. Медведь метался в разные стороны. Он то пытался убежать, то вновь возвращался. Два десятка патронов все же уложили косолапого. Израненный, вконец разозленный медведь вскоре «успокоился».

— Вот и гипотеза, — проговорил Виктор Шишкин, кивая на медведя. Было ясно, что теперь нивелировка получится. Гипотеза, к сожалению, не подтвердилась.

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

В Восточные Саяны мы прилетели на самолете Ан-2 из города Абакана. Здесь, в поселке Верхние Гутары, мы нашли каюра Николая Саганова и арендовали тринадцать оленей. Николай — опытный охотник, по национальности тофалар, в сельсовете нам рекомендовали его, как человека, который знает тайгу в этих районах лучше всех. Нам предстояло создать новую карту этой малоисследованной высокогорной части саянских хребтов. Груза оказалось очень много, по договоренности мы обязались выучить на оленей не более 25—30 кг на каждого. Но пришлось нарушить обещание. Тофаларские олени оказались гораздо крупнее северных, и с молчаливого согласия каюра мы взвалили 600 кг наших геодезических приборов, палаток, спальных мешков, посуды и продуктов питания на наших олешек и отправились на юг по тропе. Тропа извивалась вдоль левого берега горной реки Ужур.

На третий день вышли на перевал к реке Казыр, где должны были выполнить геодезические измерения. Наши походы планировались на пять-шесть дней на вершины скалистых гор. Вдруг хлопьями повалил снег, но вскоре прекратился.

С вечера мы вчетвером готовились пойти на вершины гор, а каюр с одним рабочим должны эти четыре дня оставаться в лагере охранять животных. Корм вокруг был хороший: нетронутые поляны любимого лакомства оленей — ягеля, да и воды кругом полно: ручьи, родники, озера. А главное, что горная прохлада не пропускала на перевал комариный гнус.

Ярко-белые плешины снега украшали панораму унылых скалистых утесов. Деревья здесь низкорослые, редкие, изуродованные пронзительными горными ветрами, опаленные молниями, многие из них украшены разноцветными тряпочками. Таков обычай местных жителей оставить горному духу приношение и привязать тряпочку — отвести от себя горе, беду.

Закончив приготовления к трудному маршруту, мы стали укладываться в спальные мешки. Я боялся, как бы завтра не помешала погода. Мне давно не приходилось взбираться на такие скалистые кручи, некоторые из которых покрыты вечным слоем снега и льда.

Вдруг наш Анчар с громким лаем помчался на перевал в сторону разукрашенных деревьев. Мы выстрелили несколько раз. Лай быстро удалялся в горы, очевидно, Анчар кого-то преследовал.

Рано утром нас разбудил каюр тревожными криками: «Следы на снегу, следы на снегу!» Действительно, на свежем выпавшем снегу огромные следы босых человеческих ног, а рядом маленькие — Анчара. Мы принесли из лагеря линейку, стали измерять и сопоставлять со своими ногами отпечатки ног ночного пришельца. Самыми крупными оказались ступни у Александра — 30 см, он самый высокий среди нас, а ночной след был еще на 10 см больше. Конечно, все сразу стали строить догадки, что это снежный человек. Мы, вооружившись, взяв с собой топоры, ножи, все вместе пошли по следам, пока они совсем не исчезли: солнце поднималось над вершинами гор, нагревая воздух, слизывая вечерний снежок. Следы вели по перевалу в сторону Казыра, к многочисленным озерам, где и начинается эта коварная, порожистая горная река. При спуске к озеру следы потерялись. Собака совсем не шла по следу, и, вообще, после ночного похождения Анчар не убежал от нас, держался рядом. Николай предположил, что собаку ночью обидел снежный человек, и теперь она его боится.

Нам предстояло создать новую карту этой малоисследованной высокогорной части саянских хребтов

К обеду мы возвратились в свой лагерь. В наше отсутствие кто-то побывал здесь. Все мешки с сухарями, крупами оказались развязанными, мука рассыпана. Все это сделано как-то неумело. Ничего не взято. Каюр объяснил, что это горный дух Элиг-таг, он очень разгневан нашим

присутствием. Поэтому Николай наотрез отказался с нами работать, мы вынуждены были нашего практиканта Владимира отправить с Сагановым в Верхние Гутары для замены каюра, а сами тем временем снова собрались в горы.

Нам предстояло определить координаты нескольких остроконечных скальных вершин, установить на них вешки с флажками для измерений теодолитом с других гор в следующем маршруте, когда придет новый каюр с оленями.

Всех нас, оставшихся без собаки среди диких скал, беспокоили странные следы на снегу и таинственная проверка нашего снаряжения. Неужели все-таки существует снежный человек? Каждый из нашей четверки еще и еще раз вспоминал в деталях все случившееся.

У меня на счету много было уже различных примеров уединения человека в тундровую или таежную глухомань, но все они были объяснимы.

Однажды, работая на юге Красноярского края в верховьях реки Амыл, мы обнаружили, что стали убавляться продукты в период нашего отсутствия. Обычно топографы организуют свою работу так. Где-то на тропе оставляют основную часть своих продуктов и снаряжения, а сами налегке уходят на несколько дней в горы. К концу полевого сезона незнакомец стал наглеть. Мы поняли, что за нами следят. В таких случаях выручает собака, редко я уходил в тайгу без четвероногого друга. В один из походов мы оставили в лагере студента Новосибирского топографического техникума, который проходил практику. Леонид немного стер ногу, и ему нужно было подлечиться для следующего трудного маршрута. Практикант на берегу ручья чистил закопченные котелок, миски, кружки, пользуясь тем, что наконец-то нашлось время и для этой работы. Неожиданно у палатки послышался шорох, треск сучьев. Испуганный Леонид пробрался в густой ельник и стал наблюдать за палаткой. Оборванный, обросший незнакомец, держа в одной руке ружье, другой отсыпал в свою котомку крупу, соль, сахар. Огненно-рыжая бороденка свисала на замусоленную нищенскую куртку. Озираясь по сторонам, таежный воришка быстро исчез. Студент забежал в палатку, схватил двухстволку и пальнул дважды в сторону удалившегося, сопровождая выстрелы пронзительным свистом. Больше незнакомец не появлялся. А в верховьях реки, на перевале, где в многочисленных озерах берут начало реки Амыл и Ус, мы обнаружили жилье этого человека. У горячего родника с корнями вырвано ветром дерево, в этом углублении и обитал скиталец. Внутри шалаша все утеплено мхом, возможно когда-то это была медвежья берлога. На деревьях мы обнаружили много развешанных сушеных грибов, у потухшего костра кости птиц, оленей. У скалы нашли приспособление для высекания огня.

Закончив экспедиционные работы и возвратившись в Минусинск, мы рассказали об этом. Оказывается, еще в годы войны житель села Каратузское дезертировал из армии и с тех пор скрывается в тайге. Несколько раз видели его у деревни Андреевки. Мы указали на карте место жительства отшельника. Зимой мне сообщили, что по нашей новой карте нашли шалаш и поймали рыжебородого, который наводил страх на местное население.

Всего полтора месяца ранней весной мне пришлось как-то работать в Хакасии. В поселке Абаза заканчивались дороги, дальше вдоль реки Абакан нам пришлось передвигаться на лошадях

Всего полтора месяца ранней весной мне пришлось как-то работать в Хакасии. В поселке Абаза заканчивались дороги, дальше вдоль реки Абакан нам пришлось передвигаться на лошадях. Много мы здесь наслышались от местных жителей про староверов, которые в тридцатые годы семьями уходили в тайгу от преследований. Мне так и не довелось с ними повстречаться, хотя с некоторыми из них встречались наши топографы, наносили их избы на новую карту. Леса здесь богаты кедровыми орехами, ягодами, грибами, а в реках водится много рыбы.

По разным причинам люди скитаются по тайге. Мой помощник геодезист Евгений Сергеевич рассказывал, как на Севере в Тюменской области встретился с таежным отшельником, который когда-то бежал из заключения, а теперь боится возвратиться домой, так и скитается в тайге.

Работая на Севере в 400 км на восток от Игарки, мы выстроили на берегу озера Агата базу партии, дом для конторы, баню, небольшой склад,

столовую, вырубили площадку для посадки вертолета. Два летних сезона мы пробыли на этом объекте. На третий полевой сезон работ оставалось совсем мало. Первый полет на вертолете на Агату наместили на апрель. На зиму мы оставили на базе часть продуктов, упаковав их в железные бочки. Нужно было проверить их сохранность от грызунов и завезти снаряжение, остальные продукты, авиагорючее на весь полевой экспедиционный период.

Подлетая к Агате, командир вертолета, бывалый полярный летчик, Владимир Смирнов кивнул в сторону базы. Сделал круг, облетев ее еще и еще раз. Странно, на нашей базе кто-то жил. Из трубы бани валил дым. Кругом натоптаны тропы. Снег здесь за зиму выпадает глубокий — два-три, а то и четыре метра. Наконец вертолет приземлился. Было очень тепло. Солнце палило по-летнему. И вдруг мы увидели коренастого человека, впряженного в огромные сани, на которых были нагружены дрова. Незнакомец, не обращая на нас внимания, продолжал двигаться по берегу в сторону бани. Чувство страха и любопытства охватило нас; вместе с экипажем, проваливаясь в двухметровый снег, мы направились к базе. Оказалось, что в конце полевого сезона в одной нашей бригаде заблудился рабочий Иван Лемешин. Долго его искали. Летали на вертолетах, организовывали поисковые бригады, но все оказалось безрезультатным. В конце сентября бригады и вся партия, завершив полевой сезон, на вертолетах вылетели в Игарку, законсервировав базу партии до весеннего периода. Иван приполз на базу партии с поломанной ногой в октябре. Почти семь месяцев жил в одиночку. Продуктов хватило, конечно, ассортимент не велик: сухари, растительное масло, соль. А как только срослась нога, Иван стал рыбачить, заготавливать дрова на зиму. Но слух и зрение потерял. Мы сразу же увезли вертолетом Ивана в Норильск в больницу, но врачи объяснили, что слух и зрение, потерянные из-за сильного нервного перенапряжения, не восстановить.

Много всяких случаев было за годы работы в экспедициях. Геодезист и топограф постоянно сталкиваются в пути с различивши таежными обитателями.

Но следы на снегу остались загадкой для меня. Может, это был очередной отшельник, не прижившийся в человеческом коллективе или ставший жертвой какой-то трагедии. У нас был случай в Свердловской области, когда, перевозя экспедиционный отряд, разбился в тайге вертолет. В живых остался покалеченный рабочий Иван Суровцев и летчик с переломанными ногами, находившийся в постоянном бреде. Рабочий ползком доставлял котелком воду из болота зажатому в разбитом вертолете командиру. Так продержались они тринадцать дней. Их все-таки нашли и спасли.

Трудно создавалась карта. Теперь она закончена. Многие геодезисты не дошли до финиша, исследуя труднодоступные места страны. Там, где раньше были белые пятна, появились на карте их имена.

Закончился и этот полевой экспедиционный сезон, выполнены очередные геодезические измерения. Можно поставить точку, но карта быстро стареет, и поэтому вновь первопроходцы собираются в свой очередной геодезический маршрут.

Contents

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

РОССИЙСКИЕ КОЛУМБЫ

ЯМАЛ

МЕДВЕЖЬИ ПРОКАЗЫ

КУБИНЕЦ

КРАСНЫЕ КРЕСТЫ

ЕГОРЫЧ

ПРИКОЛИСТЫ

О ГЕОДЕЗИСТАХ, УШЕДШИХ В ВЕЧНОСТЬ

МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ

ЗЛАТОКИПЯЩАЯ МАНГАЗЕЯ

СМЕРТНАЯ ТРОПА

ИССЕЛЕЙ

НЕСПИСАННЫЕ ПРОДУКТЫ

НАХОДЧИВОСТЬ

ИСПЫТАНИЕ МУЖЕСТВА

ПРАЗДНИК ШАРОВ

РАДИЙ И РОДИОН

БЕЛАЯ УПРЯЖКА

НЕПРИЯТНЫЙ ОПЕКУН

ОДИНОКИЙ

БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

ВЫСТРЕЛ У ОБРЫВА

ХИЖИНА БОБИРЫ

ПРИМЕТЫ ЖИЗНИ

СЫН ХАНТАЙКИ

СКРАДОК

БЕРЕЗКА

СПАСИТЕЛИ

КОРЕНЬ

ДВУЖИЛЬНАЯ

ЛЕКАРИХА

ПОРТСИГАР

РЕДКИЙ ПОЕДИНОК

ЛЮМБИРА

ЦЕННОСТИ
СТОРОЖЕВОЙ
ПОХИТИТЕЛИ
РЫБНЫЙ КОРОЛЬ
СОЛОВКО
САРАНЧА
ГОРНЫЙ ДУХ
ПОМОЩНИК
ПЕСНЯ ЧАЙНИКА
ПОЗНАЮТСЯ В РАБОТЕ
ЗА ПОДКОРМКУ
НА АГУЛЕ
СХВАТКА С КАЗЫРОМ
ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК
ПО ТАЙГЕ НА ОЩУПЬ
ТОПОГРАФЫ О ЛЫКОВЫХ
ВСТРЕЧА
ТАЕЖНЫЙ КОТТЕДЖ
ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО
ФОМКА
НОВОСЕЛЫ
ГИПОТЕЗА
СЛЕДЫ НА СНЕГУ

Виктор Романович Яшенко более сорока лет отдал любимой профессии геодезиста. Много пройдено трудных геодезических маршрутов — пешком с тяжелым рюкзаком и инструментами, на лошадях, оленях и собачьих упряжках. Во всех экспедициях Виктор Романович не расставался с дневником и фотоаппаратом. Записи в дневниках автора о людях героической профессии нашли отражение в настоящей книге.

---

notes

ПРИМЕЧАНИЯ

В состав комиссии вошли: начальник Управления топографо-геодезической службы Главного управления геодезии и картографии А.С. Земцев (Москва), начальник Сибирского аэрогеодезического предприятия С.И. Чудинов (г. Новосибирск), председатель профсоюза экспедиции № 150 В.Б. Звонак (г. Минусинск), заместитель главного инженера по технике безопасности Сибирского аэрогеодезического предприятия А.В. Тресков (г. Новосибирск). Кроме комиссии прилетел прокурор из г. Игарка и еще несколько представителей административных органов из Игарки, Красноярска и Норильска.

За Полярным кругом летом ночи светлые, поэтому все стараются работать ночью: днем больше комаров и мошкары.

3

По правилам техники безопасности бригады периодически должны выходить на радиосвязь.

4

Белковать — охотиться на белок.

Бакари — меховые сапоги из оленьей шкуры.

Малица — длинная без разреза рубаха с капюшоном из оленьих шкур мехом внутрь.

Фактория — торгово-снабженческий и заготовительный пункт в отдаленных районах Севера.